

О похоронах Маяковского и психической болезни Сталина

<https://oralhistory.ru/talks/orh-374-375-376>

1 июня 1974

Собеседник

Гронский Иван Михайлович

Ведущие

Дувакин Виктор Дмитриевич, Арутчева Варвара Аветовна

Дата записи

Беседа записана 1 июня 1974 и опубликована 29 августа 2023.

Введение

Значительная часть второй беседы с главным редактором газеты «Известия» (1928–1934) Иваном Гронским посвящена Владимиру Маяковскому, последним месяцам его жизни и самоубийству. Гронский общался с самим Маяковским и с литераторами, его окружавшими, был членом комиссии по его похоронам, так что он дает яркое и очень личное описание событий, связанных с трагической гибелью поэта.

Вторая большая история посвящена другому крупному советскому поэту Демьяну Бедному, с которым Гронский также был близко знаком. Гронский рассказывает о его возможном дворянском происхождении, о желании покончить с собой, а также об обстоятельствах личной жизни поэта и его круга.

Наконец, в завершении беседы Гронский дает свое видение личности Сталина, с которым был дружен, и рассказывает о своем наблюдении и убеждении, как и когда у Сталина началось психическое заболевание.

Комментарии к беседе подготовлены Владимиром Радзишевским.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Прошу вас, Иван Михайлович.

Иван Михайлович Гронский: Так. Я думаю, что сегодня я расскажу о встречах с Маяковским в последние годы его жизни, о встречах, наиболее интересных...

В. Д.: Всё-всё давайте...

И. Г.: ...и значимых...

Варвара Аветовна Аругчева: Почему? Всё, всё давайте, что помните.

И. Г.: Ну, видите ли, если говорить о всем, то... там много и мелочей.

В. А.: Это и интересно.

И. Г.: Они, собственно говоря, едва ли кого-нибудь будут интересовать.

В. Д.: А мы не знаем, какая мелочь заинтересует <нрзб> через двадцать пять – тридцать лет.

И. Г.: Ну, я думаю, что потом вы будете задавать вопросы, а я буду отвечать...

В. Д.: Хорошо.

И. Г.: ...и кое-что вспомним из мелочей. А сейчас мне хотелось бы рассказать о встречах, которые, на мой взгляд, имели довольно большое значение, которые довольно так это... полно, если хотите, характеризуют Маяковского того времени, его настроение. Одна из таких встреч произошла в Доме Герцена. Но встрече предшествовало другое. Мы условились с Демьяном Бедным вместе с женами пойти в театр Корша¹. Там шла какая-то новая пьеса, и мы хотели посмотреть пьесу и посмотреть игру Владимира Кригера... да-да-да, Владимира Кригера, артиста, моего друга. Это отец балерины Викторины Кригер. Мы с Кригерами дружили домами. Ну, и меня, естественно, интересовала его игра, исполнение им различных ролей. Но у меня жена заболела, пойти не могла, и я пошел по ее просьбе с ее приятельницей Людмилой Константиновной Мальцевой. В театре жена Демьяна Бедного, Вера Руфовна, устроила мне сцену: почему я пришел не с женой, а с какой-то девушкой. Ну, я долго убеждал Веру Руфовну, что это приятельница моей жены и что я пошел именно с ней не по своему желанию, а по ее просьбе. Мне удалось убедить Веру Руфовну (правда, с большим трудом) и познакомить Веру Руфовну с Мальцевой. Просмотрели мы пьесу. Ну, пьеса большого звучания не имела и, если не ошибаюсь, довольно скоро сошла со сцены.

¹ Театр Корша – Русский драматический театр (1882–1933), которым в 1883–1917 гг. руководил Ф. А. Корш, с 1885 г. располагался в Богословском (ныне Петровском) переулке (в 1933 г. в его здании разместился филиал МХАТ, теперь здесь Театр наций). С 1920 г. театр назывался «3-й театр РСФСР. Комедия», с 1925 г. – «Комедия (бывший Корш)», позднее получил название Московский драматический театр.

В. Д.: Какая? Не помните?

И. Г.: Об оживлении человека.

В. Д.: А, ну бог с ней!

И. Г.: Автора я не помню, и кто там исполнял роли, кроме Владимира Александровича Кригера, я тоже не помню.

Ну вот. После окончания пьесы я хотел отвезти Демьяна и Веру Руфовну домой и отвезти домой и Людмилу Константиновну Мальцеву. Когда мы выходили, я спросил Людмилу Константиновну, куда ее доставить. Она, в свою очередь, спросила меня, куда я поеду: домой или куда-либо в другое место. Я ей сказал, что обещал поехать, быть на одном из банкетов художников в Доме Герцена. Она напросилась на эту самую встречу. Я поэтому отправил Демьяна Бедного и Веру Руфовну в своей машине домой (он жил тогда в Кремле), а с Людмилой Константиновной мы пошли в Дом Герцена.

Дом Герцена был закрыт: там был банкет художников, очень много там участвовало художников из АХРР, это Ассоциация художников революционной России², но были художники и других объединений. Мне сразу... Причем у них там был большой стол, за столом этим расположились живописцы. Собственно, там и места не было, за этим столом, но, не спросясь, официант поставил столик справа у входа в зал и говорит: «Вот, Иван Михайлович, здесь вам будет удобно». Мы сели с Людмилой Константиновной за столик этот. Я заказал ужин...

² Ассоциация художников революционной России (АХРР) (1922–1932; с 1928 г. официально именовалась Ассоциацией художников революции – АХР) – художественное объединение, продолжавшее в пике авангарда традиции передвижников при освоении советской тематики. Целиком субсидировалось государством.

В. А.: Простите, не с Людмилой Константиновной, а с Верой Руфовной?

И. Г.: Нет-нет, с Людмилой Константиновной. Веру Руфовну и Демьяна я отправил к ним на квартиру.

В. А.: Я поняла, что наоборот, что...

И. Г.: Нет-нет-нет, с Людмилой Константиновной, подруга жены моей.

В. Д. (смеясь): Вы инкриминируете Ивану Михайловичу преступные намерения.

И. Г.: Видите, если бы я поехал с Верой Руфовной, поехал бы и Демьян, тем более, что он ревновал Веру Руфовну ко мне.

В. А.: А-а-а...

И. Г.: Демьян обязательно поехал бы тогда с нами.

В. Д.: И тогда вам трудно было бы разместиться.

И. Г.: Но я был там с Людмилой Константиновной Мальцевой. Вскоре пришли Асеев и Пастернак. Им тоже поставили столик

напротив как раз моего столика, но у противоположной стены, в углу. Мы поздоровались, но никакого разговора у нас поначалу не было. Они тоже заказали себе ужин, ну, вино заказали, естественно, потому что все-таки немножко выпивали все тогда.

В. Д. (*вполголоса*): А сейчас все не выпивают, а пьют.

И. Г.: Приходит Маяковский. Причем мне показалось, что Владимир Владимирович не в своей тарелке.

В. А.: Простите, это какой год?

В. Д.: Вот я тоже хотел...

И. Г.: Это... 29-й год. Дату, к сожалению, я восстановить сейчас не могу. Позже, может быть, я через художников каких-то, оставшихся в живых, и восстановлю по этому банкету: что за банкет и какого числа, какого месяца он был.

Он поздоровался со мной, я его познакомил с Людмилой Константиновной, предложил ему сесть. Маяковский не сел, топтался на месте, жевал папиросу. Я его спросил, я говорю: «Какая муха вас укусила?» – «А что такое?» – «Так вы же явно в расстроенных чувствах». Перекинулись несколькими словами, и неожиданно Маяковский меня спрашивает: «Скажите, Иван Михайлович, будете вы меня печатать?» – «Конечно, буду, – я говорю. – А к чему этот вопрос?» – «Я хотел бы вернуться в “Известия”. Сейчас Скворцова-Степанова нет, поэтому эта главная, так сказать, причина, что ли, моего неучастия в “Известиях” снята...»

В. Д.: Так ведь Савельев, простите... он порвал...

И. Г.: Со Скворцовым.

В. Д.: Со Скворцовым?

И. Г.: Я вам говорил прошлый раз...

В. Д.: Помню.

И. Г.: ...и как это происходило...

В. Д.: Помню, помню!

И. Г.: ...рассказал.

В. Д.: Я спутал, думал, что это Савельев...

И. Г.: Ну вот... Савельев тут не причем совершенно...

В. Д.: А уже вы были редактором?

И. Г.: Да! Я с 28-го года редактор.

В. Д.: Уже подписывали газету?

И. Г.: Да, подписывал газету, подписывал. Ну вот. Я говорю: «Владимир Владимирович, приходите ко мне в “Известия”, домой, если хотите, приходите, и мы с вами посидим, потолкуем. Приносите всё, что вы написали, прочитаем, обсудим и решим, что, где и как надо печатать». Он продолжал стоять, продолжал топтаться на месте. Я говорю: «Знаете, Владимир Владимирович, а может быть, вам стоило бы отдохнуть? Поезжайте-ка куда-либо в командировку. Я вам дам командировку, дам деньги, всё вам устрою, что необходимо». «Нет, не поеду никуда», – отвечает Маяковский. Я говорю: «Ну, а оторваться от всяких... неприятностей, которые, по-видимому, вас занимают и волнуют... может быть, стоит поехать за границу? Я вам командировку за границу дам и дам деньги». – «Никуда не поеду. Никуда, никуда не поеду» – таков был ответ Маяковского. И сколько я его ни уговаривал поехать куда-либо... Причем я ему предлагал устроить его куда-либо в дом отдыха, или в санаторий, или куда-либо, скажем, в глушь, в деревню, ну, допустим, на мою родину. Я говорю: «Будете охотиться». Кстати, там прекрасная охота: от куропаток до медведей – всё там имеется, всякая живность. Причем медведи очень такие спокойные. В детстве я с ними встречался в лесу, когда собирал грибы, – и никогда медведь у нас человека не трогал. Я говорю: «Только вы на медведей не... не гоняйтесь, а вот куропаток, зайцев, лисиц стрелять можете, сколько угодно». – «Нет, не поеду».

В. А.: Простите, у меня два вопроса.

И. Г.: Пожалуйста.

В. А.: Во-первых, вы не помните, какое это время года было?

И. Г.: По-видимому, это была зима 29-го года.

В. А.: Вы как одеты были, помните, в теплом?

И. Г.: Я всегда ходил в пальто демисезонном. Я никогда в жизни зимнего пальто не носил.

Один раз на меня надели зимнее пальто – я простудился и отдал пальто брату, и больше не надевал. Я не носил зимней шапки до Воркуты, не носил шарфа, перчаток и галош.

В. А.: Ну, потому что вы ездили в машине всегда.

И. Г.: Нет. Я ежедневно принимал холодную ванну, и зимой, и летом, совершенно холодную, ни капли не добавлял горячей воды.

В. Д.: Ванну даже, а не душ?

И. Г.: Ванну. А до революции я купался зимой.

В. А.: В проруби?

И. Г.: В проруби, плавал. Находил на реке полынью и плавал. Так что, понимаете, я не нуждался в зимних вещах, не нуждался.

В. Д.: Поэтому вас и не <нрзб>.

В. А.: А второй еще вопрос?

И. Г.: Пожалуйста.

В. А.: Второй вопрос. А почему вы задали Маяковскому этот вопрос и стали его... До вас какие-нибудь слухи доходили о неприятностях у него?

И. Г.: Во-первых, доходили слухи. Мне говорили его друзья о том, что он болен, что он в очень тяжелом таком нервном состоянии. Об этом мне говорил Николай Николаевич Асеев, об этом говорил мне Борис Леонидович Пастернак, об этом говорил Каменский, словом, об этом говорили многие. И когда я увидел Маяковского в таких расстроенных чувствах, в таком состоянии почти невменяемости, понимаете, это меня встревожило. Я и верил, и не верил рассказам. Но когда я увидел Маяковского действительно больным...

В. Д.: Это по лицу было видно?

И. Г.: И по лицу, и по поведению – по всему... Я понял, что надо как-то устроить ему отдых. Причем я особенно настаивал на каком-нибудь санатории. В этом случае я договорился бы с врачами, чтоб они серьезно им занялись, так сказать, не говоря ничего Маяковскому. Но он начисто отказался.

В. А.: Еще вопрос.

И. Г.: Так, пожалуйста.

В. А.: А если бы вы ему дали командировку за границу, то виза ГПУ обязательно должна была бы быть или нет? Без этого он мог бы поехать по вашей командировке?³

³ *А если бы вы ему дали командировку за границу, то виза ГПУ обязательно должна была бы быть или нет? Без этого он мог бы поехать по вашей командировке?* – Вопрос вызван тем, что с конца 1960-х гг. получили распространение слухи, будто Маяковского осенью – зимой 1929 г. не выпустили за границу, чтобы не допустить его встречу с Татьяной Яковлевой, которую он уговаривал выйти за него замуж. П. И. Лавут, например, писал: «...случилось непоправимое: Маяковский не смог получить выездные документы, всегда это ему давалось легко, – а на этот раз кто-то помешал ему выехать в Париж» (*Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу: воспоминания*. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1969. С. 243). Подразумевалось, что в этом была заинтересована Лиля Брик, а ей якобы ничего не стоило подговорить в своих интересах начальника Секретного отдела ОГПУ СССР Я. С. Агранова, который бывал и на квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке, и у них на даче. Лиля Юрьевна при мне говорила в конце 1968 г., что в январе 1930, когда их с Осипом Максимовичем Бриком как раз не выпускали в Англию к ее матери, Маяковский пошел в Кремль к Кагановичу, и разрешение было получено. Но если бы его самого накануне не выпустили, как бы он мог хлопотать за других. Да и представить невозможно взрывную ярость Маяковского, если бы его власть дала понять, что ему не доверяют.

И. Г.: Видите ли, виза... визы, конечно, должны были быть. Во-первых, должно было быть разрешение советских органов на поездку за границу.

В. Д.: Каких органов? Наркоминдела или ГПУ?

И. Г.: Ну, обычно давал Народный комиссариат иностранных дел.

В. Д.: Наркоминдел.

И. Г.: Наркоминдел. Но должны были быть визы въездные и тех стран... Ну, отдают консулу или послу тех стран, которые аккредитованы в Москве. Устроить командировку и визы (*усмеяется*) мне было более чем легко: я просто позвонил бы Ягоде, мы с ним на Совнаркоме рядом сидели, дружили. Я бы сказал: «Генрих Григорьевич, надо дать Маяковскому разрешение на поездку за границу». И этого было бы достаточно, чтоб все остальные организации согласились или дали разрешение на поездку за границу.

В Наркоминдел позвонили бы Литвинову, наркому⁴, что: «Максим Максимович, надо это сделать». И это было бы сделано. Допустим на одну минуту, что одно из учреждений, которые должны были дать разрешение на поездку Маяковского за границу, – одно из учреждений заартачилось, стало бы возражать. Тогда бы я позвонил бы по вертушке «один-два-два» и сказал бы: «Иосиф Виссарионович, вот я хочу направить Маяковского за границу, он болен. Надо дать ему возможность передохнуть и отдохнуть». Я получил бы ответ: «Дайте распоряжение от моего имени, чтоб это было сделано. Немедленно». И всё.

⁴ *Литвинов М. М.* (1876–1951) стал наркомом иностранных дел только 21 июля 1930 г., до этого 9 лет был заместителем наркома Г. В. Чичерина.

В. Д.: У вас тогда были такие отношения с ним?

И. Г.: Да. У меня было достаточно власти, чтоб эти вещи устроить без всякой волокиты. Поэтому я прямо ему и предложил поездку за границу, командировку, понимаете? Но он отказался.

В. А.: Вот что удивительно! Ведь он хотел в 29-м году ехать за границу, и ему отказали в визе.

В. Д.: Факт ли это? Лиля Юрьевна этот факт категорически отрицает.

В. А.: Она отрицает, но ведь все, которые окружали ее, говорят, что это так было. Он хотел в 29-м году поехать и...

И. Г.: Когда? Месяц?

В. А.: Он хотел... Он ездил туда в начале 29-го года⁵.

⁵ Он ездил туда в начале 29-го года. – 14 февраля 1929 г. Маяковский выехал за границу (Прага, Берлин, Париж, Ницца и Монте-Карло, снова Париж) и 2 мая 1929 вернулся в Москву.

И. Г.: Так.

В. А.: Значит, он хотел, видимо, через несколько месяцев, где-нибудь в середине года, ну, может быть, в конце года поехать⁶. И ему не дали визы.

⁶ ...он хотел, видимо, через несколько месяцев, где-нибудь в середине года, ну, может быть, в конце года поехать.– Расставаясь с Татьяной Яковлевой в Париже весной 1929 г., Маяковский условился встретиться осенью. «Дальше октября (назначенного нами) мне совсем никак не представляется», – писал он ей из Москвы (Там же. С. 241).

И. Г.: Видите ли, ко мне по этому вопросу Владимир Владимирович не обращался. Я об этом абсолютно ничего не знаю.

В. Д.: И сейчас не знали?

И. Г.: Сейчас я слышал такие разговоры, кое-что напечатано о том, что он просился, что ему в визе отказали и прочее, и так дальше. Но я в это не верю. Не верю. Потому что, если бы Маяковский хотел ехать за границу, такую поездку мы бы ему устроили. Повторяю, это можно было бы сделать чрезвычайно легко...

В. А.: Ну да, он к вам не стал обращаться.

И. Г.: ...Во всяком случае, для меня... Да, у нас в это время общения с ним не было или были случайные встречи, во время которых мы не поднимали каких-либо существенных вопросов.

В. А.: Но, знаете ли вы, Иван Михайлович, что Маяковский в 29-м году очень хотел поехать за границу, а ему не дали визу.

И. Г.: Видите ли, возможно, что какие-то разговоры и вел Маяковский. Но вот то, что он зимой или, может быть, немножко раньше, может, даже глубокой осенью 29-го года, на предложение поехать за границу отказался, и отказался категорически... Видимо, серьезно вопрос о его поездке за границу не поднимался. Думаю так.

В. Д.: Да. Я добавлю так, между прочим. Как известно, действительно, такая версия существует. Говорят, что одной из решающих причин его гибели было то, что он был влюблен в Татьяну Яковлеву, хотел к ней поехать, и якобы, значит, ему не дали визу. Причем виновен в этом Агранов⁷, Агранов был близок к Лиле Юрьевне – и в этом всё дело. И по этому поводу, так сказать, развиты целые теории и пишутся, пишутся, пишутся мемуары. (*Арутчева, по-видимому, порывается возразить!*) Минуточку! Я в лоб в записи, которую вы еще не слушали, с Лилей Юрьевной, с которой у меня отношения были всегда, в общем-то говоря, прохладные, но в той травле, которая сейчас идет, я считаю, что это безобразие, что это надо остановить⁸, я спросил, как она считает. Она сказала: «Прежде всего, – говорит, – этого не было. Если б Маяковский хотел поехать, он бы поехал». И рассказала мне такой эпизод. Она сказала, что отказали в визе вначале не ему, а Брику и Лиле, которая хотела поехать с матерью, живущей в Лондоне...

⁷ Агранов Яков Саулович (1893–1938) – начальник Секретного отдела ОГПУ СССР (1929–1931), один из организаторов массовых репрессий 1920–1930-х гг. «Свой человек» для Бриков и Маяковского. На пике карьеры – комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935), начальник ГУГБ НКВД СССР (1936–1937). Расстрелян. В реабилитации отказано.

⁸ ...в той травле, которая сейчас идет, я считаю, что это безобразие, что это надо остановить... Эта травля началась с публикации в журнале «Огонек» за 1968 г. статей В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» (№ 16) и одного А. Колоскова «Трагедия поэта» (№ 23, 26). В конце 1968 г. у себя на квартире в начале Кутузовского проспекта Лилия Юрьевна сказала при мне, что у нее такое чувство, как будто ее на улице избил палками.

И. Г.: Так.

В. Д.: ...И что Маяковский пошел к Кагановичу, и Каганович распорядился, и ему эту визу дали. И никто, говорит, ему в визе не отказывал, потому что он визы не просил. Мы не можем сейчас этот вопрос проверять по одной причине: нам очень нужны точные даты. Там есть письмо о том, что Татьяна Яковлева вышла замуж⁹. (*Обращается к Арутчевой.*) Вы помните дату?

⁹ ...есть письмо о том, что Татьяна Яковлева вышла замуж.– В дневнике Лили Брик 11 октября 1929 г. записано: «Письмо от Эли (Эльзы Триоле. –В. Р.) про Татьяну: она конечно выходит замуж за франц. виконта. Надя (Надежда Штеренберг – жена художника Давида Штеренберга. – В. Р.) говорит, что я поблещела, а со мной это никогда не бывает. Представляю себе Володину ярость и как ему стыдно» (*Брик Лилия. Пристрастные рассказы / составители Я. И. Гройсман, И. Ю. Генс; предисл. Я. И. Гройсмана. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2011. С. 231.* В воспоминаниях Лилия Брик рассказывает о том же подробнее: «...11 октября 29 года вечером – нас было несколько человек, и мы мирно сидели в столовой Гендрикова переулка. Володя ждал машину, он ехал в Ленинград на множество выступлений. На полу стоял упакованный запечатый чемодан. В это время принесли письмо от Эльзы. Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух. Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую был еще по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в церкви, в белом платье, с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не учинил скандала, который может ей повредить и даже расстроить брак. В конце письма Эльза просит посему-поэтому ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано. Володя помирачнел. Встал и сказал: что ж, я пойду. Куда ты? Рано, машина еще не пришла. Но он взял чемодан, поцеловал меня и ушел. Когда вернулся шофер, он рассказал, что встретил Владимира Владимировича на Воронцовской, что он с грохотом бросил чемодан в машину и изругал шофера последним словом, чего с ним раньше никогда не бывало. Потом всю дорогу молчал. А когда доехали до вокзала, сказал: "Простите, не сердитесь на меня, товарищ Гамазин, пожалуйста, у меня сердце болит"» (Там же. С. 183). Упомянутое письмо не публиковалось. Нет его и в книге: *Брик Лилия; Триоле Эльза. Неизданная переписка. 1921–1970 / сост., вступ. ст. В. В. Катаняна. М.: Эллис Лак, 2000. – 686 с.*

В. А.: Это конец года.

В. Д.: Конец года?

В. А.: Да. По-моему, конец года.

В. Д.: С другой стороны, у него в это время уже был роман с Вероникой Витольдовной Полонской¹⁰, которая мне тоже о попытке уехать за границу сама ничего не говорила. Так что этот вопрос открытый. Я только переспрашиваю: «Вы точно помните этот самый эпизод?»

¹⁰ ...у него в это время уже был роман с Вероникой Витольдовной Полонской... – С. В. Полонской (1908–1994), актрисой МХАТа и женой актера Михаила Михайловича Яншина (1902–1976), Маяковский познакомился сразу после возвращения из Парижа, в мае 1929 г. Вскоре у них начался роман. В конце 1929 или в начале 1930 г. она сделала аборт. Маяковский застрелился, скорее всего, в ее присутствии.

И. Г.: Да.

В. Д.: Дату... Речь идет или об осени...

И. Г.: Это либо глубокая осень, либо зима.

В. Д.: Но во всяком случае, зима 29–30-го, а не 28–29-го?

И. Г.: Нет. 29-го года, может, самое начало 30-го, январь, может.

В. Д.: Но не 28-го?

И. Г.: Нет, не 28-й.

В. А.: Не начало 29-го, а конец 29-го примерно?

И. Г.: Да. Осень или зима 29-го года.

В. Д. (со смехом): Которая, как известно, продолжается в 30-м.

И. Г.: Да-да-да-да-да.

В. Д.: Когда говорят зимой, иногда путают ноябрь или декабрь. Вот. Так что это ваше свидетельство очень важно, и я хочу его как можно больше документировать, потому что меня интересует истина, и только истина. Никакие, так сказать, групповые соображения для меня не существуют.

И. Г.: А у меня никаких групповых соображений и нет.

В. Д.: У вас-то, конечно, нет...

И. Г.: И не было. Я стоял вне групп.

В. Д.: А это как раз пропагандирует один товарищ, с которым я в хороших отношениях, и я считаю, что он пропагандирует чепуху.

И. Г.: Ну, вот видите.

В. Д.: Это уже просто что-то маниакальное... Я имею в виду Лавута¹¹. Он совершенно на этом помешался. Тогда давайте продолжать.

¹¹ Лавут Павел Ильич (1898–1979) – организатор (за треть гонорара) выступлений Маяковского в 1926–1930 гг. На его рассказах построена 16-я глава поэмы «Хорошо!» («Мне / рассказывал / тихий еврей // Павел Ильич Лавут...») (1927). В конце жизни выбрал сторону Людмилы Владимировны Маяковской (1884–1972) в ее нападках на Лилию Юрьевну Брик (1891–1978).

И. Г.: Да.

В. Д.: Значит, он отказался. Что же, он сел после этого?

И. Г.: Нет. Я продолжу. Так вот, видите ли, должен в связи с этим сказать, что к Маяковскому отношение руководства партии и советского государства было положительное, и всемерно и всячески шли ему навстречу. Вообще, отношение к писателям было очень терпимым, положительным. Мы прекрасно знали, что очень много старых писателей... держит нейтралитет в той борьбе, которая тогда шла, классовый борьбе. И мы поэтому всячески стремились писателей приблизить к советской власти, перевести их на советские позиции, но, конечно, (*усмехается*) не методами принуждения, а методами убеждения. Так сказать, относились к ним весьма деликатно. К Маяковскому особенно. Даже те люди из старых большевиков, которые относились к нему, к его творчеству, отрицательно, даже и те не стали бы мешать ему в поездке за границу.

В. Д.: Можно вопрос?

И. Г.: Пожалуйста.

В. Д.: Иван Михайлович, я усматриваю некоторое противоречие между этим вашим утверждением и тем, довольно широким рассказом, который вы дали нам прошлый раз: относительно отношения как раз старых большевиков к Маяковскому в связи со стихотворением о Горьком¹². Вряд ли они за три года изменили свои литературные вкусы и тем более... Горький-то рос, так сказать, в его общественном резонансе за эти годы. Как раз он приехал уже почти совсем. Он сначала временно приехал¹³. То есть как же так получается: если у всех было положительное отношение... его же из «Известий»-то почему попросили... И я думаю, что его просьба насчет «Известий», снова к вам, как к старому знакомому и хорошему человеку связана еще и с тем, что из «Комсомольской правды» ушел Костров¹⁴, который был как-то косвенно связан с зиновьевской оппозицией, по-моему (хотя умер он членом партии), и на его место пришел Троицкий¹⁵. И отношения Маяковского с Троицким были уже далеко не такие серд... (и тем самым вообще с «Комсомольской правдой») были уже не настолько сердечными, какими они были при Кострове. И это можно проследить даже в стенограммах, которые опубликованы в Собрании сочинений. Верно, Варвара Аветовна? Вот поэтому тут очень важно... И когда вы говорите об отношении к Маяковскому в кругах, то, может быть, вы прямо скажите, о ком вы говорите. Ведь были разные люди, и официальной позиции к Маяковскому такой, какая была после того, как Сталин о нем сказал, не было. Были разные мнения. И он мог воспринимать одни и другие... Вот это очень интересно.

¹² ...относительно отношения как раз старых большевиков к Маяковскому в связи со стихотворением о Горьком. – Речь о вызывающе резком стихотворении-памфлете «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926).

¹³ Он сначала временно приехал. – Горький, не ужившись с большевистским режимом, уехал из Советской России в 1921 г. Приезжал в 1928 и в 1929 гг. В начале 1930-х гг. вернулся окончательно.

¹⁴ *Тарас Костров* (Александр Сергеевич Мартыновский; 1901–1930) – критик и публицист; ответственный редактор «Комсомольской правды» (с сентября 1925 по 1928), затем во главе журнала «Молодая гвардия» (1928–1929). Широко печатал Маяковского. К нему поэт обратился со стихами «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» (1928).

¹⁵ *Троицкий Андрей Николаевич* (1902–1938) – ответственный редактор «Комсомольской правды» (декабрь 1929–1932).

И. Г.: Видите ли, тут два вопроса. Один вопрос: отношение старых большевиков к творчеству Маяковского. Оно было и осталось отрицательным. Я в дальнейшем этого вопроса коснусь. Это люди, воспитанные на традициях классической литературы, они не принимали, как, скажем, и Владимир Ильич Ленин и всё окружение Ленина, не принимали футуризм, кубизм, все формалистические течения, относились к ним отрицательно.

В. Д.: И зачисляли туда Маяковского.

И. Г.: Зачисляли сюда и Маяковского. Это один вопрос. Другой вопрос. Маяковский выступал как поэт революционный, с позиций, скажем, ошибочных, футуристических. Но он выступал за революцию. И в той борьбе, которую тогда партия вела, это поведение Маяковского было положительным и расценивалось положительно. И к Маяковскому, несмотря на отрицательное отношение к его творчеству, формальному, относились положительно. Положительно. К личности Маяковского. К его позиции общественной. Ведь, скажем, почему, скажем, могли выступить против его поездки за границу: не доверяли политически ему. Но ведь этого не было. Маяковскому политически доверяли, доверяли, если хотите, все члены Политбюро ЦК.

В. Д.: Тогда, да?

И. Г.: Да. Все члены правительства. В политическом поведении Маяковского никто не сомневался. Никто. Даже, скажем, Воронский, который относился к нему отрицательно, даже Полонский¹⁶, который к нему относился отрицательно. Никому в голову не могло прийти тогда, что Маяковский, уехав за границу, не вернется или, что Маяковский, уехав за границу, будет работать против партии большевиков, против советской власти. Такая мысль в голову не могла прийти никому.

¹⁶ *Полонский Вячеслав Павлович* (1886–1932) – критик, историк, журналист; один из редакторов журнала «Красная нива» (1926–1930), главный редактор журналов «Новый мир» (1926–1931), «Печать и революция» (1921–1929). В 1929–1932 гг. директор Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Исследователь революционного плаката. В 1927 г. напечатал статью «Леф или блеф?», положившую начало жесткой полемике между ним и Маяковским. Ему адресовано издательское стихотворение Маяковского «Венера Милосская и Вячеслав Полонский» (1927).

В. А.: Да такая и не приходила мысль. Тут, понимаете, подоплека совершенно другая.

И. Г.: А именно?

В. А.: А именно: считалось так, что Брики, Лиля Юрьевна и Осип Максимович, которые были близки с ГПУ¹⁷, там с Аграновым, с Ягодой¹⁸ и так далее, что они воспротивились, потому что он хотел жениться на Татьяне Яковлевой. Так вот чтобы этого не произошло, его не выпустили за границу.

¹⁷ ...считалось так, что Брики, Лиля Юрьевна и Осип Максимович, <...> были близки с ГПУ... О том, что О. М. Брик с начала 1920-х гг. состоял в штате МЧК, было известно. Как подчеркивает шведский маяковист Бенгт Янгфельдт, даже «широко известно» «и в России, и среди эмигрантов» (*Янгфельдт Бенгт*. Ставка – жизнь: Владимир Маяковский и его круг / пер. со швед. Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. М.: Колибри, 2009. С. 246). Да это и не скрывалось. Тот же Янгфельдт, со слов Бориса Пастернака, приводит обращение Лили Брик к заскучавшим гостям: «Подождите, скоро будем ужинать, как только Ося «придет» из ЧК» (Там же. С. 168). В. Д. Дувакин тоже был наслышан о работе Брики на Лубянке, начавшейся в первой половине 1920-х гг. Не было известно лишь, когда эта работа прекратилась. Виктор Дмитриевич склонялся к тому, что вскоре. Иначе Осип Максимович не смог бы пережить чистки в аппарате ВЧК-ОГПУ-НКВД в 1930-е гг. Сейчас доступны сведения о том, что Брик поступил следователем в «спекулятивный» отдел МЧК 8 июня 1920 г., а уволен в январе 1924 г. как дезертир, уклонявшийся от оперативной работы. При этом он вполне мог общаться с бывшими сослуживцами. Во всяком случае, ни у него, ни у Маяковского «солдаты Дзержинского» не вызывали отторжения.

«Литература была отменена, – говорила Анна Ахматова, – оставлен был один салон Бриков, где писатели встречались с чекистами...» (*Чуковская Лидия*. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 1. 1938–1941. 5-е изд., испр. и доп. / публ. Е. Ц. Чуковской; краткие примеч. Е. Б. Ефимова, Ж. О. Хавкиной, Е. Ц. Чуковской. М.: Согласие, 1997. С. 118).

¹⁸ *Ягода Генрих Григорьевич* (1891–1938) – начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ (с июля 1927), нарком внутренних дел СССР (1934–1936), генеральный комиссар государственной безопасности (1935). Расстрелян. В реабилитации отказано.

И. Г.: Дело, видите ли, в том... Я Агранова лично знаю хорошо.

В. Д.: Что это за человек?

И. Г.: Это достаточно образованный, интеллигентный человек, интересовавшийся литературой, по характеру очень мягкий, очень мягкий. В политической борьбе он человек твердый, крепкий, решительный. Но он был категорически против каких-либо необоснованных репрессий, каких-либо незаконных действий. Это человек школы Дзержинского: такого же благородства, такой же вдумчивости, и он прекрасно отдавал отчет в том, какую роль должно играть ОГПУ: репрессии по врагам, но не по друзьям. Надо стремиться во всей деятельности избегать необоснованных репрессий.

К врагам он относился так, как мы все относились: пощады врагам не давали. Но к людям советски настроенным, к людям, колеблющимся даже, мы, конечно, репрессий не применяли и не думали даже применять. И Агранов больше всего боялся необоснованных репрессий.

В. Д.: А сам был за что ликвидирован, не знаете? Он не был связан с какой-нибудь оппозицией?

И. Г.: Нет. Дело, видите ли, в том, что Ежов¹⁹, придя в НКВД, он устранил всех людей школы Дзержинского, в том числе и Агранова. Так были устранены Фриновский, Агранов, Бокий²⁰, Молчанов²¹, Прокофьев²² и другие.

¹⁹ *Ежов Николай Иванович* (1895–1940) – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1935–1939), член Оргбюро ЦК ВКП (б) (1934–1939), секретарь ЦК ВКП (б) (1935–1939), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) (1937–1939). Народный комиссар внутренних дел (1936–1939). Это время массовых репрессий получило в обиходе название ежовщины. Расстрелян. В реабилитации отказано. К Ежову по линии партпарата (еще до перевода на Лубянку) обращена резолюция Сталина на письме Лили Брик от 24 ноября 1935 г., положившая начало канонизации Маяковского.

- ²⁰ *Фриновский Михаил Петрович* (1898–1940) – в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1919 г. После того, как был смещен Ягода и наркомом внутренних дел назначен Ежов, Фриновский (16 октября 1936) стал одним из его заместителей. Выше Фриновского, 1-м заместителем Ежова, был Агранов. Но через полгода (15 апреля 1937) Агранова понизили, и Фриновский поднялся на место 1-го зама и возглавил Главное управление госбезопасности НКВД. 22 августа 1938 г. еще одним первым заместителем наркома стал Лаврентий Берия, который после перевода Фриновского из НКВД в наркомы Военно-Морского флота (8 сентября 1938) занял его место во главе госбезопасности. Но через семь месяцев (6 апреля 1939) Фриновский был арестован, обвинен «в организации троцкистско-фашистского заговора в НКВД», приговорен к высшей мере и расстрелян. Не реабилитирован.
- ²¹ *Бокий Глеб Иванович* (1879–1937) – участник ленинского Союза борьбы за освобождение рабочего класса и один из руководителей революционного подполья в Петербурге-Петрограде (1897–1917). На следующий день после убийства председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого из его заместителей стал его преемником и запустил в северной столице маховик «красного террора». Причастный к основанию системы ГУЛАГа, курировал Соловецкий лагерь особого назначения. Полтора десятилетия (1921–1937) возглавлял Спецотдел ВЧК-ОГПУ-НКВД, занимавшийся защитой секретной информации. Арестован 16 мая 1937 г., обвинен в контрреволюционной деятельности и через полгода, 15 ноября, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
- ²² *Молчанов Георгий Андреевич* (1897–1937) – адъютант М. В. Фрунзе (с ноября 1919). В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1920 г. Начальник Секретно-политического отдела ОГПУ-НКВД (1931–1936). Комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). Народный комиссар Белорусской ССР и начальник особого отдела Белорусского военного округа (1936–1937). Один из доверенных сотрудников Ежова. Обвинялся в «активном участии в заговоре правых в органах НКВД, потворстве деятельности антисоветских партийных группировок в должности начальника СПО ОГПУ-НКВД». На «следствии» подвергался интенсивным мерам физического воздействия («конвейер», «стойка») и вынужденно дал ряд ложных «показаний» на руководство и актив центрального аппарата НКВД СССР (подобные допросы проводил, в частности, особоуполномоченный НКВД СССР старший майор Г. В. Д. Фельдман, см. ниже). Расстрелян в «особом порядке». Реабилитирован 31 января 1996 г. Реабилитация состоялась из-за достоверных данных о систематических избиваниях Молчанова на следствии.
- ²³ *Прокофьев Георгий Евгеньевич* (1895–1937) – в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с сентября 1920 г. Начальник ИНФО ОГПУ (1924–1926), начальник Экономического управления ОГПУ (1926–1931). Начальник Управления Беломорстроя НКПС (с апреля 1931). Заместитель председателя ОГПУ (наркома НКВД) (1932–1936). Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Когда Ягода был назначен наркомом связи, Прокофьев стал и там его заместителем. Арестован 11 апреля 1937 г. как участник «контрреволюционной заговорщицкой организации внутри Наркомата связи СССР и подготовке покушения на наркома внутренних дел СССР тов. Н. И. Ежова». В ходе фабрикации «дела о военно-фашистском заговоре в РККА» в мае 1937 г. под давлением следствия дал «показания» об участии в «заговоре» ряда высокопоставленных военных. Расстрелян в «особом порядке». Не реабилитирован.

В. А.: Вы Фельдмана²⁴ знали?

- ²⁴ *Фельдман Владимир Дмитриевич* (1893–1938) – в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с сентября 1918 г. Особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ СССР (1924–1934) и НКВД СССР (1934–1937). Старший майор госбезопасности (1935). Занимался делами против сотрудников госбезопасности. И сам был арестован 23 октября 1937 г. как участник «заговора правых в НКВД». Расстрелян «в особом порядке» 10 января 1938 г. Реабилитирован в 1956.

И. Г.: Знал.

В. Д.: А Горожанина?²⁵

- ²⁵ *Горожанин Валерий Михайлович* (1889–1938) – в революционном движении с 1907 г.: сначала как эсер, затем боротбист, т. е. член партии левых украинских эсеров (1918–1920), переименованной в августе 1919 г. в Украинскую партию социалистов-революционеров (коммунистов). С 1919 член РКП (б). И с мая того же года в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. В 1922–1923 и в 1924–1930 гг. начальник Секретного отдела ГПУ Украинской ССР. С мая 1930 в центральном аппарате ОГПУ: заместитель начальника сначала Секретного, затем Секретно-политического отдела ОГПУ. С 1932 г. – во внешней разведке. Старший майор госбезопасности (1935). Арестован 19 августа 1937 г. по делу «об антисоветском контрреволюционном заговоре в органах НКВД УССР». Расстрелян 29 августа 1938. Реабилитирован в 1957. Был в дружеских отношениях с Маяковским, посвятившим ему стихотворение «Солдаты Дзержинского» (1927). Савтор Маяковского по киносценарию «Инженер д Дарси» («Борьба за нефть») (тоже 1927) об истории захвата персидской нефти Англией. Летом 1969 г. я разговаривал с его вдовой Бертой Яковлевной Горожаниной. После расстрела мужа она отсидела 8 лет в лагерях как член семьи изменника родины. Часто теряла нить разговора, значение Горожанина неизменно преувеличивала. Например, уверяла, что он участвовал в составлении письма Лили Брик Сталину. Защищала Ежова. По ее словам, это был мягкий, интеллигентный человек. Говорила: «Никогда не поверю тому, что на него наговаривают». Знала его близко. Горожанины и Ежовы жили на одной летней даче. Дачу прозвали Гришкиной, потому что кот Гришка, оставленный там на зиму, выжил и встретил их весной.

И. Г.: Кого?

В. Д.: Горожанин, который...

И. Г.: Его не знал. Может быть, и встречался, но не помню.

В. А.: Он не в Москве был.

И. Г.: В Москве последнее время был главой ОГПУ Реденс²⁶. Реденс, которого я тоже хорошо знал. Так вот, видите ли, повторяю, здесь два вопроса.

- ²⁶ *В Москве последнее время был главой ОГПУ Реденс.* – Оговорка: Станислав Францевич Реденс (1892–1940) был начальником Управления НКВД по Московской области (1934–1938).

В. Д.: Понятно.

И. Г.: Один вопрос – это отношение к творчеству Маяковского старых большевиков, воспитанных на классической литературе. Разумом-то они понимали, что Маяковский делает революционное дело, понимаете? Но было бы лучше, если бы он шел или развивал те традиции, которые заложены классиками: Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым и другими. Понимаете? Было бы лучше. Потому что та форма стиха, которую практиковал Маяковский...

В. Д.: Им была непонятна.

И. Г.: ...она была массам непонятна. Я вот рабочих спрашивал, читают ли они Маяковского. И подавляющее большинство ответов: «Нет, не можем читать. Не понимаем».

В. Д.: Но потом стали.

И. Г.: Я спрашивал крестьян: «Не понимаем».

В. А.: А слушали – понимали.

И. Г.: А в исполнении, скажем, самого Маяковского или хорошего артиста стихотворения Маяковского доходили до аудитории. Доходили до аудитории. Теперь, видите ли, отношение к футуризму было отрицательное. Но к личности Маяковского, к его политической позиции относились все одинаково. Одинаково.

В. Д.: Вернемся теперь в ресторан.

В. А.: А эта встреча последняя была когда?

И. Г.: Нет, не последняя.

В. Д. (Арутчевой): Подождите. Мы еще в ресторане. Маяковский стоит, даже не сел.

И. Г.: Да. Так вот, видите ли... Маяковский топтался около нашего столика, не сел, хотя я ему множество раз предлагал. Я говорил: «Ну Володя... да, Володя или Владимир Владимирович, садитесь, садитесь! Давайте вместе поужинаем». Но он так и отказался, не сел за столик. Подошел к столику, где сидел Асеев и Пастернак. Там же топтался около столика... Ну, я не слышал, что он говорил с Асеевым и Пастернаком, не слышал. Пробыл он там, около них... ну, минут пять, что ли, или семь (я на часы не смотрел, вы понимаете), затем он вновь подошел ко мне. И вновь разговор на те же, собственно, темы: об отношении «Известий» к нему, буду ли я печатать его и так дальше. Поговорив тоже минут пять-семь, трудно сказать, сколько, и трудно восстановить сейчас весь разговор в деталях, я только восстанавливаю самую суть разговора, он попрощался и ушел.

Ко мне подходит Асеев, с которым я дружил, говорит: «Иван Михайлович, как-то надо Володе помочь. Он не в своей тарелке. Он болен, причем, по-видимому, болен очень серьезно – что-то... Это надлом – нервный».

Я рассказал Асееву, что вот я предложил Маяковскому поехать в дом отдыха, в санаторий или вообще поехать по стране, предложил ему поехать за границу, и он категорически от всего отказался. Категорически. Я говорю: «Давай встретимся и поговорим. А, может быть, даже устроим встречу вместе с Маяковским и вместе уговорим его поехать и отдохнуть». Потом Пастернак подошел. Ну, они сели... как раз... у меня, за наш столик, потолковали, потому что отношения у меня и с Асеевым, и с Пастернаком были очень хорошие. Они потом перешли за свой столик. А ко мне стали пересаживаться художники: один, другой, третий. Я... ну, просили там... заказывали то одно, другое, третье: и вино, и всё прочее, и так дальше. Я сидел, думал: собственно, хватит у меня денег рассчитаться, с собой я достаточно денег захватил или нет? Ну, думаю, да черт с ним, это неважно. Я скажу... там... заведующему – и пришлют деньги. Просидели мы с художниками довольно долго, ну, вероятно где-то... это было уже после театра, это уже была ночь... Потом постепенно народ стал расходиться. Уходили художники, ушел Асеев и Пастернак, попрощавшись. Причем вновь Асеев и Пастернак просили заняться Маяковским. Я вызвал машину, проводил... Да, поехал домой, и из дома уже, от меня, Людмила Константиновна поехала к себе домой на квартиру. Вот одна встреча.

В. Д.: Простите, а Людмила Константиновна при этом вашем разговоре с Маяковским присутствовала?

И. Г.: Да!

В. Д.: Всё время?

И. Г.: От начала до конца.

В. Д.: Ничего не вставляла?

И. Г.: Она какие-то вопросы задавала, как-то в беседе участие принимала...

В. Д.: Она жива?

И. Г.: Не знаю. Понимаете, я растерял всех своих знакомых за время отсидки. Если она жива, то было бы хорошо сейчас вот с ней встретиться и расспросить. А вот где она и что она?.. Я не пытался ее разыскивать, потому что мне это, вообще говоря, не нужно было. Но, может быть, ее стоит поискать.

Светлана Ивановна Гронская: Это Садовина, нет?

И. Г.: Людмила Константиновна Мальцева. Может быть, запросить какое-то бюро адресное.

В. Д.: Поищем.

В. А.: А если она замуж вышла?

В. Д.: Она замужней была, нет?

И. Г.: Нет, она не была замужней.

В. А.: Тогда?

В. Д.: А лет ей примерно сколько?

И. Г.: Считайте так. Это был 29-й год плюс пять... – тридцать четыре было моей жене... Нет-нет-нет-нет-нет! 29-й год – значит, моей жене было двадцать четыре года. И ей, по-видимому, тоже было двадцать два – двадцать пять лет.

В. Д.: Тогда, в 29-м году? То есть примерно 96-й год рождения.

И. Г.: Да, примерно, 95–96-й год рождения.

С. Г.: 905-й–906-й.

В. Д.: 905-й–906-й, правильно.

И. Г.: 905-й–906-й год рождения, Людмила Константиновна Мальцева...

В. Д. (Записывая): 905-й – 906-й год рождения, Людмила Константиновна Мальцева...

И. Г.: Если вам удастся ее разыскать...

В. Д.: Конечно, сообщим.

И. Г.: ...то сообщите мне сразу же.

В. Д.: Фамилия очень популярная, так что...

И. Г.: Ну, Константин Мальцев, ее отец был крупным революционером²⁷.

²⁷ Мальцев Константин Александрович(1888–1941) – участник революционного движения, в РСДРП с 1905 г. Заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б)-ВКП (б) (1924–1927), ответственный редактор «Рабочей газеты» (1927–1928), ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова (1928–1931), заместитель народного комиссара просвещения РСФСР (1931–1933), председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (октябрь 1936 – январь 1939). Возглавляя «Рабочую газету» и Университет им. Свердлова, жил по адресу: ул. Грановского, д. 3, кв. 59. 14 ноября 1939 г. арестован. 28 июля 1941 расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

В. Д.: Крупным революционером?

И. Г.: Да.

В. А.: А писатель Мальцев²⁸ к этому никакого отношения никакого не имеет?

²⁸ Мальцев Елизар Юрьевич(1916–2004) – автор «колхозных» романов, лауреат Сталинской премии 2-й степени (1949) за роман «От всего сердца» (1948). В 1960-е гг. на слуху был его роман в 2-х книгах «Войди в каждый дом» (1961, 1968).

И. Г.: По-моему, нет. По-моему, нет.

В. Д.: Значит, ей сейчас...

И. Г.: Мальцев, Мальцев... подождите, Мальцев... видимо, он ведал радиокомитетом, по-моему, в то время. Не тот ли Мальцев, не ее ли отец это? С этим Мальцевым у меня было шапочное знакомство. Мальцев был председателем, по-моему, радиокомитета.

С. Г.: Может, погиб, нет?

И. Г.: Вот эти все связи надо установить, и, может быть, мы тут кое-что узнаем. Теперь надо вот...

В. Д.: Это просто стороннее свидетельство.

С. Г.: Это мамина знакомая?

И. Г.: Да. Ее подруга. Надо расспросить, нет ли других знакомых у мамы или у Людмилы Мальцевой. И через это...

В. Д.: Простите, а ваша супруга?..

И. Г.: Она сейчас в больнице.

В. Д.: Значит, она сама может знать?

И. Г.: Она сама... Она Людмилу Константиновну знала хорошо. Это ее подруга.

В. Д.: При каких обстоятельствах она потеряла ее, неизвестно?

И. Г.: После моего ареста жена уехала домой, к моей матери.

В. Д.: Так что она потеряла всех московских...

И. Г.: Потеряла все связи с московскими друзьями. Ну, и она встречалась во время моей отсидки, за эти шестнадцать (*поправка*) пятнадцать лет (я один-то год с ней провел, ну, у меня было несколько недель встречи во время заключения с женой и с сыном), но она встречалась с такими людьми: во-первых, с Викториней Владимировной Кригер. Это наша хорошая приятельница, жена дружила с ней. Затем она встречалась с художником Иогансоном...²⁹

²⁹ Иогансон Борис Владимирович(1893–1973) – живописец, график, педагог, один из ведущих художников-соцреалистов. Директор Третьяковской галереи (1951–1954), президент Академии художеств (1958–1962), первый секретарь Союза художников СССР (1965–1968). Самые известные его картины: «Допрос коммунистов» (1933) и «На старом уральском заводе» (1937). Учился в Училище живописи, ваяния и зодчества (1912–1918). Преподавал на курсах Ассоциации художников революции (1931–1932), в Московском полиграфическом институте (1932–1935), Московском художественном институте им. В. И. Сурикова (1935–1939), Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в Ленинграде (1939–1962). Л. А. Гронская в 1930-е гг. два года училась в АХРРовской студии под руководством В. Н. Бакшеева и Б. В. Иогансона» (*Гронская Лидия*. Наброски по памяти: воспоминания. С. 44).

В. Д.: Он умер уже.

И. Г.: Да, он умер.... С которым у нас были очень хорошие отношения. И Борис Владимирович даже, Иогансон, дал ей справку о том, что она его ученица. Она у него училась в студии.

В. Д.: Художник?

И. Г.: Да. Моя жена. Затем с художником Бакшеевым³⁰.

³⁰ Бакшеев Василий Николаевич(1862–1958) – академик живописи (1913), начинал в русле передвижников. С 1922 г. в АХРР. В 1939 г. участвовал с картинами «Прежде» и «Теперь» в выставке «Индустрия социализма». В 1940 г. закончил картину «В. И. Ленин и Н. К. Крупская в селе Кашино». В послевоенные годы в основном писал пейзажи, сочетая импрессионистическую манеру с лирической символикой.

В. Д.: Он еще жив.

И. Г.: Бакшеев ее поддерживал.

С. Г.: Он умер.

И. Г.: Он умер. Он уехал (*поправка*), он умер. Художник Бакшеев поддерживал мою жену³¹, ну, морально поддерживал.

³¹ Художник Бакшеев поддерживал мою жену... – Л. А. Гронская упоминает о том, что, когда муж сидел в лагере, Иогансон и Бакшеев «без оговорок, не прячась», дали ей письменные рекомендации для работы в Финифтяной артели в Ростове-Ярославском (Там же. С. 87–88).

В. Д.: Он отнесся к вашему аресту, так сказать, наиболее... Бакшеев...

И. Г.: Он не верил в виновность, и морально он поддерживал мою жену, мою семью. Затем Перегудов, писатель³².

³² Перегудов Александр Владимирович (1894–1989) – прозаик, поэт, мемуарист; страстный охотник. Гронский собирался писать рецензию на книгу Перегудова «В те далекие годы».

В. Д.: Которому сейчас восемьдесят исполнилось.

И. Г.: Да. Он тоже морально очень крепко поддержал мою жену и всю мою семью.

В. Д.: И все эти люди могут что-нибудь знать и о Мальцевой, да?

И. Г.: О Мальцевой, конечно, они, эти люди, не знают: ни Иогансон, ни Бакшеев, ни Перегудов. Не знают. Но вот кто знает о Мальцевой, может подсказать моя жена.

В. Д.: Ну, хорошо...

И. Г.: Надо искать.

В. А.: Ваша жена, простите, Гронская тоже?

И. Г.: Гронская, да. И дети Гронские, и внуки Гронские даже. Ну вот.

В. Д.: Как вашу жену... имя-отчество?

И. Г.: Внуков?

В. Д.: Жены.

И. Г.: Жены? Лидия Александровна.

Вторая встреча с Маяковским

Вторая встреча. Спустя примерно месяца два, может быть, три. Это уже был 30-й год. Надо полагать, февраль. Были обильные снегопады, и дело шло уже к концу зимы. Думаю, что это было начало... то есть, что это был 30-й год, я помню хорошо... но... это был, по-видимому, февраль месяц. Я обычно после окончания работы в «Известиях» (а она кончалась поздно: часа в три, иногда в четыре, а иногда и того позже), я шел обычно домой пешком.

В. Д.: А где вы жили?

И. Г.: Тогда я жил...

В. А.: В Доме правительства.

И. Г.: Нет, Дом правительства еще не был готов.

В. А.: Правильно, он в 32-м году был...

В. Д.: В 31-м...

И. Г.: Я в 31-м году туда пере... А, может, в 30-м году я переехал. Может быть.

В. Д.: Частично было...

И. Г.: Да, некоторые корпуса были готовы, другие еще отделялись. Может быть, даже я переехал в 30-м году³³. Это я хорошо не помню.

³³ Может быть, даже я переехал <в Дом правительства> в 30-м году. – Дом правительства на Берсеневской набережной строился с 1928 по 1931 г.

В. Д.: В общем-то, я спросил, куда вы шли.

И. Г.: Дело, видите ли, в том, что я иногда бродил по Москве. Ходил гулять. После работы, утомленный, высказывал, что называется, на улицу и бродил. Ходил я главным образом по бульварам. Это место моих прогулок ночных после работы. И вот в одну из таких прогулок ночных на бульваре Тверском я совершенно неожиданно встретил Маяковского. Может быть, это было и два часа, может быть, это было три часа, но это была ночь.

В. Д.: Зимняя?

И. Г.: Зимняя ночь. Но было тепло, то есть не было мороза. Я-то к морозу относился... мороз переносил очень легко тогда. Ну, поздоровались и пошли с ним гулять. Причем гуляли мы довольно долго.

В. Д.: А он один был?

И. Г.: Один. Один был. Может быть, час, может быть, два. Во всяком случае, очень долго гуляли. И я с удовольствием бродил, тем более что вот такой спутник, собеседник. Маяковского я уже не видел порядочное время, так что охотно шел с ним. И он никуда не спешил.

Вот мы ходили с ним туда и обратно по бульварам и разговаривали. Ну, вновь беседа об отношении к нему людей... и редакции «Известий». Там против него, по-моему, уже не было никого, кроме разве сотрудничавшего в «Известиях»

Демьяна Бедного, который относился к нему отрицательно, и, кроме, скажем, Алексея Максимовича Горького, который редактировал литературную страницу «Известий». Но эта литературная страница вышла, по-моему, один раз только³⁴. Ну вот. Там Маяковского не было, в этой литературной странице. Когда она вышла, я сейчас дату не помню, по-моему, в 30-м году или... в 29-м году... даже, может, в 31-м году, вероятнее всего, что в 31-м году.

³⁴ ...эта литературная страница вышла, по-моему, один раз только – Известия. 12 апреля 1930. С. 2. Здесь помещен отрывок из романа самого М. Горького «Жизнь Клима Самгина», отрывок из повести П. Павленко «Вечер на уездной площади», рассказ Федора Богородского «Вася», рассказ Владимира Алешинского «Фабзайцы и любовь» и стихотворение Евг. Забелина «В колхозе».

И я говорю ему, Маяковскому, когда речь зашла об отношении... я ему сказал, что старые большевики к нему относятся отрицательно. Это его очень заинтересовало. Почему? Ведь он же работает на советскую власть, на революцию, причем работает, что называется, как чернорабочий, как ломовая лошадь. Он даже употреблял эти выражения. Я говорю: «Владимир Владимирович, дело в том, что у вас расхождения с партией по вопросам, ну, что ли, художественным, точнее говоря, философско-эстетическим более глубокие, чем вы думаете». И я ему рассказал, что вот футуристы, вообще формалисты, особенно художники, они выступают с требованием... или... считают, что главной задачей искусства, изобразительного, например, является делание вещей. Тут я ему напомнил декларацию Брика, Малевича, Кандинского и других, что, скажем, изобразительное искусство, если серьезно понимать эту ориентировку на делание вещей, должно быть целиком прикладным³⁵, что деланием вещей занимается промышленность, все ее отрасли, и промышленность всегда прибегала к помощи художников для оформления. Скажем, продукция легкой промышленности и даже продукция пищевой промышленности – упаковка. Допустим, вот на папиросах, выпускавшихся, я не помню, какой фабрикой, была картина Перова «Охотники». «Тары-бары»³⁶. Помните?

³⁵ Тут я ему напомнил декларацию Брика, Малевича, Кандинского и других, что, скажем, изобразительное искусство <...> должно быть целиком прикладным. – Осип Брик (см. примеч. 298) писал, например, в статье «От картины к ситцу», что «живопись – это не “картины”, а вся совокупность живописного оформления быта» (ЛЕФ. 1924. № 2. С. 27).

³⁶ ...картина Перова «Охотники». «Тары-бары». – Речь о картине Василия Перова «Охотники на привале» (1871).

И. Г.: Ну вот. Так что в этом случае художники должны быть прикладниками. Но ведь у искусства изобразительного задача-то другая: отображение действительности во всех ее существенных проявлениях. А в литературе вы, вот футуристы, сбиваетесь на литературу факта, то есть описание того, что есть. Но это же натурализм. А большевики никогда не поддерживали натуралистические течения в эстетике. Они всегда стояли на позициях реализма, и с позиций реализма ни один грамотный эстетически, художественно большевик никогда не сходил. Так что...

В. Д.: Он что-нибудь реагировал?

И. Г.: Да, конечно.... Так что, видите, расхождения вас с большевиками довольно глубокие. И я тоже не согласен с эстетическими взглядами футуристов. Я считаю их неприемлемыми. Но то, что вы делаете в стихосложении... собственно, ведь не вы начали эту работу, а... начал, скажем, и Андрей Белый, и там многие другие поэты разорвали строку: стремление приблизить поэтический стих к разговорному языку. Это революция в стихосложении. Это положительное. И, конечно, будущие поэты, следующие за вами, будут вот это ваше начинание всемерно развивать. Как они будут развивать – поглядим. Вот эту революцию в стихосложении, ее положительное значение я признаю. Я признаю. Это, так сказать, формальный момент, момент творческий. То, что вы с позиций эстетических, которых я не разделяю, делаете дело, которое я целиком принимаю: борьба за советскую власть, за пролетарскую революцию и так далее – вот это, так сказать, нас сближает.

Но Маяковский возражал тем, что он, во-первых, классиков не отрицает, он считает необходимым классиков наследовать и, так сказать, их традиции развивать. Всё положительное, что было в искусстве изобразительном, всё положительное, что было в литературе художественной, надо беречь и надо развивать. Это традиции народа русского, и они ему близки и дороги. Но что сейчас время такое кипятковое, тяжелое, когда вопрос стоит о жизни и смерти революции, поэтому надо поэтам быть агитаторами, мобилизовать массы, народ, что мы одни, кругом океан враждебных сил, и внешних, и внутренних, так что вот поймите, почему я именно так работаю, а не по-другому. Может быть, кое в чем, может быть, даже и больше, чем кое в чем, в области эстетики вы правы, – Маяковский говорил. – Это надо основательно продумать. Кстати, он уж не такой большой знаток философии (это он признавал), и что тут, конечно, дескать, надо кое-что и почитать, и кое над чем надо поработать, и кое над чем надо задуматься.

В общем, разговор у нас был товарищеский, дружеский. И я выступал очень мягко, и он. Так что не было какого-то... ну, что ли...

В. Д.: Poleмики.

И. Г.: ...грубого спора. О полемике и речи не шло, а не было даже грубого спора. Было стремление выяснить позиции друг друга, что нас объединяет и что, так сказать, нам нужно еще доработать, додумать. Ну вот. Это была очень интересная беседа, повторяю, очень длительная, на улице, во время прогулки.

И вот во время этой беседы Маяковский заговорил о том, что ему не везет в любви. Он такую фразу пустил: «На Сережку бабы вешаются, а от меня бегут». Сережка – это Есенин.

В. А.: Ну, «Сережки» уже пять лет как нет.

И. Г.: Ну да: «На Сережку бабы вешались», – он говорил в прошедшем времени. «На Сережку бабы вешались, а от меня бежали и бегут. Я, – говорит, – не понимаю, почему». Эта тема, так сказать, мужская тема, она заняла довольно много времени. Я говорю, что не может быть, чтобы от вас девушки бежали. «Да нет, – говорит, – бегут». Вот он ухаживал за такой-то, за такой-то (он даже называл имена), и что вот личной жизни ему так устроить и не удалось. «Собственно, семьи-то, – говорит, – у меня нет. Я связан с Бриками, но это больше, говорит, дружба, чем, собственно говоря, какая-либо другая форма близости». Заговорил он о Яковлевой. Я знал от Василия Каменского о том, что он при встрече в Париже с Татьяной

Яковлевой... Он общался... Ее отец был художник...

В. Д.: Художник?..

В. А.: Она к дяде поехала. Отец инженер был³⁷.

³⁷ Яковлев Алексей Евгеньевич (после эмиграции в США Алексис Джексон; 1881–1950 или 1964) – отец Татьяны Яковлевой – окончил Институт гражданских инженеров императора Николая I в Петербурге (1909). В 1910 г. победил на Всероссийском конкурсе проектов Народного дома им. императора Александра II в Пензе. В 1911 г. вместе с семьей переехал в Пензу для доработки проекта и наблюдения за строительством. Затем построил там же летний театр в парке. В 1915 г. был призван в армию и покинул навсегда и Пензу, и семью, а вскоре и Россию. Дочка Татьяна после Пензы увидела его в Париже только в 1940 г.

И. Г.: Отец инженер? А дядя художник?

В. А.: Дядя – художник³⁸.

³⁸ Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) – дядя Татьяны Яковлевой – живописец и график. Участник выставок Союза русских художников (с 1909) и «Мира искусства» (с 1913). В 1917–1919 гг. путешествовал по Дальнему Востоку, включая Монголию, Китай, Японию. Об Октябрьской революции узнал в Пекине и в Россию не возвратился. С 1919 г. жил в Париже. Разъезжал и выставлялся по всему миру. Три года возглавлял живописное отделение школы Музея изящных искусств в Бостоне. В 1925 г., при содействии промышленника Андре Ситроена, устроил переезд племянницы Татьяны Яковлевой из Пензы в Париж. С нею Маяковский познакомился в конце октября 1928 г., после возвращения в Париж из Ниццы, где он бегло встретился с Элли Джонс, своей американской подружкой, и общей двухлетней дочкой Патрицией. Обещал вскоре приехать еще и побыть подольше, но увидев Татьяну, забыл о своих обещаниях. В общении с нею Маяковский задержался в Париже до 3 декабря. Затем с конца февраля до конца апреля 1929 г. прожил в Париже, уговаривая Татьяну вернуться к нему в СССР, соблазняя ее карьерой советского инженера. Но она уже работала статисткой в кино, манекенщицей у Коко Шанель, снималась в рекламе, шила шляпки и менять профессиональные навыки и возвращаться туда, откуда еле вырвалась, не спешила. В итоге предпочла вилланта Бертрана дю Плесси, служившего атташе при французском посольстве в Варшаве. Бракосочетание состоялось 23 декабря 1929 г.

И. Г.: Ну вот, это не из семьи тех Яковлевых, Василия и Бориса?³⁹

³⁹ Яковлев Василий Николаевич (1893–1953) – живописец, реставратор, член АХПП (с 1922). Преподавал во ВХУТЕМАСе (1918–1922), в МАРХИ (1934–1936), МГАХИ им. В. И. Сурикова (1948–1950). Заведовал отделом реставрации в Музее изобразительных искусств (с 1930), главный художник ВСХВ (1938–1939, 1949–1950). Лауреат двух Сталинских премий (1943, 1949).
Яковлев Борис Николаевич (1890–1972) – художник-пейзажист. Один из организаторов и член АХПП (с 1922). Преподавал во ВГИКе (1956–1963).

В. А.: Думаю, что нет. Вообще, они из Орла сами.

В. Д.: Из Орла?

В. А.: Да.

И. Г.: Ну вот. Так Маяковский там познакомился с Татьяной Яковлевой. Она на него произвела очень большое впечатление – словом, влюбился в нее. И, что называется, влюбился по уши. И он сделал ей предложение. Это вы знаете?

В. А.: Знаем.

В. Д.: Да.

И. Г.: При чем она ему отказала сразу. Он ей много обещал. Она ему отказала. Тогда он уехал в Ниццу. Так мне Вася, Каменский, рассказывал.

В. Д.: Это вы со слов Каменского?

И. Г.: Да. Приехал вторично в Париж. Вторично делал предложение ей. Ну, словом, предложение Татьяне Яковлевой он повторил три раза. И получил трижды отказ. Так мне рассказывал Василий Каменский. Так что о его любви к Яковлевой я немножко был информирован.

В. Д.: Минуточку. Сделаем паузу. *(Радзишевской.)* Выключите.

(Небольшой перерыв в беседе.)

И. Г.: Вот то, что знал я о его любви к Татьяне Яковлевой. И когда Маяковский заговорил вот о своей... о том, что ему в любви не везет, и когда называл имена девушек, за которыми он ухаживал (фамилий я их, конечно, не помню, и меня это мало занимало), он назвал и Яковлеву: вот что он увлекся в Париже, влюбился, что называется, по уши в Яковлеву...

В. Д.: Он такого выражения не употребил?

И. Г.: По-моему, употребил. Что-то, может быть... Или прямо «по уши», или какое-то другое, но именно такого порядка...

В. Д.: Слово «влюбился»?

И. Г.: Да, он прямо... «влюбился», «любил», «люблю» и прочее, и тому подобное – эти слова он употреблял. Он сказал больше: что он сделал ей предложение повторенное и что она ему отказала. «Вот, видите, – говорит, – как мне не везет». Ну, он говорил так, что (может быть, это и в другой форме, но смысл я передаю), – что она, говорит, знала, что я выдающийся поэт, что у меня в Советском Союзе уйма поклонников, что слава у меня, так сказать, большая и что меня везде принимают как большого поэта. Но вот, говорит, несмотря на всё это, я получил отказ. И еще он мне сказал, что он внес в цветочный магазин деньги на год вперед. Уезжая из Парижа, он внес в магазин деньги, в цветочный, чтоб ей ежедневно присылали цветы⁴⁰.

⁴⁰ Уезжая из Парижа, он внес в магазин деньги, в цветочный, чтоб ей ежедневно присылали цветы. – Татьяна Яковлева (дю Плесси-Либерман) (1906–1991) в разговоре под магнитофон со своим другом Геннадием Шмаковым – поэтом, балетным критиком, автором биографий Жерара Филиппа, Михаила Барышникова и Натальи Макаровой – относит эту цветочную историю к времени между двумя последними приездами Маяковского в Париж (декабрь 1928 – март 1929): «Я получала от него цветы каждое воскресенье. Это был сюрприз. Он оставил деньги в магазине и визитные карточки, пометив даты. Он знал, что я не люблю срезанные цветы, это были почти всегда кусты, хризантемы в горшках. <...> Так было до его возвращения в марте» (Цит. по: Катанян Василий Васильевич. Прикосновение к идолам. М.: Захаров; Вагриус, 1997. С. 374).

Ну, сколько это было... стоило... Даже назвал мне сумму. Я ее не помню. И когда Маяковский покончил жизнь самоубийством, я вспомнил этот разговор.

Татьяна Яковлева получала цветы, если только она оставалась в Париже, она к тому времени уже вышла замуж, если она оставалась в Париже, то она получала цветы от Маяковского после его смерти.

В. Д.: Это факт.

И. Г.: Этот факт известен?

В. Д.: Известен. Вы не читали об этом ничего?

И. Г.: Нет, не читал.

В. Д. (Арутчевый): Ведь это напечатано уже, да?

И. Г.: В литературе я не встречал этого.

В. Д.: Это уже было.

И. Г.: В литературе этого не встречал, хотя кое-что... о Маяковском я прочитал порядочно, но это я в литературе не встречал. Это я от него услышал тогда.

Теперь. Мне рассказывал, не помню кто, что Татьяна Яковлева вышла за французского военного атташе в Польше, то ли полковника, то ли капитана, что-то в этом духе...

В. А.: Виконт.

И. Г.: ...и это произошло до самоубийства Маяковского.

В. Д.: Да.

И. Г.: И я подозреваю, что это сообщение о выходе замуж Татьяны Яковлевой Маяковского окончательно, что называется, убило.

В. Д.: Оно было еще в 29-м году. Оно было, это сообщение, еще раньше немножко.

И. Г.: Ну, как раньше? Это был конец 29-го или начало 30-го года. Не раньше, во всяком случае, конца 29-го года, не раньше, по-моему. Мне Каменский говорил и Асеев, что Маяковский пережил это сообщение страшно. Нервничал. Вот эта моя прогулка, она была то ли во время подготовки выставки его, то ли во время уже самой выставки⁴¹.

⁴¹ Выставка Маяковского «20 лет работы» была открыта в Клубе Федерации писателей на ул. Воровского, 52, с 1 по 22 февраля 1930 г. Затем, с 18 по 25 марта, – в Центральном Доме комсомола Красной Пресни на Васильевской ул., 13.

В. Д.: Тогда можно датировать ее точнее.

И. Г.: Понимаете? Я и называл январь-февраль.

В. А.: Да.

И. Г.: Выставка, насколько я помню, была в феврале. Понимаете, в это время. Причем мне сообщил, уже после самоубийства Маяковского, – мне сообщил Каменский: когда готовили выставку, Маяковский обратился к нему с вопросом: «Вася, а где плакаты? (Там такие-то.) Вот надо было бы их выставить». Ему Каменский ответил: «Володя, они у меня на Каменке»⁴². – «Съезди, привези их». Он говорит: «Ну Володя, ну зачем? Будет еще какая-нибудь выставка, устроим мы, тогда всё соберем». Он говорит: «Если бы ты знал, то ты бы поехал. Если бы ты знал всё, то ты бы поехал».

Владимир Маяковский на выставке «20 лет работы», 1930. Источник: wikipedia.org

После этого, прибивая какой-то плакат, какую-то вещь, Маяковский поднимается по стремянке и достает из кармана пистолет и передает Каменскому: «Вася, – говорит, – поддержи». И остановился уже на стремянке и говорит: «Вот этот пистолет сейчас (он говорил “револьвер”) ничего не значит. Пройдет немного времени – за него будут бороться все музеи».

Ну, прибил этот самый плакат, спустился, ему Каменский передал пистолет, ничего не подозревая, так сказать, не понимая этих прямых намеков на самоубийство. Ну вот. Ну, это, так сказать, я несколько забегаю вперед.

⁴² *Каменка* – это хутор, построенный Каменским в сорока километрах от Перми.

О самоубийстве Маяковского

И. Г.: Самоубийство Маяковского. И еще одно свидетельство в связи с этим. Кто мне передавал, я не помню, что к нему приехала из Ленинграда какая-то женщина, зашла к нему, и он просил ее побыть с ним. Ну, у нее были какие-то дела, она не могла остаться у Маяковского. Она собралась уходить. Тогда он просил звонить ему через каждые десять минут. Она ему вначале два раза позвонила минут через десять-пятнадцать. Потом она ему звонила через полчаса. И дальше последовало самоубийство⁴³. Ну, как проходило, это вы знаете, конечно. Визит Полонской⁴⁴. Когда он ее упрощивал остаться.

⁴³ ...к нему приехала из Ленинграда какая-то женщина <...> и он просил ее побыть с ним. <...> она не могла остаться <...> собралась уходить. Тогда он просил звонить ему через каждые десять минут. Она ему вначале два раза позвонила минут через десять-пятнадцать. Потом она ему звонила через полчаса. И дальше последовало самоубийство. – 13 апреля 1930 г., за день до смерти Маяковского, в Гендриков переулок к Брикам зашла Мария Валентиновна Малаховская (1905–1948), свояченица художника Натана Альтмана (сестра его жены). Обе сестры, по словам Ираклия Андроникова, были «женщинами неправдоподобной красоты и обаяния» (Бронислав Брониславович Малаховский: сб. / сост. И. В. Щеголевой-Альтман; вступ. ст. А. Д. Боровского. Л.: Художник РСФСР, 1978. С. 29). Но Брик в Москве не было. И застала она одного Маяковского. Они были знакомы. В его записных книжках, начиная с 1927 г., пять раз записаны ее ленинградские телефоны, то меняющиеся, то совпадающие, и дважды один и тот же адрес. Она здесь сначала Муса, затем Мария и наконец Мария Валентиновна. Видя его отчаяние, гостя предложила ему поехать вместе с нею в Ленинград. И Маяковский едва не согласился. Ссылаясь на Николая Асеева и его жену Ксению Михайловну, художница Елизавета Лавинская написала в воспоминаниях, датированных 1948 г., что Маяковский эту ленинградку «задержал около себя, прочел предсмертное письмо и, кажется, сказал такую фразу: “Я самый счастливый человек в СССР и должен застрелиться”» (Лавинская Е. А. Воспоминания о личных встречах с Маяковским. 1923–1930 гг. // «В том, что умираю, не вините никого»?..: следственное дело В. В. Маяковского: документы, воспоминания современников / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. С. Е. Стрижневой. М.: Эллис Лак 2000, 2005. С. 567). История со звонками явно придумана. И Маяковский не был привязан к телефону: вечер 13 апреля и часть ночи на 14-е он провел у Валентина Катаева. Да и она приехала в Москву не затем, чтобы сидеть где-то и без конца за чем-то названивать Маяковскому.

⁴⁴ *Визит Полонской*. – Расставаясь с Вероникой Полонской под утро 14 апреля, Маяковский пообещал заехать за ней в восемь часов. Приехал на такси, по ее словам, в восемь тридцать. В десять тридцать у нее была репетиция в театре. Предложил заехать к нему на Лубянку. Таксисту велел ждать. И застрелился, скорее всего, в ее присутствии.

В. Д.: В каком варианте вы услышали... мы много версий слышали, в том числе... В каком варианте вы услышали, вот непосредственно в «Известиях» после самоубийства, что тогда говорили?

И. Г.: Вот уже когда Маяковский лежал в гробу, мне рассказывали... там был Каменский, там были и друзья: Асеев там, другие друзья Маяковского... и кто-то из них мне рассказывал, что, когда Полонская к нему пришла, она застала его в жутком состоянии, таком нервном, и даже она испугалась его. Ну, пробыв некоторое время, она стала уходить, собралась уходить.

Маяковский чуть ли не на коленях упрашивал ее остаться и сказал ей, что, поймите, вы мне нужны не как женщина, я боюсь самого себя. Оставайтесь. Оставайтесь. Видимо, вид у него был жуткий. Полонская его испугалась и кинулась к двери – и в это время раздался выстрел. Вот то, что мне рассказывали.

В. Д.: Тогда?

И. Г.: Да.

В. Д.: Естественно.

И. Г.: Это мне рассказывали, когда... Я ведь был членом комиссии по похоронам, и это мне рассказывали, когда я... во время моего дежурства у гроба Маяковского. Но я забежал вперед.

День самоубийства. Дело, видите ли, в том, что заседания Совнаркома и Совета Труда и Оборона проходили в разное время. Кажется, что Совнарком, заседания Совнаркома начинались в одиннадцать, а Совета Труда и Оборона – в семь часов вечера. Ну, и они продолжались часов до десяти или одиннадцати ночи. Я был... я участвовал во всех заседаниях Политбюро ЦК, Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Оборона и так дальше – во всех. Я прямо с заседания приехал в «Известия».

В. Д.: С заседания утреннего или вечернего?

И. Г.: Вечернего. Примерно часов в одиннадцать я приехал в «Известия». На столе гряда гранок очередного номера. А я прочитывал все и подписывал каждую страницу. После того, после моей подписи, уже в странице ничто не менялось, ни одной запятой нельзя уже было изменить без моего ведома. Так я подписывал все страницы. Гряда гранок, которые я должен был прочитать, письма, лично мне, скажем, с пометкой «лично», их не вскрывали, а прямо клали мне на стол, письма без пометки «лично» вскрывали секретари или помощники, прочитывали и то, что надо, они в папку, в папке клали мне на стол, а то, что можно было передать членам редколлегии и в отделы, они передавали в отделы или членам редколлегии. Ну, переписка у нас была колоссальная. И затем некоторые статьи, которые требуют, чтоб я их прочитал заранее, до сдачи в набор. Я узнал еще о самоубийстве Маяковского на заседании...

В. Д.: Вечернем?

И. Г.: Да. Не помню...

В. Д.: Было утреннее заседание, проходило...

И. Г.: Они в разные дни были.

В. Д.: Ах, в разные дни?

И. Г.: В разные дни были. Но тут как раз было это вечернее заседание.

В. Д.: А утром в этот день не было заседания?

И. Г.: Утром, по-моему, не было. Была какая-то комиссия утром...

В. Д.: Ну, в общем, не сообщили утром.

И. Г.: Я всё время был в Кремле: с утра, с девяти часов до одиннадцати, я был в Кремле, на заседаниях: какие-то комиссии, какие-то... еще там какие-то заседания. И вот в конце, с семи часов, заседание Совета Труда и Оборона. Мне передал записку или подошел сказал о самоубийстве Маяковского Могильный, помощник Молотова⁴⁵. И об этом сказал мне Ягода. Мы с ним сидели так в сторонке у окна рядышком. Он меня спросил, знаю ли я о самоубийстве Маяковского. Я говорю, что вот мне Могильный сказал. Ну, он мне рассказал кое-какие подробности, которые сейчас уже не сохранились в памяти, надо копаться в памяти. В общем, у меня был с ним разговор.

⁴⁵ Могильный Андрей Митрофанович (1895–1937) – большевик с 1914 г., в аппарате В. М. Молотова с 1928, зав его Секретариатом и зам Управляющего делами Совнаркома с 1930. В августе 1937 г. арестован. Через неделю покончил с собой на допросе. Реабилитирован в 1955.

В. Д.: С Ягодой?

И. Г.: С Ягодой.

В. Д.: В самый день самоубийства?

И. Г.: Да. И он меня информировал об обстоятельствах самоубийства Маяковского. В каких словах?.. Ну, всего же не упомнишь, вы же сами понимаете. Таким образом, я узнал о самоубийстве от Могильного, помощника Молотова, и от Генриха Григорьевича Ягоды, председателя ОГПУ, нет, заместителя председателя ОГПУ.

В. Д.: Тогда Менжинский еще был.

И. Г.: Тогда Менжинский еще был председателем⁴⁶. Вот, собственно говоря, с какой информацией я приехал в «Известия». И, естественно, сразу же я запросил, чтоб мой помощник собрал материалы о самоубийстве Маяковского, какие поступили в редакцию. Он мне сказал: «Иван Михайлович, у вас на столе лежат все материалы. Мы, отделы и члены редколлегии, никто не решился сдавать в набор что-либо о самоубийстве Маяковского до вашего приезда». И я стал читать те статьи и заметки, которые были положены мне на стол до моего приезда. Причем, в статьях, я сейчас не помню авторов, по-моему, там были статьи и друзей Маяковского, все осуждали самоубийство и, собственно, поливали Маяковского грязью.

⁴⁶ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – заместитель председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского в 1924–1926 гг. и его преемник в 1926–1934.

Меня это взорвало. Я скомкал статьи и бросил в корзину. Я говорю: «Ничего не печатать против Маяковского! Передай (вызвал помощника своего), передай по всем отделам и всем членам редколлегии... (А редколлегия тогда была органом совещательным при редакторе, она не имела решающего значения.) Передай распоряжение, чтоб ничего, ни одной заметки, против Маяковского не было в газете напечатано».

И тут же я вызвал стенографистку и продиктовал ей статью. Она маленькая, поэтому я ее прочитаю.

«Пролетарский поэт.

Умер Владимир Владимирович Маяковский. Оборвалась яркая, кипучая жизнь. Перестал работать мозгпоэта-мыслителя, поэта-борца. Сейчас трудно дать оценку творчества В. В. Маяковского. Одно можно сказать – наша пролетарская страна потеряла одного из крупнейших представителей художественной литературы. Однако В. В. Маяковский не только художник, но и борец, связавший свою судьбу с рабочим классом, вместе с ним боровшийся за победу социализма. В годы гражданской войны стихами и плакатами, агитационной и организационной работой Маяковский помогал рабочему классу сокрушать своих врагов. В годы мирного строительства Маяковский своей бодрой сатирой помогал рабочему классу бороться с бюрократизмом, темнотой и невежеством.

Свои устремления, свои думы В. В. Маяковский довольно хорошо выразил в одном из последних стихотворений:

*Мне наплевать
на бронзы многопудье,
Мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою –
ведь мы свои же люди –
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм⁴⁷.*

В этом отрывке весь Маяковский. Целостный, сильный, устремленный в будущее, в социализм. И не случайно даже в своем прощальном письме он остается верен самому себе: уходя из жизни и совершая поступок, чуждый мировоззрению рабочего класса, он сам осуждает этот поступок. Выстрел, это – дань прошлому.

Поэт до конца своих дней мужественно боролся за дело рабочего класса. Личная трагедия нелепо сломала его.

Рабочий класс сохранит в своей памяти творчество Владимира Владимировича Маяковского⁴⁸. Без подписи. Она была... шла передовой, то есть выражающей мнение редакции, была напечатана... Там шапка: «Умер Владимир Владимирович Маяковский»⁴⁹.

⁴⁷ Маяковский В. В. Во весь голос // Он же. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10. 1929–1930 / подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко. М.: Голд-во худож. лит., 1958. С. 284.

⁴⁸ Известия. 15 апреля 1930 г. С. 3.

⁴⁹ В «Известиях» шапка: «Смерть поэта В. В. Маяковского».

В. Д.: На третьей странице справа.

И. Г.: Да. Вот такой раздел. И вот это шло... передовой статьей в этом разделе, без подписи, то есть редакционная статья.

В. Д.: Это ваша?

И. Г.: Да, моя статья.

В. Д.: Она так и была напечатана?

И. Г.: Да. Напечатана без подписи в «Известиях» в номере от 15-го 4-го 30-го года.

В. Д.: Вы это прямо из газеты списали?

И. Г.: Это прямо из газеты взято. Дословно. Тут ни одного звука не изменено.

В. Д.: Газета эта у меня есть.

И. Г.: Причем. Выдам один секрет.

В. Д.: Вот-вот.

И. Г.: Написав, точнее, продиктовав эту статейку, когда стенографистка принесла статью с машинки, я прочитал ее, отчеркнул, подписал (это так всё делается: за чертой подпись *(показывает)*), я позвонил Сталину, спросил его, знает ли он о самоубийстве Маяковского. Он говорит: «Да, знаю». Я говорю: «Как будем освещать смерть Маяковского?» Он говорит: «А вы что предлагаете?» Я говорю: «Вот я только что продиктовал стенографистке маленькую статейку, которую думаю пустить редакционной в разделе, где идут материалы о смерти Маяковского». Он: «Прочитайте». И я по телефону прочитал вот эту статью. Сталин: «Хорошо. Великолепно. Вот это позиция Центрального Комитета, позиция Политбюро. Печатайте! Позвоните в ТАСС и в «Правду», передайте...»

В. Д.: Кто в «Правде» был? Не помню.

И. Г.: Мария Ильинична⁵⁰. «...передайте, передайте вот наш с вами разговор». Я тут же по вертушке позвонил Марье Ильиничне (у нас была постоянная связь, дружеская), говорю: «Марья Ильинична, вы, конечно, знаете, что Маяковский покончил самоубийством?» – «Да, знаю». Я говорю: «Вот я написал малюсенькую статейку и только что прочитал ее, по просьбе Сталина... *(поправляется)* прочитал Сталину, по его просьбе. И он мне сказал вот то-то...» Она: «Иван Михайлович, прочитайте мне эту статью». Я прочитал Марье Ильиничне. И вновь повторил слова Сталина, что это позиция ЦК, позиция Политбюро. Она поблагодарила меня, говорит: «Я это всё учту». Как «Правда» освещала смерть Маяковского, я сейчас уже не помню. Специально я в «Правду» не заглядывал. Тогда редактором «Правды» был, по-моему, Савельев...⁵¹

⁵⁰ Ульянова М. И. (1878–1937) – младшая сестра В. И. Ленина, член РСДРП с 1898 г. В 1917–1929 гг. входила в состав редколлегии «Правды». Затем – секретарь редакции. Гронский называет ее в воспоминаниях «соредктором «Правды»» (*Галумов Эраст. Неизвестные «Известия»*. С. 129).

⁵¹ Тогда редактором «Правды» был, по-моему, Савельев... – В апреле 1930 г. М. А. Савельев был как раз ответственным редактором «Известий». В «Правду» он был пересяжен только 25 июля 1930 г.

В. Д.: Уже? После Бухарина уже?⁵²

⁵² После Бухарина уже? – Н. И. Бухарин был уволен из «Правды» в апреле 1929 г. До назначения ответственным редактором Савельева работой «Правды» руководило Бюро редакционной коллегии (Г. И. Крумин, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский).

И. Г.: После Бухарина. Но я был связан не с Максом Савельевым, а с Марией Ильиничной. Это у меня старая с ней связь, древняя. И она ко мне обращалась, и я к ней обращался, мы постоянно держали с ней связь.

В. Д.: А Мария Ильинична была?..

И. Г.: Секретарем редакции «Правды». Причем, когда, допустим, Бухарин звонил мне или я Бухарину звонил почему-либо, я тут же перезванивался с Марьей Ильиничной и говорил, что «Марья Ильинична, вот с Николаем мы говорили о том-то». Я информировал.

М. Ульянова у гроба И. Скворцова-Степанова. Октябрь 1928. Источник: архив семьи Гронских

С Бухариным мне приходилось часто довольно спорить. Дело в том, что это очаровательный человек, до одурения талантливый, но в политике страшно легкомысленный. Страшно легкомысленный! Я потом коснусь, может быть, скажу о нем пару слов, в конце.

Вот эта статейка пошла передовой и, так сказать, вся кампания... или... все материалы, которые печатали «Известия» о смерти Маяковского, подбирались под этим углом зрения.

В. Д.: У Демьяна была статья, тоже маленькая, не помню только, это в «Известиях» или «Правде» под названием: «Чудовищно. Непонятно»⁵³.

⁵³ У Демьяна была статья, тоже маленькая, не помню только, это в «Известиях» или «Правде» под названием: «Чудовищно. Непонятно» – Отклик Демьяна Бедного на смерть Маяковского (23 строки) был напечатан 15 апреля 1930 г. в «Правде» (С. 5) и в тот же день в «Комсомольской правде» (С. 2).

И. Г.: Была. Была такая. Но я тоже не помню, где она напечатана.

В. Д.: Я помню ее зрительно.

И. Г.: Не помню, не помню, где была напечатана. Да. Действительно, чудовищно и, действительно, невероятно.

Похороны Маяковского

Теперь так. Была создана комиссия по похоронам Маяковского. Я был членом комиссии.

В. Д.: А кто ее возглавил?

И. Г.: Собственно говоря, формально не было даже возглавляющего⁵⁴.

⁵⁴ ...формально не было даже возглавляющего <комиссию по похоронам> – Председателем комиссии по организации похорон Маяковского был председатель правления Госиздата Артемий Багратович Халатов, который всего неделей раньше распорядился вырезать приветствие Маяковскому из всего тиража уже сброшюрованного журнала «Печать и революция».

В. Д.: Не Авербах возглавил?

И. Г.: Нет! Что вы! Там входили Халатов...⁵⁵

⁵⁵ Халатов Артемий Багратович (1894–1938) – председатель правления Государственного издательства РСФСР (1927–1930) и Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) (1930–1932), затем начальник Центрального отдела подготовки кадров Наркомата путей сообщения (1932–1935), председатель Всесоюзного общества изобретателей (с 1935). Арестован 27 июня 1937 г. Расстрелян 26 сентября того же года. Реабилитирован в 1956 г.

В. Д.: Да.

И. Г.: ...я... Авербаха в комиссии не было. Кто-то входил еще. Кто – не помню сейчас. Список комиссии опубликован в «Литературной газете»⁵⁶, так что это можно всё проверить. Ведь столько у меня было комиссий (усмехается), что для того, чтобы, понимаете, всё это записывать, нужно было бы исписать уйму бумаги. А я, кроме того, этим вещам вообще не придавал никакого значения. Мало ли в каких комиссиях бывал, мало ли что приходилось делать... и большие...

В. Д.: По-моему, от комиссии на похоронах говорил Авербах⁵⁷.

⁵⁶ Список комиссии опубликован в «Литературной газете»... – Список опубликован не в «Литературной газете», а в «Известиях» под заголовком «От комиссии по похоронам В. Маяковского» (15 апреля 1930. С. 3): «Секретариат федерации советских писателей создал комиссию по организации похорон В. В. Маяковского в следующем составе: Т.т. Асеев, Беспалов, Гронский, Ионов, Керженцев, Кириллов, Кон Ф., Лежава А. М., Либединский, Любимова, Малышкин, Огнев, Селивановский, Сутырин, Троицкий, Халатов, под председательством последнего». И в тот же день напечатан в «Правде» (С. 5).
Беспалов Иван Михайлович (1900–1937) – литературный критик, зам ответственного редактора журнала «Печать и революция» (1929–1931), ответственный редактор журнала «Красная новь» (1930–1931). С 1934 г. главный редактор Гослитиздата. Арестован 26 июля 1937 г., расстрелян 26 ноября того же года. Реабилитирован в 1956 г.
Ионов Илья Иванович (1887–1942) – поэт, один из руководителей советского издательского дела, заведовал издательством «Земля и фабрика» (1928–1930), возглавлял издательство «Academia» (1929–1932). Шурин (брат жены) Г. Е. Зиновьева. Арестован в 1937 г., умер в Севлаге. Реабилитирован в 1956.
Керженцев Платон Михайлович (1881–1940) – директор Института литературы, искусства и языка Коммунистической академии, редактор журнала «Литература и искусство». Возглавлял Российское телеграфное агентство в 1919–1920 гг., когда Маяковский делал «Окна РОСТА».
Кириллов Владимир Тимофеевич (1890–1937) – пролетарский поэт эпохи военного коммунизма, первый председатель ВАПП (с 1920). После перехода от гражданской войны к напу порвал с организованным пролетарским литературным движением. Арестован 30 января 1937 г., расстрелян 16 июля. Реабилитирован в 1957 г.
Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – польский революционер, один из организаторов МОПР, заместитель председателя Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна (1923–1935), начальник Главискусства (зав Главным управлением по делам литературы и искусства в Наркомпросе РСФСР) (1930–1931), ученый-этнограф, публицист.
Лежава Андрей (Андрю) Матвеевич (1870–1937) – член РСДРП с 1904 г., председатель правления Центросоюза РСФСР (1919–1920), заместитель председателя Совнаркома РСФСР – председатель Госплана республики (1924–1930), член ЦКК ВКП (б) (1927–1930), председатель президиума общества «Автодор» (1927–1935). Арестован 28 июня 1937 г., расстрелян 8 октября того же года. Реабилитирован в 1956 г.
Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) – прозаик, журналист, автор повести «Неделя» (1922), один из руководителей РАПП, друг Александра Фадеева. До последних минут оставался у гроба Маяковского в клубе ФОСП. «Халатов с Сельвинским никак не могут закрыть гроб – ноги не помещаются под крышкой. Юрий Либединский нажимает сверху, что-то хрустит, гроб закрывается» (*Долматовский Евг.* Было: Записки поэта. Кн. 2. М.: Сов. писатель, 1979. С. 36).
Любимова Серафима Тимофеевна (1898–1970) – заведующая Отделом народного образования Мособлсполкома и Моссовета (1929–1931).
Малышкин Александр Георгиевич (1892–1938) – писатель, автор повести «Падение Даира» (1923), романа «Люди из захолустья» (1937–1938).
Огнев Николай (наст. имя, отчество и фамилия Михаил Григорьевич Розанов) (1888–1938) – детский писатель, педагог. Основал первый театр для детей в Москве и написал для него несколько пьес. Работал в московских детских колониях (1921–1924). Автор повести «Дневник Кости Рябцева» (1926–1927). В 1937 г. преподавал в Литературном институте.
Селивановский Алексей Павлович (1900–1938) – литературный критик, журналист, редактор. Секретарь по национальным вопросам Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) (1926–1932). В 1931–1932 гг. главный редактор «Литературной газеты». Арестован 15 ноября 1937 г., расстрелян 21 апреля 1938. Реабилитирован в 1956 г.
Сутырин Владимир Андреевич (1902–1985) – партийный работник, литературный критик, редактор. Секретарь ВОАПП (1928–1932).
Троицкий Андрей Николаевич (1902–1938) – ответственный редактор «Комсомольской правды» (1929–1932). Арестован 24 сентября 1937 г., расстрелян 22 сентября 1938. Реабилитирован в 1956 г.

⁵⁷ По-моему, от комиссии на похоронах говорил Авербах. – Панихиду во дворе с балкона открыл А. Б. Халатов. Говорили А. В. Луначарский (нарком просвещения в 1917–1929), С. Т. Любимова (от Моссовета), Л. Л. Авербах (от РАПП), К. А. Федин (от ФОСП), А. Н. Троицкий (от ЦК комсомола и редакции «Комсомольской правды»), Ф. Я. Кон, С. М. Третьяков (от друзей покойного и его товарищей по совместной работе). В заключение С. И. Кирсанов прочитал поэму Маяковского «Во весь голос» (1930).

И. Г.: Не знаю.

В. Д.: С балкона Союза писателей. Я не был...

И. Г.: Не знаю. Я...

В. А.: Халатов.

И. Г.: Халатов. Я на могиле... не сопровождал гроб Маяковского до могилы. Не сопровождал.

В. Д.: Не до могилы – до крематория? Могилы не было никакой.

И. Г.: Он был сожжен разве?

В. Д.: Он был сожжен и похоронен только через двадцать лет⁵⁸.

⁵⁸ Урна с прахом Маяковского стояла на столе в закрытой комнате Донского крематория. Над дверью была стеклянная полоска. Встав на стул, через нее можно было заглянуть внутрь. Захоронение на Новодевичьем кладбище состоялось в мае 1952 г.

И. Г.: Да?

В. Д.: Да.

В. А.: Урна стояла...

В. Д.: Урна стояла в колумбарии.

И. Г.: Так вот. Я гроб не сопровождал, понимаете? Было какое-то заседание... я не мог... Но я видел движущуюся...

В. Д.: Колонну.

И. Г.: Именно колонну. Вся улица, Поварская тогда, а потом Воровского, она была загромождена народом. Я не знаю, есть ли снимки.

Похороны В. Маяковского. Улица Воровского, 17 апреля 1930 г. Источник: livejournal.com

В. Д.: Есть.

И. Г.: Есть, да?

В. Д.: Кинохроника есть.

И. Г.: Понимаете, я ехал на какое-то заседание и просил даже завернуть шофера. И я наблюдал движение вот этой огромной массы людей за гробом. На меня произвело такое впечатление, что вся улица была загромождена народом...

В. Д.: Да.

И. Г.: Понимаете?

В. Д.: Включая тротуары...⁵⁹

⁵⁹ ...вся улица была загромождена народом... Включая тротуары... – Художник Борис Ефимов рассказывал мне, что за гробом люди шли даже по соседним переулкам и дворам.

И. Г.: Всё. Сплошь двигалась вот такая... огромная масса народа. Я наблюдал это со стороны какое-то время, недолго, и уехал.

Но в крематории я не был. Не был в крематории и... отвлекся уже другими делами и...

В. Д.: На этом оборвалось впечатление?

И. Г.: Нет, конечно, не оборвалось на этом, не оборвалось. Но что было... Причем так: члены комиссии по похоронам Маяковского дежурили. Причем дежурства были расписаны: такой-то тогда-то дежурит, такой-то тогда-то, а такой-то тогда-то. И несколько раз я дежурил. Но, и помимо часов дежурства, я находился там.

В. Д.: В Союзе?

И. Г.: Да, в Союзе, там, где теперь правление Союза писателей.

В. Д.: В ФОСПе, в правлении ФОСПа⁶⁰.

⁶⁰ *ФОСП* – Федерация объединений советских писателей (1926–1932). Образована 27 декабря на учредительном собрании, созванном Всесоюзной ассоциацией пролетарских писателей, Всероссийским обществом крестьянских писателей и Всероссийским союзом писателей. Правление и клуб ФОСП помещались на ул. Воровского (прежде и теперь – Поварская), д. 52. По московской легенде, это дом Ростовых из «Войны и мира».

И. Г.: Да. Вот как раз там стоял гроб и там... приехала сестра Маяковского, была... Там мы дежурили. И вот там у меня были разговоры очень подробные с Каменским... затем с Асеевым... с Пастернаком, с другими. И вот то, что я частично передал вам, рассказал – эти вот беседы как раз проходили тогда. Народу проходило через комнату не так много.

В. Д.: Как не так много?

И. Г.: Не было сплошного такого шествия, не было. Очередей не было. По крайней мере, я их не видел.

В. Д.: Я два раза в очереди стоял.

И. Г.: Ну, очевидно, были часы, когда были очереди. Видимо.

В. Д.: Но недолго. Очередь так проходила...

И. Г.: Но вот когда я дежурил, когда я там был, проходили порядочно людей, но никаких очередей. Народ шел так... приходили и сразу же проходили.

С. Г.: А про маску уже сказал?

В. Д.: Нет, про маску не говорил. (*На немой вопрос Гронского.*) Про маску.

И. Г.: Нет, еще не говорил. Так вот. И когда я вот видел эту массу людей,двигающуюся по улице, на меня... я вспомнил, что вчера и позавчера народу не так много было... проходило через комнату у гроба Маяковского. Причем что меня поразило. Маяковский... лицо Маяковского как-то почернело. Понимаете ли? В гробу он лежал... ну, черты лица не изменились резко, но цвет лица изменился. Это отмечал не только я. Я обратился к друзьям нашим общим, я говорю: «Посмотрите, как изменился Володя». – «Да, – говорят, – лицо изменилось».

Маску снимал Меркуров, и принес он почему-то маску ко мне, чтобы я ее утвердил. Принес он в белой какой-то материи. А у меня перед столом стоял вот такой столик красного дерева, отполированный, блестящий.

Он положил завернутую в белую матерью маску и открыл. Я стоял по одну сторону этого маленького столика, а Сергей Дмитриевич по другую. И когда он раскрыл маску, понимаете, – живой Маяковский. Причем волосы даже сохранились прилипшие.

Я говорю: «Сергей Дмитриевич, обязательно эту маску сохраните вот в таком виде, в каком она есть». Он говорит: «Иван Михайлович, так ведь еще не поздно, я могу еще снять. Еще могу снять. Еще не поздно снимать». Я говорю: «Нет, не об этом идет разговор. Посмотрите: ведь Маяковский-то как живой, и волосы. Вот всё это надо сохранить в целостности, как это есть». Ну, мы побеседовали с Меркуровым. Он мне дал какую-то бумажку, я ее подписал, что вот маску утверждаю... Видимо, подписывали все члены комиссии.

В. Д.: Это в гипсе была?

И. Г.: Гипс.

В. Д.: Едва застывший гипс.

И. Г.: Да.

В. Д.: Потом <нрзб> я видел, это уже другое.

И. Г.: Нет, это вот...

В. Д.: Но во всяком случае он там тоже как будто спит.

И. Г.: Он только что, он только что снял маску и сразу пришел ко мне, прямо оттуда, понимаете?

В. Д.: Он снял маску еще в Гендриковом⁶¹.

⁶¹ И Константин Леонидович Луцкий, и Сергей Дмитриевич Меркуров сняли посмертные маски Маяковского вечером 14 апреля в квартире Маяковского и Бриков в Гендриковом переулке (скульптор К. Луцкий и формовщик К. Кучеров – в 18 час. 30 минут). Меркуров – следом. И только после этого в полночь гроб с телом Маяковского перевезли Клуб ФОСП.

И. Г.: Нет, она была снята уже тогда, когда Маяковского перевезли в Союз писателей.

В. А.: Нет, нет.

В. Д.: По-моему, в Гендриковом.

В. А.: В Гендриковом.

И. Г.: Может быть.

В. А.: Там мозг вынимали...⁶²

⁶² Впечатление от этой процедуры описал Ю. К. Олеша: «В день его смерти, когда, уже вечером, мы собрались в Гендриковом переулке, где <...> была квартира Бриков, вдруг стали слышны из его комнаты громкие стуки – очень громкие, бесцеремонно громкие: так могут рубить, казалось, только дерево. Это происходило вскрытие черепа, чтобы изъять мозг. Мы слушали в тишине, полной ужаса. Затем из комнаты вышел человек в белом халате и сапогах – не то служитель, не то какой-то медицинский помощник, словом, человек, посторонний нам всем; и этот человек нес таз, покрытый белым платком, приподнявшимся посередине и чуть образующим пирамиду, как если бы этот солдат в сапогах и халате нес сырную пасху. В тазу был мозг Маяковского» (Олеша Юрий. Книга прощания / сост., предисл. и примеч. Виолетты Гудковой. М.: ПРОЗАИК, 2015. С. 163). Мозг Маяковского был извлечен сотрудниками Института мозга в 20 час. 14 апреля. «Вес его 1700 грамм при среднем весе у взрослого мужчины 1400 грамм (Б. л. Мозг В. В. Маяковского // Литературная газета. 21 апреля 1930. С. 2).

И. Г.: Во всяком случае, он мне принес маску, когда Маяковский был уже в Союзе писателей.

В. Д.: А, ну принес! Это другое дело.

И. Г.: А когда он снимал ее, я не знаю. Я подумал, что он только что снял ее.

В. Д.: Нет, он снял ее чуть ли не накануне или за несколько часов.

В. А.: Он снял сразу после...

И. Г.: По-видимому, так, по-видимому, вы правы. Я этим делом не интересовался, когда он снял. Но вот передаю свое впечатление, когда он положил маску на стол.

В. А.: Да, я сама, когда в первый раз увидела, я думала, что... я не допускала даже мысли, что это маска: настолько он спящий там.

И. Г.: Да. Живой Маяковский. Меня буквально маска потрясла, понимаете? Вот я вам передаю. Я запомнил эти слова: «Сергей Дмитриевич, сохраните».

В. Д.: Еще Луцкого была маска.

И. Г.: А он подумал...

В. А.: Простите, а он вам показал какую маску: на подушке лежит он, Маяковский?

И. Г.: Нет, только...

В. А.: Без подушки?

И. Г.: Без подушки, только голова.

В. А.: Ну да, значит только первый его слепок.

В. Д.: Тогда, значит <нрзб>.

В. А.: Конечно.

И. Г.: Да. И он подумал, что я недоволен маской и говорит: «Еще не поздно, можно снять еще, можно снять еще». Я говорю: «Ради бога, сохраните его так, что есть. Это живой Маяковский». Ну вот. История с маской. О похоронах я уже говорил... так что...

О незначительных встречах с Маяковским и о его друзьях

В. Д.: Выходит так, что с 27-го по 28-й год вы с Маяковским больше не встречались.

И. Г.: С двадцать...

В. Д.: ...седьмого, когда он перестал работать в «Известиях»... а 29-й...

И. Г.: Встречи случайные были.

В. Д.: Ну, вот какие? Вы не помните?

И. Г.: Ну, он выступал. По-моему, в Политехническом музее. Я приехал туда, не помню, с кем-то, кто-то меня утащил туда, не помню, кто, кто-то из его друзей. Затем я встретился с ним, по-моему, на квартире у Васильева⁶³, затем еще где-то. Но эти встречи, понимаете, они... мы сидели... обычный разговор, немножко выпивали...

⁶³ ...на квартире у Васильева... – Так Гронский мог называть только поэта Павла Васильева.

В. Д.: В карты вы не играли?

И. Г.: Нет, увлекался Асеев картами. Я в карты не играл. Только в старую войну империалистическую, на фронте, в козла играли. А я не любитель карт и в карты никогда не играл, и картами никогда не увлекался. Никогда! Асеев увлекался картами,

но при мне карточной игры не было, не было. Затем где-то, не помню, где, была такая встреча: был Асеев, кто-то был еще и был Клычков и какая-то девушка, блондинка...

В. Д.: И Маяковский?

И. Г.: ...и Маяковский.

В. Д.: Клычков и Маяковский, одновременно были?

И. Г.: Да. Где, у кого – сейчас не смог бы вспомнить. Так что, понимаете, вот эти случайные встречи были. Может быть, четыре, может быть, пять их, встреч, было. Я не знаю, сколько. Но это встречи, которые, собственно говоря, даже... Я стараюсь вспомнить, о чем же говорили – и ей-богу, не смогу вам сказать, о чем шла речь. Дело, видите ли, в том, что у меня в памяти обычно оставались... ну... встречи, разговоры, которые имели какое-то существенное, большое значение. А мелкие встречи (а у меня их было тысячи) я старался просто как бы выкинуть из памяти, чтобы не загромождать лишним память. Собственно, с Маяковским всё.

В. А.: Всё? Никаких деталей больше?

И. Г.: Если у вас будут какие-нибудь вопросы, пожалуйста, задавайте.

В. А.: Нет, у меня сейчас вопросов нет. Но вот я хотела... вы хотели посмотреть снова то, что я тогда сделала...

И. Г.: Да, позвольте я тогда закончу записи.

В. А.: А, пожалуйста, пожалуйста.

И. Г.: Я сказал, что я вот пару слов скажу о Бухарине.

В. Д.: Нет, простите, о Бухарине даже не пару слов, а даже больше будем рады послушать, но... в связи вот с Маяковским... Вы с Лилей Юрьевной встречались?

И. Г.: Нет.

В. Д.: Совсем не встречались?

И. Г.: Нет. Во всяком случае, я с ней не разговаривал.

В. Д.: Вместе их даже не видели?

И. Г.: То есть ее-то я видел...

В. Д.: Ее?

И. Г.: Да, но разговора с ней и с Бриком у меня не было.

В. Д.: Не было?

И. Г.: Нет.

В. Д.: Значит, когда вы говорите о друзьях Маяковского, то вы говорите об Асееве, о Каменском, о ком еще?

И. Г.: Дальше... Семен Кирсанов...⁶⁴ Пастернак... Третьяков...⁶⁵ ну кто еще? Родченко⁶⁶. Вот, собственно говоря, эти люди. Эти люди. Но с сестрой Маяковского я виделся только у гроба Маяковского, по-моему, и буквально говорил с ней несколько минут, так что... у меня и с ней не было, понимаете, каких-то, ну, что ли, больших разговоров. О Маяковском я беседовал, главным образом, с Каменским, с Асеевым.

⁶⁴ *Кирсанов Семен Исаакович* (1906–1972) – поэт («цирчак стиха», по собственному определению), прозаик и журналист, автор 64-х книг. Последователь и соратник Маяковского.

⁶⁵ *Третьяков Сергей Михайлович* (1892–1937) – автор агитационных стихотворений и пьес, прозаик-документалист, публицист, переводчик Бертольта Брехта. Один из лидеров Левого фронта искусств. В 1928 г. заменил Маяковского во главе журнала «Новый ЛЕФ». В 1937 арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁶⁶ *Родченко Александр Михайлович* (1891–1956) – живописец, график, плакатист, художник книги, фотограф. Один из основоположников конструктивизма, родоначальник рекламы и дизайна в СССР. Единomyшленник и близкий сотрудник Маяковского. Автор журналов «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ». Как «доверенный фотограф ОГПУ» сделал более двух тысяч снимков на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Из них сейчас известно около тридцати.

В. Д.: Мать видели, нет?

И. Г.: Мать? По-моему, я видел ее.

В. А.: На похоронах?

И. Г.: Она приехала к мертвому Маяковскому. Видел. У гроба видел.

В. А.: Вот у меня еще какой вопрос.

И. Г.: Да?

В. А.: Вы говорили, вы говорите, что Демьян Бедный не любил Маяковского...

В. Д.: Подождите, мы о Демьяне Бедном специально...

В. А.: Нет, я хочу отношения между Маяковским и Демьяном Бедным.

В. Д.: Я прошу о Демьяне Бедном рассказать, вообще, подробнее, так что мы сейчас это вынесем за скобку, в том числе и о Маяковском.

И. Г.: Нет, то, что к Маяковскому относится, мы сейчас еще...

В. Д.: А, ну, хорошо, скажите.

И. Г.: Нет, у вас тоже были еще отдельные вопросы по Маяковскому?

В. Д.: Тоже об отношении разных людей к нему.

И. Г.: Пожалуйста.

В. А.: Вот я хотела относительно взаимоотношения... Вы говорите: «Демьян Бедный очень не любил Маяковского». Вот интересно, какие-нибудь подробности их взаимоотношений вы знаете?

И. Г.: Я не помню, чтоб Маяковский говорил о Демьяне Бедном, мне, во всяком случае. Я не помню таких разговоров. С Демьяном Бедным о Маяковском разговоров почти не было. «Почти» – подчеркиваю это слово. Значит, что-то было. А было следующее. В 27-м году, когда уже стали поговаривать...

(Провал в записи.)

О Николае Бухарине

В. А.: ...Горький и Маяковский.

В. Д.: Нет, мы на полуслове кончили. Мы говорили о Демьяне немножко.

И. Г.: Я обещал вам сказать пару слов о Бухарине.

В. Д.: Нет, о Демьяне прежде всего.

В. А.: Ну, если хочет...

В. Д.: Ну хорошо.

И. Г.: Дело, видите ли, в том... Из политиков, которых я знал (а я знал я очень многих), самыми легкомысленными людьми, не в личной жизни, а в политике, были два: Бухарин⁶⁷ и Радек⁶⁸. Бухарин до одурения талантлив: это и публицист, и художник, и оратор, и что хотите. Но в политике и в науке это был человек исключительного легкомыслия. Я не пошел на съезд писателей. Во-первых, был болен (я ушел из оргкомитета, болел). А во-вторых, перед самым съездом, ну, за несколько месяцев до съезда, Горький предложил мне вернуться в оргкомитет. Я отказался. Я говорю, что работать я не могу – болен, а числиться я не привык. Горький меня уговаривал. Ну, я категорически отказался. И перед самым съездом я получил брошюры с докладами Бухарина и Радека⁶⁹. Прочитал. И позвонил Сталину. И говорю: «Как могло случиться, что Центральный Комитет утвердил доклад Бухарина?» Резко в разговоре критиковал этот доклад. Я говорю: «Я выступлю на съезде, я хоть и больной, но пойду, выступлю и резко раскритикую доклад Бухарина, очень резко». Сталин на это ответил: «Я очень советую вам воздержаться. Все примут ваше выступление как выступление от ЦК. А ЦК утвердил доклад».

”

Я говорю: «Как могло случиться?» Он, видимо, так это, поморщившись, видимо, потому что по телефону шел разговор, он как-то не сразу ответил: «Горький изнасиловал». Помолчал и вновь говорит: «Горький изнасиловал».

Я говорю: «Ну, если вы считаете выступление с критикой доклада Бухарина нецелесообразным, что это могут истолковать как выступление от ЦК, то, – говорю, – я на съезд не пойду». Он опять помолчал, говорит: «Ну что ж, пожалуй, это правильно». И я на съезд не пошел.

⁶⁷ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – революционер, советский политик и один из ведущих партийных идеологов и экономистов. В. И. Ленин признавал его «любимцем всей партии», хотя и находил в нем нечто схоластическое, далекое от диалектической ловкости. Кандидат в члены Политбюро ЦК РКП (б) (1919–1924), член Политбюро ЦК (1924–1929). Поддержал И. В. Сталина в борьбе за власть против Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. Но с ликвидацией нэпа и сталинской коллективизацией не согласился. Поэтому и был объявлен лидером правой оппозиции, снят со всех постов. 27 февраля 1937 г. арестован, 13 марта 1938 приговорен к смертной казни, через два дня расстрелян. Реабилитирован только 4 февраля 1988 г. В партии восстановлен в июне того же года, в Академии наук СССР в мае.

⁶⁸ Радек Карл Бернгардович (1889–1939) – революционер, советский политик, член ЦК РКП (б) (1919–1924), деятель международносоциал-демократического и коммунистического движения, член Исполкома Коминтерна (1920–1924), литератор, журналист, публицист, сотрудник газет «Правда» и «Известия». С 1923 г. активный сторонник Л. Д. Троцкого. В 1927 г. высказался против курса на сплошную коллективизацию и был исключен из партии. После покаяния восстановлен. Но в 1936 опять исключен и 16 сентября того же года арестован. 30 января 1937 г. приговорен к десяти годам тюрьмы. В тюрьме убит 19 мая 1939 г. другим заключенным, которого специально привез уполномоченный НКВД. Реабилитирован в 1988 г.

⁶⁹ ...перед самым съездом я получил брошюры с докладами Бухарина и Радека. – Н. И. Бухарин выступил на съезде с докладом «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» 28 августа 1934 г. (19-е заседание, вечернее), К. Б. Радек – с докладом «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства» 24 августа (18-е заседание, утреннее).

Во время съезда еще мне позвонил... а может быть... нет, во время съезда... мне позвонил Демьян Бедный, и мы с ним поехали в Сокольники – гуляли. И он жаловался, что вот, говорит, «понимаешь, выступал на съезде Бухарин и буквально, – говорит, – хоронил меня по первому разряду⁷⁰. Ну, я выступил и говорю, что у меня еще бивни, что я еще могу и так далее, и так далее⁷¹. Я говорю: «Ну, знаешь, Демьян, и дурак же ты. “Бивни”. Ты что слон, что ли?» – «А как бы ты выступил?» Я говорю, что я выступил бы очень скромно на твоём месте, вышел бы на трибуну и сказал: «Товарищи, вот здесь выступал Николай Иванович Бухарин и хоронил меня по первому разряду. Мне даже страшно стало. А потом я подумал: “Собственно, а кто такой Николай Иванович Бухарин? Вот он написал “Азбуку коммунизма”⁷² – и отказался от нее. Написал “Экономику переходного периода”⁷³ – и отказался от этой книги. Написал “Рабоче-крестьянский блок”⁷⁴ – и отказался от этой книги. Написал “Политическое завещание Ленина”⁷⁵ – и отказался от этой работы. Написал “Заметки экономиста”⁷⁶ – и отказался от них. Сейчас он написал доклад о литературе. Надо полагать, что он завтра откажется от этого своего доклада. И мне стало

легче. Поэтому возражать Бухарину, полемизировать с Николаем Ивановичем не буду. А с вашего разрешения перейду к делам литературным». Говорю: «Вот я выступил бы так. И таким выступлением ты, Демьян, Бухарина политически угробил бы, показал, что, собственно, несерьезный человек и серьезно относиться к его выступлениям нельзя. Ну, если бы, скажем, у тебя было время, то мог бы еще сослаться на то, что поэзию он ориентирует на Пастернака, на декадента⁷⁷, а в эстетике он людей ориентирует на Потебню, буржуазного эстетика⁷⁸. Попутно ты бы сказал, что вот, мол, Бухарина обвиняют в том, что он выступает идеологом реставрации капитализма. Привел бы, что его лозунг «Обогащайтесь!»⁷⁹ Ну, такой лозунг мог выбросить, скажем, Дантон, буржуазный революционер, к тому же хапуга⁸⁰. Так что в его устах лозунг «Обогащайтесь!», вообще говоря, был бы понятен. Но в устах коммуниста лозунг «Обогащайтесь!», то есть призыв к капиталистическому накоплению, никак не... ни в какие ворота не лезет. Другое ты бы мог ему вспомнить: что вот можно построить социализм, не трогая кулака, что кулак мирно встет в социализм, будет даже нас благодарить. Следовательно, можно социализм построить без классовой борьбы с капитализмом, капиталистическими классами и капиталистическими элементами. Но тогда возникает вопрос: «Чем отличается большевизм от меньшевизма?» Затем, он отбросил пролетарских поэтов и прозаиков, марксистских теоретиков литературы и прочее и ориентирует на декаданс, на декадентских поэтов, на буржуазную эстетику. Вот вам, товарищи, физиономия политическая, эстетическая, художественная и всякая иная Николая Ивановича Бухарина. Вот как ты бы мог выступить». Он говорит: «А это, пожалуй, правильно. Черт возьми, вот я с тобой не посоветовался раньше. Надо было посоветоваться».

⁷⁰ ...выступал на съезде Бухарин и буквально <...> хоронил меня по первому разряду.- Выделив Демьяна Бедного и Владимира Маяковского, которые оказали «огромное влияние на все развитие поэтической культуры нашей страны», Н. И. Бухарин позволил себе «одно критическое замечание» в адрес «своего друга» Демьяна Бедного: «...нам кажется, что теперь поэт не учитывает всех огромных перемен, невероятного роста культуры, усложнения ее, роста ее содержательного богатства, повышенного тона других измерений всей общественной жизни. Он берет новые темы, а все остальное остается почти старым. Поэтому он устаревает, и здесь лежит для него явная опасность» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: stenогр. отчет / под ред. И. К. Луппола, М. М. Розенталя, С. М. Третьякова. М.: Гос. изд-во «Худож. лит.», 1934. С. 490).

⁷¹ ...я выступил и говорю, что у меня еще бивни, что я еще могу и так далее, и так далее.- Возражая Бухарину, высоко оценившему лирическую стихию в поэзии, Демьян Бедный противопоставил ей свою боевую публицистику (21-е заседание, вечернее; 29 августа): «...я и сам, слушая лирических соловьев, неоспоримых, традиционно-признанных поэтов, понимаю, что я не этой, не птичьей породы. У лириков – соловьиные языки. А я принадлежу к породе крепкозубых. Я к тому же сатирик. У меня бивни. И этими бивнями я служил революции 25 лет. Верно: не молодые бивни. Старые. С надломами и почетными зазубринами, полученными в боях. Но бивни эти, смею вас уверить, еще крепкие, может быть в известном смысле еще крепче, чем прежде. Искусство владеть ими приобретено не малое, и я не перестаю их подтачивать. Они должны быть в готовности. Придет грозовой момент – и враг еще не раз почувствует силу этих бивней» (Там же. С. 559).

⁷² Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. М.: Гос. изд-во, 1919. – 340 с. Книга многократно переиздавалась.

⁷³ Бухарин Николай. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М. Гос.изд-во, 1920. – 15 с.

⁷⁴ Бухарин Н. И. Новое откровение о советской экономике, или Как можно погубить рабоче-крестьянский блок: к вопросу об экономическом обосновании троцкизма. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – 35 с.

⁷⁵ Бухарин Н. И. Политическое завещание Ленина: доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина. М.: Правда; Беднота, 1929. – 31 с.

⁷⁶ Бухарин Н. Заметки экономиста: к началу нового хозяйственного года. М.; Л.: Гос.изд-во, 1928. – 56 с.

⁷⁷ ...поэзию он ориентирует на Пастернака, на декадента... – Пастернак, как подытожил в докладе на съезде Бухарин, «один из замечательнейших мастеров стиха в наше время, нанизавший на нити своего творчества не только целую вереницу лирических жемчужин, но и давший ряд глубокой искренности революционных вещей» (Там же. С. 495).

⁷⁸ ...в эстетике он людей ориентирует на Потебню, буржуазного эстетика.- О специфических особенностях поэтической речи Бухарин говорил, ссылаясь на языковеда, литературоведа и философа А. А. Потебню (1835–1891), который одним из первых в России изучал проблемы поэтического языка в связи с мышлением, рассматривал искусство как особый способ познания мира (Там же. С. 482).

⁷⁹ Привел бы, что его лозунг «Обогащайтесь!» – Призыв «Обогащайтесь!» Бухарин выдвинул в поддержку нэпа: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы. Что получим мы в результате накопления в крестьянском хозяйстве? Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь, это вызовет могучий рост нашей промышленности, который окажет благотворное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство» (Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах: доклад на собрании актива Московской организации 17 апреля 1925 года. Харьков: Пролетарий, 1925. С. 31). Этот призыв был немедленно осужден ортодоксальными партиями, и сам Бухарин вынужден был отказаться от него.

⁸⁰ Дантон Жорж Жак (1759–1794) – французский революционер, видный политик и оратор, один из основателей Первой Французской республики, министр юстиции времен Французской революции, первый председатель Комитета общественного спасения. Погиб на гильотине. Обвинения Дантона в продажности и растратах не нашли документального подтверждения.

Вот этот разговор с Демьяном достаточно красноречиво показывает Николая Ивановича Бухарина. Мне с ним приходилось очень много спорить, причем не... в течение, скажем, одного или двух лет. Я еще когда учился в Институте Красной профессуры, там Бухарин вел семинар экономический, и мы сидели...

Н. Бухарин, И. Скворцов-Степанов, Л. Карахан. 1928. Источник: wikipedia.org

В. Д.: Вместе со Слепковым вы учились, с...?

И. Г.: Да-да-да-да. Слепков, Марецкий⁸¹, Стецкий, Астров⁸² и так дальше. Стэн⁸³, Карев...⁸⁴

⁸¹ *Марецкий Дмитрий Петрович* (1901–1937) – член РКП (б) с 1919 г. Окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1921). В Институте Красной профессуры был оставлен руководителем семинара по теоретической экономике. До 1928 г. работал в газете «Правда». Как соратник Бухарина боролся на стороне Сталина с Троцким и с так называемой троцкистско-зиновьевской объединенной оппозицией. И вместе с Бухариным и другими его единомышленниками попал следом под сталинскую раздачу. Арестован 26 сентября 1932 г. Для начала сослан на три года в Йошкар-Олу. Вторично арестован 15 февраля 1933 г. За «участие в контрреволюционной группировке» осужден на пять лет заключения. Сидел в Верхнеуральской тюрьме особого назначения. Вновь арестован 5 ноября 1936 г. 26 мая 1937 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1958 г.

⁸² *Астров Валентин Николаевич* (1898–1993) – в РКП (б) с 1917 г., исключен из партии в начале 1930-х гг. Выпускник Института Красной профессуры (1926), член редколлегии газеты «Правда» (1927–1929). На рубеже 1920-х – 1930-х гг. участвовал в бухаринской оппозиции. Арестованный в 1933 г., стал давать показания в интересах следствия. Был осужден на три года тюрьмы. Отсидев год и два месяца, выслан на оставшийся срок в Воронеж, где работал в краеведческом музее и заведовал кафедрой истории СССР в Коммунистическом вузе. Но в 1936 г. опять арестован, на очной ставке с Бухариным в присутствии Сталина 13 января 1937 г. утверждал, что Бухарин был инициатором терроризма. В итоге Бухарин и многие его сторонники были расстреляны, а Астров по указанию Сталина освобожден, оставлен в Москве, получил квартиру и работу по истории. Наконец в 1949 г. снова арестован и приговорен к 25 годам лагерей. Выпущен в 1956 г. Реабилитирован, но в партии не восстановлен. Занимался литературной работой. В романе «Круча» (1961) описал «борьбу с троцкизмом» в 1920-е гг. в сталинской трактовке, вывел себя и других бухаринцев под вымышленными именами, а Сталина, Бухарина, Каменева, Рыкова и др. – под их собственными.

⁸³ *Карев Николай Афанасьевич* (1902–1937) – философ-марксист. Студент, затем преподаватель Института Красной профессуры (1921–1928), ближайший ученик А. М. Деборина, возглавлявшего философское отделение ИКП. В 25 лет стал профессором кафедры философии МГУ. Заместитель директора Института философии Коммунистической академии (с 1929). Вместе с Дебориным и Стэнном редактировал журнал «Под знаменем марксизма», подвергнутый критике в постановлении ЦК ВКП (б) в 1931 г. за «меньшевистствующий идеализм». В результате оказался заместителем начальника Планово-организационного сектора Академии наук. В феврале 1933 г. исключен из партии, следом приговорен к трем годам тюрьмы. В 1935 г. сослан в Уфу. Заведовал промышленно-экономическим сектором местного НИИ промышленности. Арестован 16 мая 1936 г. Приговорен к расстрелу 10 октября. Расстрелян на следующий день. Реабилитирован в 1961 г.

В. Д.: Стэн, Карев, Айхенвальд?..⁸⁵

⁸⁵ *Айхенвальд Александр Юльевич* (1904–1941) – экономист бухаринской школы. Член РКП (б) с 1920 г. Учился на экономическом отделении Института Красной профессуры (с 1923). Книга «Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР» с предисловием Н. И. Бухарина вышла в 1928–1929 гг. пятью изданиями. Обвиненный в связях с троцкистами, автор был приговорен 10 сентября 1937 г. к пятнадцати годам тюремного заключения. При подходе немецких войск к Орлу расстрелян в числе других заключенных Орловского центра. Реабилитирован в 1989 г.

И. Г.: Айхенвальд позже немножко. И вот мы сидели у Валентина Астрова, пили пиво, и Николай Иванович предложил мне работать на его в семинаре. Я говорю: «Ну, зачем я пойду к вам в семинар работать? Разучиваться марксизму? Ей-богу, не хочу. А Богданова⁸⁶, – я говорю, – давным-давно знаю, внимательно его проштудировал, и интерпретацию Богданова мне, собственно говоря, нечего еще раз приобретать». Он ведь, собственно, был родственен Богданову.

⁸⁶ *Богданов Александр Александрович* (1873–1928) – ученый-энциклопедист и великий труженик. Один из лидеров большевистской партии (наряду с В. И. Лениным), Богданов дошел до полного разрыва с ним после философской дискуссии в книгах «Эмпириомонизм» одного и «Материализм и эмпириокритицизм» другого. Врач, мыслитель-утопист, писатель-фантаст, идеолог Пролеткульта. Профессор политэкономии первого МГУ (1918–1921), член президиума Коммунистической академии (1918–1922). Организатор и директор первого в мире Института переливания крови (с 1926). Погиб, проводя опыты на себе. В автобиографии, написанной по просьбе Энциклопедии Гранат, Богданов назвал свои труды по пяти направлениям: политэкономии, историческому материализму, философии, «организационной науке» и «пролетарской культуре».

В. Д.: Родственником или родственен?

И. Г.: Родственен по воззрениям, по воззрениям идеологическим.

В. Д.: Вы имеете в виду богдановский «Краткий курс экономической науки»?⁸⁷

⁸⁷ Богданов А. Краткий курс экономической науки. М.: А. М. Муринова, 1897. – 290 с.; 15-е изд., вторично переработ. и доп. при участии автора Ш. М. Дволайцим. М.: Гос. изд-во, 1924. – 364 с.

И. Г.: Не только краткий, а там был и четырехтомный труд⁸⁸. Я имею в виду... Александр Александрович Богданов, идеолог Пролеткульта, кстати сказать, бывший большевик...

⁸⁸ Том 1-й «Курса политической экономии» А. Богданова и И. <Скворцова> Степанова вышел до революции (СПб.: Знание, 1910. – 403 с.). Переиздан в 1918 г. Из задуманных 4-х выпусков 2-го тома вышли 1-й (М.: Б. и., 1920. – 218 с.), 2-й (Там же, 1919. – 212 с.) и 4-й (Там же, 1919. – 208 с.).

В. Д.: Я знаю.

И. Г.: ...крупнейший, он философ, экономист...

В. Д.: Писатель.

И. Г.: ...историк, публицист и даже писатель.

В. Д.: «Инженер Мэнни».

И. Г.: И «Красная звезда»⁸⁹. Два романа написал человек. Ну вот. Это человек одаренный, но не марксист. Почитайте его «Эмпириомонизм»⁹⁰, почитайте его «Философию живого опыта»⁹¹, почитайте его «Тектология: всеобщая организационная наука»⁹². Почитайте его другие работы. И вы увидите, что Бухарин (*поправка*), то есть Богданов, отошел от марксизма полностью и стал врагом марксизма, самым настоящим ревизионистом.

⁸⁹ «Инженер Мэнни». <...> И «Красная звезда» – В 1908 г. Богданов опубликовал утопию о Марсе – «Красная звезда», в 1912 – ее продолжение: роман «Мэнни».

⁹⁰ Богданов А. Эмпириомонизм: статьи по философии. Кн. 1–3. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1904–1906. Книга переиздавалась и переиздается.

⁹¹ Богданов А. Философия живого опыта: популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб.: М. И. Семенов, 1913. – 272 с. Книга переиздавалась и переиздается.

⁹² Богданов А. Всеобщая организационная наука: (тектология). Ч. 1–2. СПб.: М. И. Семенов; М. Книгоизд-во писателей в Москве, 1913–1917. Книга переиздавалась и переиздается.

В. Д.: А его деятельность как организатора ЦИТА вы приемлете?

И. Г.: А он его не организовывал. Все это организовывал... Гастев.

В. Д.: Ну, да, но он все-таки... это было под покровительством...

И. Г.: Богданов занимался... Он отошел... он был членом президиума Комакадемии, Коммунистической академии.

В. Д.: Да-да.

И. Г.: Затем он был директором Института по переливанию крови...

В. Д.: Это уже позже.

И. Г.: ...и, проделывая опыт над собой, он заразился и умер.

В. Д.: Это уже позже, это я знаю.

И. Г.: Понимаете? Это очень тяжело встретили все друзья Богданова, в частности писатель Войтоловский⁹³. Он пришел ко мне, ходил по кабинету и производил впечатление ненормального человека. Я, как мог, его успокоил. И так как с Войтоловским я дружил, я об этом сообщил Сталину, Калинин, Молотову, об этом впечатлении: что что-то не в порядке с Войтоловским...

⁹³ Войтоловский Лев Наумович (1875–1941) – военврач и журналист, участник Русско-японской и Первой мировой войн, был ранен и контужен. Закончил военную карьеру в 1917 г. в звании капитана медицинской службы. Как литературный критик и публицист печатался с 1904 г. Фронтовая хроника «По следам войны. Походные записки 1914–1917» (1925–1927) вышла с предисловием Демьяна Бедного и неоднократно переиздавалась. В 1998 г. перепечатана под названием: «Всходил кровавый Марс: по следам войны» (М.: Воениздат. – 430 с.). С конца 1920-х гг. писатель начал терять зрение и вскоре совсем ослеп. Умер в Ленинградскую блокаду.

В. Д.: Войтоловский был не крупная фигура, просто критик был.

И. Г.: Писатель. «В дни войны» возьмите его книгу, почитайте. Блестящая вещь! Ну вот. Узнал я, что он страдает психическим расстройством. Нервность перешла в психическое расстройство. И мы отправили его за границу лечиться. Он там подлечился, приехал. Ну и... так уже ничего большого не создал. Ну, вот о Богданове...

В. Д.: Так, теперь...

И. Г.: ...о Бухарине, о Войтоловском.

В. А.: Скажите, вот «Политическое завещание...» Бухарина, как вы сегодня расцениваете?

В. Д.: Это не будем спрашивать.

И. Г.: Дело, видите ли, в том, что это, конечно, статья ошибочная. Она была... эта статья была напечатана отдельной брошюрой. Вы читали ее?

В. А.: Нет, не читала.

И. Г.: Видите ли, он по-своему истолковывает ленинизм. Ведь, собственно, главное, что, собственно, Ленин завещал в практической области, в области практической политики – создание тяжелой промышленности. Либо мы создадим

тяжелую промышленность, либо погибнем. Он так вопрос поставил. То есть он завещал индустриализацию страны, которую затем партия разработала и теоретически и практически осуществила. Затем, он прямо завещал, что у нас не может быть мира с кулаком. Борьба не на жизнь, а на смерть с кулаком, с кулачеством. И он поставил проблему кооперирования сельского хозяйства, проблему коллективизации, которая была разработана и с некоторыми перегибами была проведена. Дальше. Ленин поставил проблему культурной революции. Что без специалистов мы не можем управлять государством, без специалистов, без людей знания, опыта, культуры мы не можем построить социализм. Он поставил проблему кадров. Понимаете? И вот эти три проблемы важнейшие (я уже не касаюсь внешней политики, проблемы мира), эти три проблемы, собственно говоря, и разрабатывала партия. Бухарин по всем трем этим вопросам расходился с партией, расходился в таких практических работах, как «Рабоче-крестьянский блок», как «Политическое завещание Ленина», как «Заметки экономиста». Понимаете? Ну вот. Я главным образом и имею в виду эти работы, когда говорю о вопросах, что называется, текущей политики, об основных вопросах политики партии. Вот вам Бухарин.

В. Д.: Ну а литературно? Вы ничего, например, не слышали о том, что именно Бухарин прочел на заседании Совнаркома «Прозаседавшиеся» Маяковского, которые Ленин слушал и смеялся? И это было накануне того, как Ленин выступил⁹⁴. Вы об этом ничего не слышали, нет?

⁹⁴ Вы ничего <...> не слышали о том, что именно Бухарин прочел на заседании Совнаркома «Прозаседавшиеся» Маяковского, которые Ленин слушал и смеялся? И это было накануне того, как Ленин выступил. – Стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся» было напечатано в «Известиях» 5 марта 1922 г. Выступая 6 марта на коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов в Доме Союзов, В. И. Ленин сказал: «Вчера я случайно прочитал в "Известиях" стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно» (Речь тов. Ленина на фракции Всероссийского съезда металлистов 6-го марта 1922 г. // Правда. 1922. 8 марта. С. 2).

И. Г.: Не знаю. Не знаю. Я в то время в заседаниях Совнаркома не участвовал.

В. Д.: А в «Известиях» об этом не было памяти, нет?

И. Г.: Нет. Никто мне об этом не говорил, никто: ни Молотов, с которым я очень тесно общался, ни члены Совнаркома, с которыми я тоже тесно общался, ни помощники Молотова – никто. Я первый раз слышу о том, что Бухарин прочитал «<Про>Заседавшиеся» на Совнаркоме.

В. Д.: Вот такая была версия, не знаю, я не настаиваю на достоверности.

И. Г.: Я первый раз слышу. Думаю, что едва ли.

В. Д.: Мне она кажется вероятной по тем самым соображениям, которые вы высказали относительно восприятия Маяковского. Ленин, как известно, отрицательно отнесся к «150 000 000»⁹⁵ и вдруг похвалил «Прозаседавшиеся» Маяковского, поскольку именно с голоса надо... то очень вероятно предположить, что Ленин его услышал в чьем-то чтении.

⁹⁵ 6 мая 1921 г., председательствуя на заседании Совета Труда и Оборона, Ленин написал записку нарком просвещения А. В. Луначарскому: «Как не стыдно голосовать за издание "150 000 000" Маяковского в 5000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудачков. А Луначарского сечь за футуризм» (Фотокоп.: Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском / гл. ред. В. В. Виноградов, ред.: И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин, М. Б. Храпченко). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 208–209).

И. Г.: Я думаю другое. Дело, видите ли, в том, что Ленин всегда в первую очередь читал газеты. А читал он, надо сказать, быстро. Газетчики знают: скажем, когда вам надо просмотреть уйму газет, то вы на это дело часы не тратите. Я вот «фотографирую» полосу и сразу отбрасываю уйму материалов, которые, вообще говоря, не представляют интереса, и ухватываюсь <за> что-нибудь, иногда даже маленькую заметочку, понимаете, в одной газете, в другой, в третьей, в четвертой, в пятой-десятой. На чтение газеты у меня уходит мало времени. Ленин отличался одним очень интересным... у него было одно, очень интересное свойство характера: быстротечение. Он потрясающе быстро читал, потрясающе. Ну, я понимаю: газеты можно вот так «фотографировать» полностью и выбирать то, что тебе нужно, но книгу! Я тоже иногда как-то просматриваю, «фотографирую» страницы, ищу, что, так сказать, мне нужно. Но книгу все-таки читаю сравнительно медленно. Ленин читал страшно быстро. Так вот у него... Утром он получал газеты, и утром он их прочитывал. Напечатано стихотворение «Прозаседавшиеся». Он, конечно же, его прочитал...

В. Д.: Но воспринять строку Маяковского...

И. Г.: Он, конечно же, его прочитал, возможно, перечитал, «сфотографировал», перечитал. И поскольку он считал, что одним из главных наших сейчас врагов – это являются бюрократы, бюрократизм, а речь шла о бюрократизме, он за него, как политик, ухватился.

В. Д.: Заголовок был «Наш быт. Прозаседавшимся», поэтому...

И. Г.: Тем паче. Ведь если вы почитаете Ленина, как он, понимаете, говорил о бюрократизме, то поймете, почему он ухватился за это стихотворение Маяковского, оговорив, что он в стихах мало что смыслит, что его это, так сказать, не занимает, а вот что касается существа, то это правильно.

В. А.: Потому что он читал как прозу это стихотворение.

И. Г.: Конечно, конечно же!

В. А.: Как прозу прочел.

И. Г.: Нет, я думаю: на Совнаркоме едва ли бы он позволил декламировать стихи. Ведь он считал... он часы вынимал... пять минут. Кончились пять минут – «Ваше время кончилось».

В. Д.: Да, это интересно.

И. Г.: Понимаете? При Ленине не болтали. Или, скажем, возьмите так, после Ленина, на Политбюро: доклад – пять-десять минут, прения – репликами, минута – две. Это деловые заседания. Там, понимаете, речуг километровых или часовых не произносили, не произносили, не было такого. Так что едва ли на заседании Совнаркома...

В. Д.: Или перед ним.

И. Г.: ...стали декламировать стихи. Ленин бы на это, вероятно, расхохотался, если б предложили послушать декламацию. Нет, конечно, он читал это стихотворение. Он начинал, как, между прочим, потом и Сталин: с чтения газет утром. Ведь Сталин приходил в ЦК часов в двенадцать...

В. Д.: Это было напечатано накануне: «Вчера я прочитал в “Известиях” стихотворение Маяковского “Прозаседавшиеся”»...

В. А.: Ну, раз он говорит: прочел, значит прочел.

И. Г.: То же самое Сталин. Он прочитывал статьи, приходил в ЦК уже, так сказать, информированный. Он уже прочитал газеты, он уже кое в чем информирован. Так что вот, видите ли... думаю, что Владимир Ильич взял это стихотворение из газеты, а не в декламации Бухарина. Вот так.

В. Д.: О Бухарине еще... кончили или нет?

И. Г.: По сути, да.

В. Д.: Ну, что же, ваша характеристика Бухарина, так сказать, этим заканчивается? То есть вы, таким образом, считаете, что с Бухариным, в общем, поступлено (?) по заслугам?

И. Г.: Нет. Дело, видите ли, в том... Это моя личная точка зрения, мое личное мнение. Я считаю, что с лидерами оппозиции и с оппозиционерами, которые были в партии, надо было поступить по-другому: идеологически надо было их разбить и разоружить, показать партии, что они и в области теории, и в области практической политики скатываются на враждебные большевизму и ленинизму позиции. Убедить партию надо было в этом. А их, конечно, в порядке, так сказать, репрессий, в порядке судов не привлекать. Дать им возможность работать. Время, конечно же, их поправило бы, то есть они осознали бы свои ошибки. А так как люди талантливы, то они пригодились бы. И, вероятно, они работали бы неплохо. Уничтожение их я считаю неправильным, неправильным. Конечно, они не занимались ни шпионажем, ни диверсиями, ни террором, ни чем-либо другим. Ну, вот, в одной картине («Вихри враждебные»⁹⁶, кажется) Дзержинский едет на юг, и вот там невеста секретаря Дзержинского идет куда-то, и троцкисты ее убивают. Ну, тогда был секретарем Дзержинского, его помощником, Реденс, а невеста у Реденса была Анна Сергеевна Аллилуева. Она недавно умерла⁹⁷. Ну зачем такое вранье? Зачем? Зачем? Ни к чему. Я боролся со всеми оппозициями, какие были в партии, со всеми: и с рабочей оппозицией⁹⁸, и с троцкистами, и с зиновьевцами, и с Бухариным – со всеми боролся, что называется, на глазах у всей партии, – и считаю, что Ленин не повел бы дело к физическому уничтожению ее, не повел бы к этому. Ну, этот вопрос ведь, собственно, решен ХХ съездом партии.

⁹⁶ «Вихри враждебные» («Феликс Дзержинский») – фильм Михаила Калатозова по сценарию Николая Погодина. Снят в 1953 г., перемонтирован (с удалением Сталина) и переозвучен в 1956.

⁹⁷ ...Анна Сергеевна Аллилуева <...> недавно умерла.– А. С. Аллилуева умерла 4 августа 1964 г.

⁹⁸ Рабочая оппозиция в РКП(б) (конец 1919 – начало 1921) – движение за передачу управления народным хозяйством от партийных и государственных органов профессиональным союзам. Лидер – член ЦК, нарком труда в первом составе Совнаркома А. Г. Шляпников.

В. Д.: Да. Ну, не будем уж уходить в общую политику. Это не моего ведомства дело. А значит... Но ведь у Бухарина... и вот что интересно: у Бухарина ведь очень много как раз специальных литературных и... и критических высказываний...

И. Г.: Да, да. Ну, книга «Атака»⁹⁹, к примеру, содержит... там есть критика Енчмена¹⁰⁰, других там. Ну, видите ли, дело в чем: конечно, у каждого деятеля партии...

⁹⁹ Бухарин Н. Атака: сб. теоретических статей. М.: Гос. изд-во, 1924. – 330 с.

¹⁰⁰ Енчмен Эммануил Семенович (1891–1966) – автор так называемой «Новой теории биологии», согласно которой с победой марксизма отомрут разум и науки, а общественная жизнь радикально упрощится. Вернувшись, по сути, в каменный век, человечество наконец обретет счастье. Эти соображения Бухарин вышутил в памфлете «Енчмениада. К вопросу об идеологическом вырождении» (Красная новь. 1923. № 6; перепеч. в сб. «Атака»).

В. Д.: Были свои вкусы.

И. Г.: ...особенно, крупного, есть и дельные мысли, и дельные статьи, дельные, скажем, работы, книги и прочее. Например, я считаю, что у Каутского имеется блестящая книга «Происхождение христианства»¹⁰¹. Я когда-то рекомендовал молодежи прочитать две вещи. У Каутского есть книга «Размножение и развитие в природе и в обществе»¹⁰², на которой можно продемонстрировать незнание диалектики. Потому что Каутский, видимо, никогда не нюхал или серьезно не работал над Гегелем. И у него есть блестящая книга «Происхождение христианства». Или, скажем, как у буржуазного экономиста Туган-Барановского есть великолепная книга «История русской фабрики». Или, скажем, у буржуазного экономиста, тоже <нрзб> социалиста, Вернера Зомбарта есть небольшая работа о Фридрихе Энгельсе¹⁰³. Чудесная вещь! Где он пишет, что он сотню раз читал «Коммунистический манифест» Маркса – Энгельса и всегда открывал для себя что-то новое¹⁰⁴. Даже у буржуазных ученых вы найдете очень ценные вещи. Так что, конечно, вероятно, и у Бухарина есть дельные вещи, которые можно, скажем... которые могут с пользой быть использованы, полезны могут быть использованы.

¹⁰¹ Каутский Карл. Происхождение христианства / пер. [и предисл.] Д. Рязанова. Пг.: Лит.-изд. отдел Нар. ком. по просвещению, 1919. – 384 с. Книга неоднократно переиздавалась.

¹⁰² Каутский Карл. Размножение и развитие в природе и обществе / с предисл. авт. к рус. изд.; пер. с рукописи под ред. Д. Рязанова. Киев: кн. маг. «Труд», 1910. – 240 с. Книга неоднократно переиздавалась.

¹⁰³ Зомбарт Вернер. Ф. Энгельс (1820–1895 гг.): из истории развития социализма. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923. – 38 с.

¹⁰⁴ ...он пишет, что он сотню раз читал «Коммунистический манифест» Маркса – Энгельса и всегда открывал для себя что-то новое. – В популярной брошюре о Ф. Энгельсе В. Зомбарт ничего столь стандартно-расхожего не говорит. При всей доходчивой строгости изложения основ марксизма он способен даже на рискованные попутные пассажи. Например: «Кто-то сказал, что отношения между Марксом и Энгельсом были отношениями семитской расы к арийской. На мой взгляд, это сравнение – неподходящее. Прежде всего трудно определить, каковы бывают дружественные отношения между семитами и арийцами вообще. Всякое такое сравнение не свободно от возражений. Я бы скорее сказал, что в своем духовном браке с Марксом Энгельс был женой» (Там же. С. 8).

О Льве Троцком

В. Д.: Простите, я больше в эту сторону не буду задавать вопросов, но, но в чисто такой... когда вы уже в Политбюро бывали, уже Троцкого не было?¹⁰⁵

¹⁰⁵ ...когда вы уже в Политбюро бывали, уже Троцкого не было?– Л. Д. Троцкий был исключен из Политбюро 23 октября 1926 г.

И. Г.: Да. Не было.

В. Д.: Уже Политбюро было в другом составе.

И. Г.: В другом.

В. Д.: А... но книга Троцкого «Литература и революция»¹⁰⁶ была настольной книгой всей молодежи того времени. «Азбука коммунизма» Бухарина (*усмехается*), потом это всё столкнулось...

¹⁰⁶ *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Красная новь; Главполитпросвет, 1923. – 392 с. 25 000 экз. 2-е изд., доп. М.: Гос. изд-во, 1924. – 422 с. 10 000 экз.

И. Г.: Видите, настольных книг было очень много.

В. Д.: Не так уж много.

И. Г.: Ну как же?

В. Д.: «Литература и революция», «Вопросы быта»¹⁰⁷ и «Азбука коммунизма». С этого всегда...

¹⁰⁷ *Троцкий Л.* Вопросы быта: эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. – 115 с. 2-е изд., доп. Там же, тогда же. – 161 с.; 3-е изд. М.: Гос. изд-во, 1923. – 167 с.

И. Г.: «Философия живого опыта» Богданова.

В. Д.: Ну, это уже более, так сказать, требовало...

И. Г.: Очень популярная вещь, кстати сказать, была. Все совпартшколы, все коммунистические университеты читали «Политическая экономия в вопросах и ответах»¹⁰⁸, или «Краткий курс политической экономии» Богданова, затем, возьмите... «Наука и рабочий класс»¹⁰⁹, «Искусство и рабочий класс» Богданова¹¹⁰. Да мало ли выходило всяких таких вещей. Ну, в том числе... Я не думаю, что книга Троцкого была широко распространена. Поглядите на тираж. Тираж ее был не очень велик. У меня с Троцким было довольно... ну, как много... несколько разговоров и о литературе, и о литераторах.

¹⁰⁸ *Богданов А.* Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Казань: Б. и., 1919. – 117 с.

¹⁰⁹ *Богданов А.* Наука и рабочий класс: доклад, читанный на конференции пролетарских культурно-просветительных обществ 23-го февраля 1918 г. М.: Союз рабочих потребительных обществ г. Москвы и ее окрестностей, 1918. – 16 с.; То же. М.: Б. и., 1922 (тип. Главполитпросвета). – 8 с. 2000 экз.

¹¹⁰ *Богданов А.* Искусство и рабочий класс. М.: Журнал «Пролетарская культура», 1918. – 80 с.

В. Д.: <нрзб> первую статью о Маяковском написал¹¹¹.

¹¹¹ ...первую статью о Маяковском написал. – Возможно, напоминание, что именно Троцкий поместил в книге «Литература и революция» раздел «Футуризм» с 8-страничным очерком о поэзии Маяковского, сосредоточив внимание на провалах поэмы «150 000 000» в противовес «Облаку в штанах», которое «ест художественно наиболее значительное, творчески наиболее смелое и обещающее произведение Маяковского» (*Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923. С. 117).

И. Г.: Мне приходилось с ним полемизировать, с Троцким, не раз. Ну, на трибуне с ним сцеплялись. Говорили мы с ним по общим вопросам революции, и о науке общественной, и о литературе. Мало ли о чем толковали! Ведь, собственно говоря, Троцкий растет из Розы Люксембург¹¹² и из Парвуса¹¹³. У Розы Люксембург есть такая книга: «Накопление капитала»...¹¹⁴

¹¹² *Люксембург Роза* (1871–1919) – активистка германского, польского и международного рабочего движения. Участвовала в организации Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (1893). Переехав в Германию в 1898 г., стала одним из лидеров левого крыла Германской социал-демократической партии. Была в числе основателей Коммунистической партии Германии (1918). Приветствовала Революцию 1905–1907 гг. в России и поддержала нацеленность большевиков на вооруженное восстание и революционную диктатуру. Критиковала централизм Карла Каутского. На Штутгартском конгрессе 2-го Интернационала (1907) вместе с В. И. Лениным ориентировалась социал-демократию на использование войны и порождаемого ею кризиса для захвата власти. В работах по политической экономии, в частности в двухтомнике «Накопление капитала» (1913), отметила, что дальнейшее наращивание прибылей возможно только за счет эксплуатации «некапиталистической среды» (крестьян и ремесленников), это и обусловит переход к империализму. С началом Ноябрьской революции 1918 г. в Германии высказалась за установление диктатуры пролетариата. Поддержала Октябрьскую революцию 1917 г. в России. Арестована и убита вместе с Карлом Либкнехтом после подавления восстания берлинских рабочих в январе 1919 г.

¹¹³ *Парвус Александр Львович* (наст. имя, отчество и фамилия Израиль Лазаревич Гельфанд; 1867–1924) – активист российского и германского социал-демократического движения, политик, теоретик марксизма, публицист. Окончил философский факультет Базельского университета (1891). В том же году по рекомендации Карла Каутского был принят в Социал-демократическую партию Германии. Считал, что германским коммунистам аграрная программа не понадобится, потому что капиталистическое производство уничтожит крестьянство, а для государственного переворота в Германии достаточно массовой пролетарской стачки. Отстаивал идею мировой пролетарской революции, которая у Л. Д. Троцкого трансформировалась в планы «перманентной революции». Помогал В. И. Ленину налаживать печатание «Искры» в Мюнхене. Стремился примирить в РСДРП большевиков с меньшевиками. Катализатором мировой социалистической революции считал грядущую войну. А когда она началась, получил от германского Генерального штаба более двух миллионов марок на революцию в России. После Октябрьской революции 1917 г. рассчитывал получить в России пост народного комиссара финансов, однако допущен в правительство не был.

¹¹⁴ *Люксембург Роза.* Накопление капитала: (К вопросу об экономическом объяснении империализма) / пер. [и предисл.] Ш. Дволайцкого; под ред. Н. Бухарина. М.: Гос. изд-во, 1921. – 336 с.; Она же. Накопление капитала, или Что эпитоны сделали из учения Маркса: (Антикритика) / пер. Ш. Дволайцкого. М.: Гос. изд-во, 1922. – 108 с.; Она же. Накопление капитала. Т. 1–2. 5-е изд. / под ред. Ш. Дволайцкого; предисл. В. Мотылева. М.; Л.: Соцгиз, 1934. – 478 с.

В. Д.: Знаю.

И. Г.: ...в которой Роза Люксембург ревизует не больше, не меньше, как второй том «Капитала» Маркса. Только. Понимаете? Ну вот. А у Парвуса есть книга «Кризис капитализма»¹¹⁵. Вот из этих двух вещей и, собственно, вырастает Троцкий. И когда мне пришлось с ним полемизировать, я отбросил всякую мелочь, на этом сосредоточился: на вопросах теории, на вопросе о воспроизводстве капитала расширенного и вытекающих отсюда для политики, для революции, для всего прочего вопросах... И когда Троцкий прижал в этой области, по этим вопросам, надо было видеть, как он барахтался.

В. Д.: Видите, эта сторона... Может быть, вы совершенно правы, но меня...

И. Г.: И вопросы литературы...

В. Д.: ...а вот вопросы литературы... В книжке этой было очень много... Маяковский...

И. Г.: Я вам отвечу так. Вот Плеханов. Рапповцы говорили: «За плехановскую ортодоксию в литературе»¹¹⁶. Умные люди, умные люди. Авербах был человеком умным. Киршон – еще более умным. Афиногенов. Там были люди, понимаете, и теоретически грамотные. Во всяком случае, область литературы они знали, скажем, Ермилов. Но выкинуть такой лозунг: «За плехановскую ортодоксию!» Значит, Плеханов был меньшевиком в науке, в политике и ортодоксом-марксистом был в вопросах эстетики и в вопросах литературы. Какая чушь! Понимаете, если вы занимаете позицию неправильную в вопросах теории, то вы занимаете неправильную позицию во всем остальном. Это аксиома.

¹¹⁶ «За плехановскую ортодоксию <в литературоведении>» – лозунг борьбы», полемически выдвинутый одним из лидеров РАПП в октябре 1929 г. (Ермилов В. За плехановскую ортодоксию // На литературном посту. 1929, октябрь. № 19; перепеч. Авербах Л., Ермилов В., Гроссман-Роцин И., Киршон В., Либединский Ю., Селивановский А., Сутырин В., Фадеев А. С кем и почему мы боремся / под ред. Л. Авербаха. М.: Земля и фабрика, 1930. С. 238–248). В пику всем, кто попадался под руку, Ермилов выговаривал: «Плеханов не отрицал генезис от оценки, Плеханов строил не только научное литературоведение, но и научную эстетику, Плеханов не отрицал, а подчеркивал объективно-познавательные моменты в искусстве, Плеханов не сводил задачу марксиста-исследователя к одному лишь объяснению. Плеханова необходимо углублять и дополнять, но исходить нужно из плехановских положений, потому что они играют не только «основоположническую», но и действительную, положительную роль» (Авербах Л. и др. С кем и почему мы боремся. С. 247–248). Как и прочие подобные рапповские призывы (в частности «За одемьянивание поэзии»), лозунг Ермилова служил недолговечным инструментом разве что для одурачивания простодушной публики или сокрушения прямолинейных оппонентов. Можно подумать, что ленинско-сталинская ортодоксия, которой придерживается И. М. Гронский, чем-то лучше.

Теперь. Что касается, между прочим, Бухарина и других. Приведу вам маленькую вещь, которую я, когда вел курс ленинизма в одном из вузов, меня студенты (такой вуз НКВД СССР)... я нелестно отозвался о вождях оппозиции, ну, и студенты мои выступили с заявлением, что вот я членов ЦК, даже членов Политбюро ЦК вот так это... прорабатываю, так о них отзываюсь. И Политуправление НКВД СССР выделило весьма авторитетную комиссию, чтоб разобраться в этом самом деле. Ну, комиссия признала то, что я прав целиком. И на комиссии, а потом и студентам я объяснял свою позицию. Я говорю: «Вот после смерти Маркса – Энгельса...» (Простите, что я на этих вопросах останавливаюсь, потому что они имеют какое-то отношение...)

В. А.: Пожалуйста, но вы даже... Простите, но вы даже, помните, хотели говорить еще об отношении к Маяковскому писателей: Горького...

И. Г.: Да, да, это я всё помню.

В. Д.: И о Демьяне вы в этом смысле... о Демьяне вы не кончили.

И. Г.: О Демьяне я немножко сказал, но еще... Так вот, видите ли, я говорю, что, когда умерли Маркс и Энгельс, то все их ученики непосредственные, ну, скажем, Бернштейн¹¹⁷ и другие... Ведь Бернштейн же был душеприказчиком Маркса – Энгельса... Бернштейн, Каутский, Вандервельде¹¹⁸, Шарль Лонге¹¹⁹, зять Маркса, и так дальше – они все принялись ревизовать марксизм, выхолощивать революционную душу из марксизма. И во всем мировом рабочем движении революционным нашелся только один человек – Ленин, который всю свою жизнь отдал борьбе за чистоту марксизма. Я говорю: «Вот нечто подобное повторилось после смерти Ленина. Все непосредственные ученики Ленина, которые были с ним, они принялись ревизовать Ленина и ленинизм». Ну, я называл (Троцкий – меньшевик – это понятно), Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский и другие. И я остановился на работе Сталина «Вопросы ленинизма»¹²⁰, в которой правильно истолкован был ленинизм. Понимаете? И вот студентов, молодежь поразило: как же так – члены Политбюро, а их прорабатываю. (*Усмехается.*) И вот эта справка, она показала молодежи, насколько сложные вопросы теории и насколько, вообще говоря, сложные вопросы, связанные с развитием партии и течений различных в марксизме.

¹¹⁷ *Бернштейн Эдуард* (1850–1932) – немецкий публицист и политик. В 1872 г. примкнул к социал-демократии, но после смерти Ф. Энгельса (1895), ссылаясь на изменившиеся в мире политико-экономические условия, перешел к открытой ревизии марксистского учения. Идеолог ревизии марксизма и теоретик реформизма.

¹¹⁸ *Вандервельде Эмиль* (1868–1938) – бельгийский юрист, политик и государственный деятель: министр юстиции (1918–1921), министр иностранных дел (1925–1927), министр без портфеля (1935–1936) и министр здравоохранения (1936–1937) в правительстве Бельгии; один из лидеров международного социалистического движения, с 1900 г. председатель социалистического бюро 2-го Интернационала. Реформист. Выражал симпатии бернштейнианству. В 1922 г. присоединился к группе юристов-социалистов, защищавших эсеров на судебном процессе в Москве.

¹¹⁹ *Лонге Шарль* (1839–1903) – французский журналист и революционер, участник Парижской Коммуны 1871 г., член 1-го Интернационала, сторонник теоретика анархизма Пьера-Жозефа Прудона. В браке со старшей дочерью Карла Маркса, Джинни, у них родилось шестеро детей. Выступал на похоронах тещи.

¹²⁰ «Вопросы ленинизма» (1926; 11-е изд. 1939) – канонизированный пропагандой сборник работ И. В. Сталина, посвященных проблемам теории социалистической революции и диктатуры пролетариата, теории и практики социалистического строительства в СССР, борьбе с оппозицией как внутри Компартии, так и в рядах Коминтерна. Ядро книги составляют лекции «Об основах ленинизма», прочитанные в апреле 1924 г. в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, примыкающая к ним статья «К вопросам ленинизма» (1926) и предисловие автора к своей книге «На путях к Октябрю» (1924) – «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (1924).

Сейчас с этим мы сталкиваемся. Сейчас вот. Вот вам Китай¹²¹. Вот вам Тито¹²². Вот вам Чаушеску¹²³. Вот вам японская компартия¹²⁴. Понимаете? И ведь всё это получает отражение в литературе. Хотим мы или не хотим, но литература связана с политикой, связана с мировоззрением, с гуманитарными науками. Понимаете? И вот этот комплекс вопросов всякий здравомыслящий человек, особенно занимающийся вопросами теории, литературы, искусства и так дальше, он должен рассматривать, решать, определять свою позицию. Иначе получится шатание без руля и без ветрил. Ну вот. Мы немножко уклонились. Я вас не шибко задерживаю, друзья?

¹²¹ Расхождения с китайским руководством начались после партийной критики «культы личности» Сталина в СССР.

¹²² *Броз Тито Иосип* (1892–1980), – лидер Коммунистической партии Югославии (с 1963 Союза коммунистов Югославии) (с 1937). После нападения Германии на Югославию в июле 1941 г. возглавил Национально-освободительную армию Югославии. Последним из иностранцев награжден высшим советским полководческим орденом «Победа» (9 сентября 1945). Премьер-министр Федеративной Народной Республики Югославия (1945–1953), затем президент ФНРЮ (с 1963 Социалистической Федеративной Республики Югославия). Был сторонником социализма, основанного на рабочем самоуправлении, поддерживал децентрализацию власти и расширение прав республик. В 1948 г. на почве конфликта Сталина с Тито были разорваны государственные и партийные связи между СССР и Югославией. В СССР Тито называли фашистом, уподобляли Герману Герингу, изображали на карикатурах в виде свиньи с окровавленным топором за поясом. Советские спецслужбы готовили покушение на Тито, отмененное из-за смерти Сталина. В середине 1950-х гг. по инициативе Н. С. Хрущева отношения были восстановлены. Тито поддержал подавление Венгерского восстания (1956), но был против оккупации Чехословакии (1968).

¹²³ *Чаушеску Николае* (1918–1989) – 1-й (генеральный) секретарь Румынской Рабочей (Коммунистической) партии (с 1965), президент Социалистической Республики Румыния (1974–1989). В рамках Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи настаивал на большей самостоятельности и прямо выходил из советского подчинения, сближаясь с Китаем.

¹²⁴ В 1961 г. была принята новая программа Коммунистической партии Японии, провозглашавшая курс на всемерное использование «мирных возможностей развития революционного процесса».

О Демьяне Бедном

И. Г.: Так. Теперь отношение к Маяковскому.

В. Д.: Демьяна.

И. Г.: Демьян (коротко) относился к Маяковскому отрицательно. Ну, тут, я думаю, объяснять не надо, почему...

В. Д.: Так вот в чем это выразилось, конкретно...

И. Г.: Выразилось это в следующем. Во-первых, переходя из «Правды» в «Известия», он обусловил, что в «Известиях» (в разговоре со Скворцовым-Степановым), что в «Известиях» не будет печататься Маяковский. Первое.

В. А.: А когда он перешел, в каком году?

И. Г.: В 27-м году.

В. А.: А! Так это, значит, не с письмом к Горькому связано?

И. Г.: Но Маяковский еще в «Известиях» печатался. Понимаете? Письмо Маяковского Горькому появилось в первом номере «ЛЕФа»...

В. А.: Да, но «ЛЕФ» мог выйти и позже.

И. Г.: ...в марте...

В. Д.: «ЛЕФ» в 28-м году уже...

И. Г.: ...в марте, в марте, по-моему, в первых числах, а может, в конце апреля, Полонский принес в редакцию «Известий» этот номер «ЛЕФа», и прочитали мы это выступление, Скворцов и я. Понимаете? Это была первая половина 27-го года.

В. Д.: Да. Первый номер «ЛЕФа» вышел весной.

И. Г.: Это одна причина, почему Скворцов пошел на...

В. А.: А последняя вещь, которую напечатал Маяковский...¹²⁵

¹²⁵ *А последняя вещь, которую напечатал Маяковский <в «Известиях»>...* – По сути, последняя вещь Маяковского, которую напечатали «Известия», – это стихотворение «Стабилизация быта» (1927. № 13. 16 января). На машинописной копии – пометка И. И. Скворцова-Степанова: «Пустить! И. С. 12/1 – 1927». А уже стихотворение «По городам Союза», набранное 7 февраля 1927 г. для публикации в «Известиях» (сохранился корректурный оттиск), напечатано газетой не было. Появившееся 10 марта 1927 г. одновременно в «Известиях» и «Ленинградской правде» стихотворение «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить и уберечь» – неприкрытая реклама в связи с выпуском Государственного внутреннего 10-процентного выигрышного займа 1927 г. Так оно и заканчивается:

*Грядущие годы
покрыты тьмой.
Одно несомненно: на 27-й
(и то, что известно,
про то и поём)
– выгоднейшая вещь
10% заем!*

Публикации такого рода обычно связаны не с политикой издания, а с финансовыми обязательствами.

И. Г.: В марте.

В. А.: В «Известиях».

И. Г.: В марте.

В. Д.: Разве в марте?

И. Г.: Тоже в марте.

В. А.: Я сейчас уточню... Так... что он последнее напечатал... я всё сделала, чтобы не задерживать вас, а в итоге задерживаю...

И. Г.: Ничего, ничего, ничего.

В. А.: Последняя вещь у него была напечатана... это... «Вдохновенная речь...». Да, правильно, десятого марта. Больше ничего не было.

И. Г.: Ну вот.

В. А.: Вы всё хорошо помните.

А. Рыков и И. Сталин несут урну с прахом И.Скворцова-Степанова. Октябрь 1928. Источник: архив семьи Гронских

И. Г.: Да. Теперь дальше. И когда Скворцов... уже это после апрельского пленума...¹²⁶ вообще-то, вторая половина 27-го года, когда Демьян переходил в «Известия», то он обусловил, что Маяковский печататься не будет. Но так как для Скворцова вопрос о печатании Маяковского был решен, то Скворцов-Степанов такое обязательство дал Демьяну Бедному. Как видите, одно другому не противоречит.

¹²⁶ ...после апрельского пленума... – На Пленуме ЦК ВКП (б) (13–16 апреля 1927) Л. Д. Троцкий и Г. Е. Зиновьев, с одной стороны, и И. В. Сталин, с другой, обменялись обвинениями в хвостизме: сталинское руководство не обладает достаточным предвидением, запаздывает в ориентировке, упускает время и темп, увеличивает накладные расходы на хозяйственное развитие, оппозиция не видит, что дела идут к лучшему, тащится в хвосте событий, как ни старается, не может догнать ЦК.

В. А.: Но Демьян Бедный все-таки печатался и до этого в «Известиях». Я помню, мне попадались... когда у него полемика с Жаровым была¹²⁷.

¹²⁷ ...полемика с Жаровым была. – Имеется в виду критическое выступление Демьяна Бедного против поэмы Александра Жарова «Гармонь» (1926) – «Гармонь, или Дело от безделья» (Известия. 19 декабря 1926. С. 5). Жаров вспоминал об этом так: «Как только моя «Гармонь» появилась в 1926 году на страницах «Комсомольской правды», Демьян грозно предупредил меня: – Держись, Жаров! Я буду выступать против. Не против поэмы, а против гармошки, «визгливой дуры»... И пришлось мне «держаться». Демьян Бедный негде-нибудь, а в «Правде» (мемуарист обостряет драматизм события! –В. Р.) выступил с большим стихотворным фельетоном против своего литературного крестника, который воспел немецкий по своему происхождению инструмент – гармонь, вместо того, чтоб воспеть русские гусли. Разгорелся большой бой. «Комсомольская правда» в прозе и в стихах стойко отражала атаку Демьяна. Конечно, и я участвовал в этом. Спорили долго, горячо, весело. Демьян объявил гармони «капут». Я ответил ему: *Что толкнуло вас, тоска ли, грусть ли, Объявить гармонике капут? Интересно, как это... под гусли Ваши «Проводы» сплуют?»* (Воспоминания о Демьяне Бедном / сост. Придворов Д. Е., Пряжков А. В. М.: Сов. писатель, 1966. С. 234).

И. Г.: Но это случайная вещь. А тут он перешел целиком. Понимаете? Целиком перешел. Ну, это вот одна причина. Другая. Уже мои разговоры с Демьяном Бедным...

В. Д.: Вот, пожалуйста!

И. Г.: ...и в присутствии Скворцова, совместные разговоры, и потом уже наши разговоры. Он считал, что Маяковский футурист. Футуризма не принимал Демьян Бедный, и всех футуристов он не принимал: ни Маяковского, ни Каменского, ни кого-либо другого. Он считал, что это, вообще говоря, течение, чуждое марксизму, чуждое большевизму, и поэтому он выступал против этого направления в литературе. Вообще, он выступал против всего формализма, всего: и в литературе, и в искусстве. Теперь так. Тут как раз выступление Демьяна и против Маяковского, были разговоры...

В. Д.: В разговорах?

И. Г.: В разговорах. ...И против живописи, скажем, формалистов, и против Мейерхольда... театр... Так что у Демьяна была довольно такая стройная позиция в литературе, весьма стройная. Ну, можно спорить, прав он или не прав, – это другой разговор. Но он отрицал всё это так называемое «левое» искусство, «левое» в кавычках: футуризм, кубизм, супрематизм, Мейерхольда и так дальше. Вот вам Демьян. Вот почему Демьян относился к Маяковскому отрицательно.

Д. Бедный. Источник: wikipedia.org

В. Д.: Вы его знали и раньше? Демьяна. Давно?

И. Г.: Примерно с 12-го года.

В. А.: А вы еще хотели рассказать о том, как он покушался на самоубийство.

И. Г.: Ну, это уже отдельно. О Демьяне мы будем говорить...

В. Д.: Вот мне хотелось как раз о Демьяне сейчас. Мы так всё время отвлекаемся в сторону, а мне хотелось бы о Демьяне закруглить.

И. Г.: Ну, давайте закругляться.

В. Д.: Нет, не закругляться... Подождите. (*Небольшая пауза в записи.*) Вы сейчас повторили то, что известно было, и то, что вы сами уже говорили в прошлый раз...

И. Г.: Да, да.

В. Д.: А вы его собственный портрет дайте.

И. Г.: Видите, дело в чем. Демьян – человек, бесспорно... и поэт, бесспорно очень крупный. Но он страдал одним недостатком, который я понял не сразу: некоторым упрощением, или упрощенчеством. Дело, видите ли, в том, что до революции в борьбе с царским самодержавием мы приветствовали буквально всякое оппозиционное течение по отношению к царизму в литературе. И в этом отношении Демьян стоял на крайне левом фланге, выступая систематически со своими баснями, стихотворениями в «Правде»¹²⁸.

¹²⁸ ... Демьян стоял на крайне левом фланге, выступая систематически со своими баснями, стихотворениями в «Правде» – В «Правде» Демьян Бедный (тогда еще под своей фамилией Е. Придворов) печатался с первого номера (22 апреля / 5 мая 1912), где на первой полосе помещено его стихотворение «Полна страданий наших чаша...».

В. Д.: До этого он уже успел кончить все-таки вуз, да?¹²⁹

¹²⁹ ...он уже успел кончить все-таки вуз, да? – В 1904 г. Демьян Бедный был принят на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского императорского университета, но его не закончил. В 1913 вместо диплома получил только выпускное свидетельство. Но 9-летний статус вечного студента обеспечивал ему отсрочку от службы в армии, которую он прервал поступлением в университет.

И. Г.: Да. В дореволюционной «Правде». Бывало так, что из-за его вещей конфисковывали «Правду»¹³⁰. И бывали такие смешные случаи. Вот идешь на работу утром: городские отбирают у газетчиков «Правду». А у этого газетчика еще не отбирают.

¹³⁰ ...из-за его вещей конфисковывали «Правду»... – Из обращения были изъяты выпуски «Правды» с баснями Демьяна Бедного «Хозяин» и «Суд».

Мы забирали всю «Правду» под рубашку. Денег нет. Газетчики нам верили. И мы уносили на заводы и «Правду» распространяли. Получали деньги и газетчику всегда аккуратно деньги все приносили. Поэтому газетчики нам доверяли, мальчишкам.

Ну вот. Имя Демьяна было исключительно популярным в рабочей среде. Исключительно популярным. Это был самый популярный поэт питерских рабочих, среди питерских рабочих, да и не только питерских. Во-первых, в период революции Демьян выступал с открытым забралом, и партия...

В. Д.: Вы и тогда с ним лично встречались?

И. Г.: Встречался. Редко, правда, но встречался... И партия для того, чтоб Демьяна сохранить, его держала в подполье, между февралем и октябрём. Был такой период. После июля. Его очень высоко, между прочим, ставил Ленин. Очень высоко. Как партийного поэта. Ленин, когда переехало правительство в Москву, – Ленин часто бывал у Демьяна в гостях. Вы знаете, где жил Демьян?

В. А.: На Рождественке¹³¹.

¹³¹ *На Рождественке.* – Жилье на Рождественском бульваре (д. 15, кв. 2) было предложено Демьяну Бедному не позднее 19 ноября 1932 г. (Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. С. 269).

И. Г.: Нет, это потом, с 33-го года. А до этого он жил в Большом Кремлевском дворце¹³². Вот вам Боровицкие ворота. Допустим, вы входите в Боровицкие ворота. Налево... Тут была такая решетка, да?

¹³² *...он жил в Большом Кремлевском дворце.* – Квартира Демьяна Бедного с семьей (жена, теща, дети, нянька) на втором этаже Большого Кремлевского дворца выходила в так называемый Белый (или Фрейлинский) коридор вдоль тыльной стороны фасада.

В. А.: Да.

И. Г.: ...налево Оружейная палата, так? Рядом с ней – Кремлевский дворец. Потом за этим Кремлевский дворцом Потешный дворец¹³³, потом Кавалерский корпус¹³⁴. Здесь...

¹³³ *Потешный дворец* – домовый театр русских царей (отсюда и его название). Если с Моховой улицы смотреть на Государственный Кремлевский дворец (бывший Дворец съездов), то на его фоне за Кремлевской стеной виден красно-белый Потешный дворец с семью окнами в верхнем этаже. После переезда Советского правительства в Москву и в этом дворце жили семьи партийно-государственной верхушки. В ночь на 9 ноября 1932 г. здесь, в квартире И. В. Сталина, застрелась его жена Надежда Сергеевна Аллилуева. Окна ее комнаты выходили в сторону Александровского сада.

¹³⁴ *Кавалерский корпус* – здание между тыльной стороной Большого Кремлевского дворца и тыльной стороной Государственного Кремлевского дворца (бывшего Дворца съездов), напротив Потешного дворца. Корпус уцелел при строительстве Дворца съездов (1960–1961) благодаря мемориальной доске: «В этом здании жил и работал Владимир Ильич Ленин в марте – апреле 1918 года».

В. Д.: Направо...

И. Г.: ...фасадом на Москва-реку – Большой Кремлевский дворец, с залами: Андреевским, там... и всякими прочими иными¹³⁵. Между этой частью Большого дворца и этой...

¹³⁵ *...Большой Кремлевский дворец, с залами: Андреевским, там... и всякими прочими иными.* – Парадные залы Большого Кремлевского дворца названы в честь российских императорских орденов: Андреевский (зал ордена Святого Апостола Андрея Первозванного), Георгиевский (зал ордена Святого Георгия Победоносца), Александровский (зал ордена Святого Александра Невского), Владимирский (зал ордена Святого Владимира), Екатерининский (зал ордена Святой Екатерины).

В. Д.: Между той, которая...

И. Г.: ...арка. Она висит над этими воротами. Это был летний сад¹³⁶. Потом там была мастерская жены Уншлихта¹³⁷, она художница, Стефания Арнольдовна Уншлихт¹³⁸. В этой мастерской работали художники-ахрровцы: Радимов¹³⁹, Кацман¹⁴⁰ и другие. Так вот, Демьян жил вот в этой части Большого дворца. Если идти от Боровицких ворот – первый подъезд, на втором этаже.

¹³⁶ *Это был летний сад.* – Оговорка: это был зимний сад.

¹³⁷ *Уншлихт Иосиф Станиславович* (1879–1938) – большевик с дореволюционным стажем, кандидат в члены ЦК ВКП (б) с 1925 г.; крупный советский военный и государственный деятель. Заместитель председателя ВЧК-ГПУ-ОГПУ Ф. Э. Дзержинского (апрель 1921 – сентябрь 1923), заместитель председателя РВС и наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе, затем К. Е. Ворошилова (февраль 1925 – июнь 1930), заместитель по военной промышленности председателя ВСНХ В. В. Куйбышева (1929–1930) и его же во главе Госплана (1930–1933), начальник Главного управления Гражданского воздушного флота (1933–1935), секретарь Союзного Совета ЦИК (с февраля 1935). Жил в Кремле. В июне 1937 г. арестован, в июле 1938 расстрелян. Посмертно реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 г.

¹³⁸ *Уншлихт С. А.* (1880–1947) входила в Ассоциацию художников революционной России (1922–1932) и в Центральный совет АХРР, была организатором Общества друзей АХРР, выставлялась вместе с ахрровцами (1924–1929). Участница выставок «Художники РСФСР за XV лет» (Ленинград, 1932; Москва, 1933) и «XV лет РККА» (1935). Выполнила портрет мужа и серию портретов его сподвижников, в частности В. К. Блюхера и М. Н. Тухачевского. В августе 1938 г. приговорена ОСО при НКВД к восьми годам лагерей как ЧСИР. Освободилась в феврале 1943 г.

¹³⁹ *Радимов Павел Александрович* (1887–1967) – крестьянский поэт со стихами, написанными гекзаметром, последний председатель Всероссийского Союза поэтов (1929) и художник, тяготевший к пейзажу, последний председатель Товарищества передвижников (1918–1922) и первый председатель АХРР (1922, 1927–1932).

¹⁴⁰ *Кацман Евгений Александрович* (1890–1976) – живописец и график, официальный портретист советской политической элиты; один из основателей АХРР, в течение ряда лет ее секретарь. «Нашему политическому росту, – с благодарностью вспоминал он, – помогала мастерская С. А. Уншлихт в Кремле. Она помещалась тогда в Зимнем саду. Эту мастерскую Стефания Арнольдовна предоставила нам, ахрровцам. Мы имели постоянные пропуски в Кремль и могли часто видеть руководителей партии и правительства» (*Кацман Е. А.* Как создавалась и развивалась АХРР // Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов: материалы, документы, воспоминания. М.: Сов. художник, 1962. С. 176). «Но позже он не пустил ее на порог мастерской, – рассказывает вдова Гронского, Лидия Александровна. – Да и Ирину (дочь Гронских. – В. Р.), когда она приехала к нему в конце 1953 г. с письмом от Ивана из Караганды, тоже дальше прихожей не пустил. Побоялся» (*Гронская Лидия.* Наброски по памяти: Воспоминания. С. 98). Тем не менее Гронский в соавторстве с Валентиной Князевой выпустил монографию «Евгений Александрович Кацман» (М.: Сов. художник, 1962. – 108 с.). Любопытно, что Кацман и Казимир Малевич – прямые антагонисты в искусстве – были свояками: оба женились на сестрах Рафалович (Кацман – на Наталье, Малевич – на Софье).

В. Д.: То есть налево?

И. Г.: Налево, да, налево. А если через Троицкие ворота, направо будет. На третьем этаже¹⁴¹. Огромная квартира.

Колоссальная библиотека. И вот к нему сюда (он жил там до 33-го года), к нему... у него бывали все члены Политбюро ЦК и довольно часто у него бывал и Владимир Ильич Ленин. И у себя дома Демьян Ленину читал стихотворения: и не одно, и не два, а десятки.

¹⁴¹ *На третьем этаже.* – Оговорка: квартира Демьяна Бедного была на втором этаже, о чем Гронский сказал только что.

В. Д.: Свои?

И. Г.: Свои.

В. А.: Он потом, после революции, поселился во Дворце?

И. Г.: Да. Как только переехало правительство в Москву, переехал и Демьян в Москву. Ну, Ленин вначале жил в «Национале», вы знаете¹⁴². Потом уже Ленин жил в Кремле. Где жил Демьян вначале, я сейчас не помню, но потом жил в Кремлевском дворце, вот там, где я вам указываю.

¹⁴² *...Ленин вначале жил в «Национале», вы знаете.* – В марте 1918 г. В. И. Ленин 7 дней прожил в «Национале» в двухкомнатном люксе № 107 на третьем этаже (вместе с женой – Надеждой Константиновной Крупской и сестрой – Марией Ильиничной).

В. Д.: Так-так, понятно.

И. Г.: Там же зади была квартира Ворошилова. Потом там, на втором этаже жил Куйбышев. Потом он переехал, и Сталин, и он переехали в Потешный дворец жить. Сталин и Куйбышев. Ну вот. И только в 33-м году Демьяна переселили из Кремля на Рождественский бульвар¹⁴³.

¹⁴³ *...Демьяна переселили из Кремля на Рождественский бульвар.* – На доме № 16 по Рождественскому бульвару висит мемориальная доска: «Здесь с 1933 г. по 1943 г. жил и работал пролетарский поэт Демьян Бедный (Е. А. Придворов)».

В. Д.: Это когда его уже... попал он под...

И. Г.: Нет, он еще не попал...

В. Д.: Ну, когда «Богатыри»¹⁴⁴ были и...

¹⁴⁴ *...когда «Богатыри» были...* – Премьера «Богатырей» (музыка А. П. Бородина, новое либретто Демьяна Бедного) в Камерном театре состоялась 29 октября 1936 г. Публика реагировала живо. В печати успели появиться одобрительные отклики. Автор «Вечерней Москвы» М. Загорский пообещал спектаклю долгую жизнь. Но на шестое представление 12 ноября прибыл председатель правительства и член Политбюро В. М. Молотов. «После первого действия он ушел, а вскоре Таирову передали его слова “Безобразия! Богатыри ведь были замечательные люди!” На следующий день Молотов созвал заседание политбюро, утвердившего проект постановления Комитета по делам искусств Совнаркома СССР о снятии пьесы “Богатыри” с репертуара» (Федоров М. Л. Страсти по «Богатырям»; Демьян Бедный в Камерном театре // Codex manuscriptus: статьи и архивные публикации / ред.-сост. Е. В. Безмен; отв. ред. Д. С. Москвская. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 200).

Постановление Всесоюзного Комитета по делам искусств при Совнаркомом Союза ССР датировано тем же 13 ноября:

«Ввиду того что опера-фарс Демьяна Бедного “Богатыри”, поставленная под руководством А. Я. Таирова в Камерном театре, с использованием музыки Бородина:

а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции;

б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа;

в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры.

Комитет по делам искусств при СНК Союза ССР постановил:

Пьесу “Богатыри” с репертуара снять как чуждую советскому искусству» (Против фальсификации народного прошлого. М.; Л.: Госизд-во “Искусство”, 1937. С. 3–4).

И. Г.: Так что вот, видите, вот где жил Демьян Бедный. Вот его отношения с руководителями партии, особенно с Владимиром Ильичом.

Теперь. Во время Гражданской войны Демьян поднялся буквально до народного такого, знаете, глашатая...

В. Д.: Ну, это известно.

И. Г.: Маяковского народ не знал. Его знала учащаяся молодежь, какая-то часть интеллигенции, не шибко большая. Демьяна знал народ: рабочие, красноармейцы, крестьяне. Я приехал к матери в деревню в 27-м году – пришли попы. У нас был поп очень любопытный: никогда о религии не говорил. Он обратился ко мне: «Иван Михайлович, нет ли у вас “Евангелия от Демьяна”?»¹⁴⁵

¹⁴⁵ *«Евангелие от Демьяна»* – «Новый завет без изъятия евангелиста Демьяна» (1925) – пространная антирелигиозная пародия на канонические Евангелия, напечатанная в газетах «Правда» и «Беднота» (апрель – май 1925), следом выпущенная отдельным изданием (Л.: Прибой, 1925. – 251 с.) и включенная в 8-й том Полного собрания сочинений Демьяна Бедного (М.; Л.: Гос. изд-во, 1926).

(Дувакин смеется.)

Ну и Владимир Иванович... священник... Он, между прочим, большевиков поддерживал с начала революции, любопытнейший человек, в прошлом революционер. Я ему дал эту книжку. Так что, видите ли...

Причем мужики, крестьяне отдаленных деревень, знали Демьяна Бедного, читали Демьяна Бедного. О Маяковском они представления не имели. Поэтому партия, естественно, дорожила Демьяном Бедным.

И в 29-м году, когда вот (я вам рассказывал об этом, об оппозиционной группировке, сложившейся в «Известиях») в ЦК было созвано совещание (о котором я вам тоже говорил), и вот на этом совещании (это 29-й год) выступал Сталин и говорил, что у нас (а оппозиция направила свою критику против Демьяна), что у нас есть два литератора, которые имеют значение более важное, чем любой из вождей партии: это Горький и Демьян Бедный. Вот так Сталин оценивал творчество Демьяна Бедного.

Ну, я дружил с Демьяном. Я постоянно у него бывал, и он у меня бывал.

В. Д.: Ну, вот что вы о нем можете?.. Это всё мы знаем...

И. Г.: Я знаю всю его семью. Он увлекался книгами...

В. Д.: Да!

И. Г.: ...собирал книги. У него была огромная библиотека, на которую он тратил очень много денег¹⁴⁶. Писал он очень быстро, так сказать, оперативно. Вот, скажем, что-то надо – мы ему звонили: вот это надо. И он тут же садился и тут же, как журналист, давал стихотворение, так сказать, по заказу, в редакцию. У него была большая семья довольноно.

¹⁴⁶ Библиотека Демьяна Бедного – правдами и неправдами собранная с нуля антикварная коллекция: около восемнадцати тысяч старых, раритетных изданий, к тому же в идеальном виде. Притворяясь простаком, со страстью и напором он профессионально собирал фольклор, древнерусскую литературу, непростой XVIII в. Еще около двенадцати тысяч экземпляров книг и газет были по преимуществу современного Демьяну происхождения. В конце 1930-х гг., после обрушенных на поэта бедствий, он вынужден был продать свою сорокатысячную библиотеку Литературному музею. Старший сын Демьяна Бедного описывает это так:

«После мучительного раздумья Демьян решил подарить библиотеку Государственному литературному музею. Ему только пришлось оговорить в договоре, чтобы одну третью часть ее цены выплачивали постепенно его семье. 17 августа 1938 года был подписан договор и библиотека Демьяна Бедного перешла в собственность музея» (*Придворов Дмитрий. Об отце // Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 224*).

По сведениям из Литературного музея, его директор В. Д. Бонч-Бруевич и Демьян Бедный первоначально договорились о покупке-продаже библиотеки за 600 тысяч рублей. Затем Демьян попросил выплатить его семье половину этой суммы – 300 тысяч, и этим ограничиться. Похожий вариант сделки был использован для приобретения Библиотекой им. В. И. Ленина легендарной книжной коллекции Н. П. Смирнова-Сокольского. Двадцать тысяч раритетных томов были куплены у вдовы коллекционера из расчета три рубля за том (антиквариат практически уравнивался в цене с современным ширпотребом) и пожизненной зарплатой для нее в размере ста пятидесяти рублей. Но на этих условиях книжное собрание гарантированно сохранялось.

В. Д.: Да?

И. Г.: Да. Дочери: Людмила, Тамара и Светлана. Два сына: Дмитрий и Свет. Свет.

В. Д.: Они что, тоже Придворовы?

И. Г.: Придворовы. Ну, Людмила¹⁴⁷ от первой жены. Я ее не знал. А Тамара¹⁴⁸ и... нет, Сусанна, не Светлана, а Сусанна... Тамара, Сусанна, Дмитрий¹⁴⁹ и Свет¹⁵⁰ от Веры Руфовны¹⁵¹. Пять. Демьян любил деньги. Маяковский был бессребреником. Мы платили Маяковскому рубль двадцать пять копеек за строку, три слова в строке, я вам говорил уже. Демьян выговорил...

¹⁴⁷ Придворова Людмила Ефимовна. – Упоминается в воспоминаниях Владимира Тальми «Полный круг: Нью-Йорк – Москва и обратно: история моей жизни» (Глава 4. Мир 1945–1947. М.: Возвращение, 2014. С. 85) как одна из переводчиц в системе Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

¹⁴⁸ Придворова Тамара Ефимовна (1918–1990) – жена химика, специалиста в области создания полимерных клеев Давида Алексеевича Кардашова (1903–1988).

¹⁴⁹ Придворов Дмитрий Ефимович (1919 – после 1966) – журналист, сотрудник журнала «Крокодил», один из двух составителей книги «Воспоминания о Демьяне Бедном» (1966). В сборник включен очерк Дмитрия Придворова «Об отце».

¹⁵⁰ Придворов Святослав (Свет) Ефимович (1921–1986) – журналист, сотрудник журнала «Крокодил», автор сборника «Была бы только тройка! (рассказы и фельетоны)» (М.: Правда, 1979. – 48 с. – Б-ка журнала «Крокодил». № 12). В отдельный цикл здесь выделены «Рассказы о Демьяне».

¹⁵¹ Придворова (рожд. Косинская; 1887–1958) В. Р. – жена Е. А. Придворова (Демьяна Бедного) с 1911 г. (разъехались в конце 1932 – начале 1933), мать его четверых детей: Сусанны, Тамары, Дмитрия и Святослава (Света).

В. А.: По рубль двадцать пять – это три слова он считал?

И. Г.: Три слова, да.

В. А.: Ага, а не одно?

И. Г.: Помните, я вам счет-то приводил: «Рубль двадцать пять за строку (в скобках: три слова – строка; скобки закрыты)...» и так дальше. Демьян Бедный выговорил рубль пятьдесят. Мы ему платили рубль пятьдесят. Так что он получал больше, чем получал Маяковский.

Демьян Бедный... как-то мы с ним хотели поехать в Ленинград. Я хотел заглянуть в архивы, ну, и вместе с ним побродить по магазинум букинистическим. У меня тоже была огромная библиотека. Я не поехал, не мог поехать. Поехал Демьян один. Я получил телеграмму: «Пьем твое здоровье. Николай Богатый, Исаак Состоятельный, Демьян Бедный».

(Все смеются.)

В. Д.: Вот это хорошо!

В. А.: А кто?..

И. Г.: Николай Богатый – Смирнов-Сокольский¹⁵², Исаак Состоятельный – Бродский, а Демьян Бедный – Демьян Бедный. Ну вот. У Демьяна Бедного на последнем этапе неудачно сложилась жизнь. Это вы знаете, вероятно?

¹⁵² Смирнов-Сокольский Николай Павлович (1898–1962) – артист эстрады, исполнитель сатирических монологов собственного сочинения и остролов, библиофил, историк книги. В будущем основатель Московского театра эстрады (1954).

В. Д.: То есть что он был исключен?..

И. Г.: Нет. Дело, видите ли, в том, что Демьян написал пьесу...

В. Д.: Пьесу «Богатыри».

И. Г.: ...«Как четырнадцатая дивизия шла в рай»¹⁵³. И эту пьесу он отдал для постановки в Мюзик-холл¹⁵⁴. Они ее репетировали. Пьеса была почему-то запрещена. Но это уже потом. И там он, общаясь с артистами, увлекся артисткой Лидией Николаевной Назаровой¹⁵⁵. Невысокого роста, блондиночка, красивая, хорошенькая, сложена неплохо. Я думал, что это, вообще говоря, ну, может, одно из немногих его увлечений и пройдет. Но оказалось куда серьезнее. Стал вопрос о том, что он сойдется постоянно, то есть женится на этой самой Лидии Николаевне.

¹⁵³ Занимательная, дива и любопытства достойная, силою благочестия и уважения исполненная и красноречием дышащая Повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла // *Бедный Демьян*. Как четырнадцатая дивизия в рай шла. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 5–12.

¹⁵⁴ ...пьесу он отдал для постановки в Мюзик-холл – Спектакль был поставлен в 1932 г. (режиссер Федор Каверин, художник Михаил Сапегин, композитор Лев Пульвер, дирижер Дмитрий Покрасс). В письме Смирнову-Сокольскому Демьян Бедный писал: «...заключительный пафосный монолог может быть подан достойным образом только Вами» и предложил артисту «составить» этот фельетон.

¹⁵⁵ *Назарова Лидия Николаевна* (1904–1998) – последняя жена Демьяна Бедного (официально с 1939), под фамилией Придворова похоронена в его могиле на Новодевичьем кладбище. В своей городской квартире на Рождественском бульваре Демьян Бедный поселил ее с дочкой и матерью (вероятно, не позже самого начала 1938 г.) (см. Гронского дальше).

В. А.: А жена еще жива была?¹⁵⁶

¹⁵⁶ *А жена еще жива была?* – Арутчева спрашивает о Вере Руфовне Придворовой (+1958).

И. Г.: Она и сейчас жива¹⁵⁷. Мы стали Демьяна отговаривать от этого дела. Но Демьян в этом отношении человек упрямый, закусил удила и понес, что называется. И... он не отличался никогда особым тактом, он зачем-то приехал <в Кремль> в 33-м году или в 32-м, в 32-м, по-моему, ему надо было что-то взять из библиотеки... какую-то книгу.

¹⁵⁷ *Она и сейчас жива.* – А Гронский отвечает о Лидии Николаевне Назаровой (+1998).

” Он вместе с этой Назаровой в машине приехал в Кремль, поднялся наверх, взял то, что ему было нужно взять, спустился, а в это время Вера Руфовна спустилась, а Лидия Николаевна вышла из машины, прогуливалась. И дамы сцепились – самая настоящая волосанка.

В. А.: О-о-о! А я только что хотела сказать: неужели в волосы вцепились?

И. Г.: Ты такая-сякая, а ты такая-этакая, в волосы, потасовка, словом, матчи бокса. Ну вот. Это, конечно, все видели, хотя там народу тогда... доступа в Кремль не было, но все-таки там бродил кое-какой народ: жители Кремля и бывавшие в Кремле люди – все это видели. Было это на глазах у всех. После этого случая, естественно, стал вопрос: как быть? Дальнейшее пребывание Демьяна Бедного в Кремле уже было невозможно. И Демьяну Бедному нашли особняк, и Демьяна Бедного переселили в этот особняк. А Вера Руфовна... он там поселился с Лидией Николаевной Назаровой, у нее была маленькая дочурка. Не помню, как ее звали.

В. А.: Простите, у кого была дочурка?

И. Г.: У Лидии Николаевны. Теперь Демьяну Бедному дали дачу (это бывшая, в Барвихе, бывшая дача Каменева), и он ее назвал «Мечта». Замечательная дача.

В. Д.: Льва Борисовича Каменева или Сергея?¹⁵⁸

¹⁵⁸ *Каменев Лев Борисович* (1883–1936) – видный большевик, председатель Моссовета (1918–1926), член Политбюро ЦК партии (1919–1925). Расстрелян по делу «Троцкистско-зиновьевского цента» (25 августа 1936). Реабилитирован в 1988 г. *Каменев Сергей Сергеевич* (1881–1936) – полковник царской армии; командарм 1-го ранга (в 1940 это звание было приравнено к генералу армии). В качестве военного специалиста добровольцем записался в Красную армию. Первоначально (с апреля 1918) служил на Западном фронте. В сентябре 1918 г. назначен командующим Восточным фронтом и в 1919 отбросил Колчака из Поволжья за Урал. Главнокомандующий Красной армии (1919–1924). Заместитель наркома по военным и морским делам (1927–1934), начальник Управления противовоздушной обороны Красной армии (с 1934). Умер от сердечного приступа 25 августа 1936 г., в тот же день, когда были казнены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев (наст. фамилия Розенфельд) и их поделники.

И. Г.: Нет, Льва Борисовича. Ну, вот. Демьян переехал туда, на бульвар...

В. Д.: А Вера Руфовна?

И. Г.: Вере Руфовне дали квартиру в Доме правительства¹⁵⁹, и она с детьми переехала в эту квартиру, в Доме правительства. С ней жили и дочери, и сыновья, кроме Людмилы. Людмила жила отдельно. Ну вот. Попытки мои и попытки, вообще говоря, Центрального Комитета (я проводил все эти вещи) заставить его разойтись с Лидией Николаевной, потому что Лидия Николаевна моложе его значительно, вероятно, лет на двадцать¹⁶⁰, ни к чему не привели. Я настаивал, чтобы он оставил Лидию Николаевну, чтоб он обратно вернулся в семью и жил со своей женой, с которой прожил добрых двадцать лет, если не больше. Но Демьян на это не пошел.

¹⁵⁹ ...дали квартиру в Доме правительства... – Ул. Серафимовича, д. 2, кв. 35.

¹⁶⁰ *Лидия Николаевна моложе его значительно, вероятно, лет на двадцать...* – Почти на 21 год. Он родился 1(13) апреля 1883 г., она – 2 марта 1904 г.

Я в это время уже, после 33-го года, болел, виделся с ним редко. Но встречался. Он мне звонил. Я к нему приезжал. Иногда он ко мне приезжал. Я ездил на дачу. Иногда один, иногда с женой ездил на дачу, там мы играли на бильярде, маленький бильярд был... И как-то раз Демьян Бедный звонил мне, просит... Да, забегаяю. Пьесу Демьяна «Четырнадцатая дивизия» репетировал Мюзик-холл. По-моему, 32-й год. И пьесу запретили... На Демьяна это подействовало очень сильно, какой-то шок был у него. Ко мне приходит его секретарь, профессор Ефремин¹⁶¹. Вы эту фамилию знаете?

¹⁶¹ *Ефремин Александр Владимирович* (1888–1937) – популяризатор сочинений Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. С. Курочкина, В. Г. Короленко и других писателей. Готовил к печати 10–19-й тома Полного собрания сочинений Демьяна Бедного (1925–1933). Автор книжек: «Демьян Бедный в школе» (М.: Новая Москва, 1926. – 56 с.), «Демьян Бедный и искусство агитки» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1927. – 72 с.), «Демьян Бедный на противощерковном фронте» (М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – 102 с.), «Громовая поэзия. О творчестве Демьяна Бедного» (М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – 245 с.).

В. Д.: Знаем.

И. Г.: Литературовед. И говорит (я его хорошо знал, Ефремина, и семью его хорошо знал), – говорит мне: «Иван Михайлович, Демьян Бедный хочет покончить жизнь самоубийством». Я расхохотался, говорю: «Вы что, шутить изволите?» – «Нет, не шучу. Отнеситесь к этому серьезно». Я говорю: «Никак не могу отнестись серьезно к стремлению Демьяна покончить жизнь самоубийством. По-моему, это глупость. Выдумка чья-то, не особенно умная, и ради бога, эту выдумку не распространяйте». Он говорит: «Иван Михайлович, я говорю серьезно. Поскольку вы самый близкий Демьяну человек, которого он слушает,

я вот к вам и пришел». Я почувствовал, что человек говорит серьезно, что отмахнуться от этого нельзя. Я сказал Ефремину: «Хорошо, займись этим делом». Ефремин ушел.

Проходит какое-то время, и вдруг ко мне вкатывается, в «Известия», Демьян Бедный, в таком... растрепанных чувствах, бегаёт по кабинету, и говорит, что «ты самый лучший друг мой, и я хочу, чтоб ты (ты-вы – вот так были отношения), чтобы ты мне отдал весь завтрашний день, по крайней мере вечер. Это очень важно». Я, предупрежденный Ефреминым, с Демьяном говорил так, как будто я ничего не знаю, но мягко. Я говорю: «Хорошо, Демьян. Ладно. Я все работы отставляю и целиком отдам тебе весь день или вечер, что тебе нужно». – «Главным образом вечер». – «Ну хорошо». – «Вот завтра будет генеральная репетиция “Четырнадцатой дивизии” и дальше, чтоб мы с тобой там... не расставались». – «Ну, хорошо».

Демьян ушел. Я позвонил Сталину. Рассказал ему всё: разговор с Ефреминым, разговор с Демьяном, говорю, что до сих пор я справлялся с Демьяном. Держал его в руках. Сейчас одного моего влияния недостаточно. Нужно вмешательство ЦК. Сталин отнесся к этому делу серьезно и говорит: «Позвоните Климу, он там-то, – дает мне вертушку номера, – потому что, кроме вас, за Демьяна отвечает и Клим». Ну, такая была система в ЦК. Вообще, система работы – это вещь большая, сложная, не касаюсь пока ее.

В. Д.: Взаимного, так сказать, перекрестного контроля?

И. Г.: Нет, это не контроль, это другое совершенно. Это система работы – с интеллигенцией и прочее. «Позвони Климу». Я позвонил Ворошилову. Его немедленно позвали, с заседания вызвали. С ним поговорил. Говорю: «Сегодня, – говорю, – ничего не произойдет. Нечего бояться. А вот завтра я всё время буду около него. Постараюсь его после спектакля увести в Морозовку – это наш дом отдыха, самого верха верхушки¹⁶², – подпою его, отберу у него оружие. Так сказать, с этого начну. Что дальше будет – видно будет по ходу дела». Поговорили мы с ним, и на этом разговор закончился.

¹⁶² Постараюсь его после спектакля увести в Морозовку – это наш дом отдыха, самого верха верхушки. – Речь о бывшем имении промышленника Н. Д. Морозова, рядом со станцией Крюково, в верховьях Клязьмы. С 1926 г. здесь был Дом отдыха ВЦИК. Среди его посетителей – С. М. Киров, В. В. Куйбышев, А. В. Луначарский, А. М. Горький.

На другой день мы с Демьяном, я, конечно, был с женой, поехали в Мюзик-холл смотреть генеральную репетицию. Но пьеса формально запрещена, но репетиции продолжают.

В. Д.: А зачем тогда?

И. Г.: Ну, вопрос еще окончательно не решен, еще есть надежда, что ее разрешат. Так сказать... я сказал «окончательно», не окончательно, не категорически запрещена. Еще есть надежда, что ее разрешат, поэтому репетиции продолжают.

Вот идет спектакль. Мы сидим в ложе. Демьян говорит, что... Нет... Нет-нет, еще не то, не то, я опять забегаю вперед. После этого разговора, значит, со Сталиным и с Ворошиловым, я сказал и тому, и другому, что сегодня нечего беспокоиться, сегодня ничего не произойдет. А вот все события должны разыгаться завтра, и вот мой план действия. А в этот день вечером у Пильняка (он жил на Ямском Поле, домик у него был) должны были быть приехавшие из Японии ученые и литераторы. И я должен был быть там.

В. Д.: У Пильняка?

И. Г.: У Пильняка. Ну, я поехал к Борису Андреевичу, к Пильняку, там было человек пять или шесть японцев, ну, кое-кто из наших людей, писателей, кое-кто из ученых, кое-кто из деятелей политических, ну, скажем, вроде Воронского или там Осинского¹⁶³. Сели за стол. Народу было порядочно, человек, вероятно, двадцать пять – тридцать. Вдруг звонок телефонный. Подходит жена Пильняка, Кира Георгиевна, сестра Наты Вачнадзе¹⁶⁴, к телефону, спрашивают меня. Она спрашивает: «Кто звонит?» – «Сталин». Та растерялась и повесила трубку на рычаг. Произошло разъединение. Она подходит ко мне, говорит: «Иван Михайлович, вас просит Сталин». Я подхожу – трубка висит на рычаге. Слушаю трубку – телефон уже разъединен. «Ну, – думаю, – позвонят второй раз». Действительно, второй звонок. Подходит к телефону жена Кима, был такой Роман Ким...¹⁶⁵

¹⁶³ Осинский (наст. фамилия Оболенский) Валериан Валерианович (1887–1938) – экономист, государственный деятель, публицист, литературный и театральный критик, академик АН СССР (1932–1938). В социал-демократическом движении с 1905 г., член РСДРП (б) с 1907. В 1929–1930 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР по линии автотракторной промышленности. Член редколлегии газеты «Известия» (1931). Начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета и заместитель председателя Госплана СССР (1932–1935), руководитель Комиссии по подготовке Всесоюзной переписи населения (проведена в 1937). В октябре 1937 г. арестован, 1 сентября 1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁶⁴ ...жена Пильняка, Кира Георгиевна, сестра Наты Вачнадзе... – Ната Вачнадзе (при рождении Наталья Георгиевна Андроникашвили; 1904–1953) – грузинская актриса немого и звукового кино, старшая сестра актрисы и режиссера кино Киры Андроникашвили (1908–1960). Кира Георгиевна была арестована следом за мужем в 1937 г. Приговорена к восьми годам лагерей. Отбывала срок в Акмолинском лагере жен изменников Родины. Реабилитирована в 1956 г.

¹⁶⁵ Ким Роман Николаевич (1899–1967) – преподаватель китайской и японской литературы в Московском институте востоковедения (1923–1930), одновременно секретный сотрудник контрразведывательного отдела ОГПУ, с 1934 г. – сотрудник для особых поручений Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, отвечавший за всю контрразведывательную работу по линии японского посольства, военного атташата и японских граждан, пребывающих в Москве. Переводил рассказы Рюносэ Акутагавы, написал глоссы к книге Бориса Пильняка «Корни японского солнца» (1927). 2 апреля 1937 г. арестован как «японский шпион». 9 июля 1940 г. осужден на 20 лет. В тюремной камере на Лубянке занимался тем же, что и до ареста – дешифровкой и переводом перехваченных японских радиogramм. В конце 1945 г. срок ему был сокращен до отбытого. Освобожден 29 декабря того же года. Реабилитирован в 1959 г. В начале 1930-х гг. Ким женился вторым браком на Мариам Самойловне Цын (1905–2002), которая с 1930 г. и до ареста вслед за мужем в 1937 г., преподавала японский язык в Московском институте востоковедения и одновременно служила педагогом-переводчиком в НКВД. Была осуждена на восемь лет. Как и Гронский, срок отбывала на Воркуте. После пересмотра дела освободилась в марте 1943 г. Еще десять лет преподавала в Московском институте востоковедения, затем шесть лет в Московском энергетическом институте. Участвовала в составлении Большого японско-русского словаря (3-е изд., испр. и доп. В 2 т.: с прилож. новейшей лексики японского языка и иероглифического ключа, составленного М. С. Цын / авторы С. В. Неверов, К. А. Попов, Н. А. Сыромятников, Н. И. Фельдман, М. С. Цын; под ред. Н. И. Конрада. М.: Живой язык, 2003. – 808 с.; 952

В. А.: Да, помню.

И. Г.: Вот его жена подходит к телефону. Спрашивают меня. «Кто?» – «Молотов». И та повторяет поступок Киры Георгиевны – вешает трубку.

В. Д.: Что?.. Сдурели? (?)

И. Г.: Растерянность. Имейте в виду, что, когда человек в таком состоянии, он делает много глупостей. Ну вот. Я уже сижу как на иголках. Значит, что-то произошло большое. А ведь у нас такой порядок: когда уезжаешь – круглые сутки дежурит

секретарь – и когда куда-либо уезжаешь, то у секретаря оставляешь адрес и телефон, который дается только Политбюро ЦК. Даже домашним секретарь не имеет право давать адрес и телефон. Такой порядок. Думаю: что-то произошло. Я звоню в гараж совнаркомовский, что «машину быстрее». И сразу, не прощаясь, выхожу на улицу, потому что машины наши, когда надо, шли без всяких сигналов. Еду домой.

В. А.: Значит, это не по вертушке были разговоры, а по обыкновенному телефону?

И. Г.: У Пильняка нет вертушки. Обыкновенный городской телефон. Приезжаю домой. Из дома звоню Сталину. Сталина дома нет. Звоню Молотову. Молотова дома нет. Звоню Ворошилову. Ворошилова дома нет. Звоню Калинин. Калинина дома нет. Что за черт! Что произошло? Звоню в секретариат, свой. «Нет ли каких-либо сообщений серьезных?» – «Нет, – говорят, – ничего нет, так всё сравнительно тихо-спокойно». Я сижу, пытаюсь читать, пытаюсь работать. Что-то ничего не получается. Не сплю, конечно. И спать не собираюсь. Часов примерно в пять или в шесть утра звонит вертушка. Звонит Демьян Бедный. Я говорю: «Где ты пропадал? Что с тобой?» Тот говорит: «Ничего. Был вот там-то с теми-то. И понимаешь, вот только что сейчас я вошел домой – телефон. Звонит Клим. Хочет встретиться. Но я же подвыпил, – говорит, – основательно и просил встречу отложить до одиннадцати часов утра. Вот в одиннадцать и встречаюсь с ним». Я говорю: «Ты в порядке?» – «В порядке. Сейчас вот лягу спать, буду спать». Я говорю: «Хорошо». Я позвонил тотчас же Ворошилову, рассказал ему вот об этих звонках. Ну, Клим рассмеялся, говорит: «Да, действительно, звонили и Сталин, и Молотов. Мы все собрались у Серго Орджоникидзе и всю ночь не спали». Я говорю: «А чего же вы пороли панику? Я же сказал, что сегодня ничего не будет». – «Ну, – говорит, – мало ли что могло произойти».

Все Политбюро провело ночь у Серго Орджоникидзе, не спали, разыскивали Демьяна, боялись самоубийства Демьяна. Понимаете?

В. Д.: Это уже после самоубийства Маяковского?¹⁶⁶

¹⁶⁶ Это уже после самоубийства Маяковского? – Маяковский покончил с собой 14 апреля 1930 г.

В. А.: Конечно, после.

В. Д.: Это 32-й или 33-й?¹⁶⁷

¹⁶⁷ Это 32-й или 33-й? – Описана ночь на 17 апреля 1932 г.

И. Г.: Уже после самоубийства Маяковского. Ну, естественно, меня разговор с Климом успокоил...

В. А.: Его же выселили в 33-м году.

И. Г.: ...и я лег спать. Ну, как спал? Спал я до восьми часов. Встал, принял холодную ванну, крепкий кофе и поехал в Кремль, на работу.

На другой день мы едем, я с женой, Демьян в Мюзик-холл на генеральную репетицию.

В. Д.: Вот эту самую?

В. А.: Да-да.

И. Г.: Вот то, что я прервал рассказ. Ну, проходит генеральная репетиция. Там, собственно, есть острые моменты, которые вообще следовало бы убрать и иначе средактировать, но вся пьеса у меня, например, больших возражений не вызвала. Прошла репетиция. Опять забегаю. В одиннадцать часов Демьян встретился с Ворошиловым, и Ворошилов ему сказал, что Центральный Комитет дал распоряжение, чтоб пьесу его «Четырнадцатая дивизия» Мюзик-холл ставил. Пьеса пойдет. Ну, всячески Клим обласкал Демьяна, успокоил и прочее, и прочее, и прочее. Вот после этого мы в Мюзик-холле. Уже Демьян знает, что пьеса разрешена, что пьеса пойдет. Кончается репетиция. Демьян приглашает в «Савой». Есть такой ресторан и гостиница.

В. А.: Знаю, знаю.

В. Д.: «Берлинский».

В. А.: Папа всегда там останавливался.

В. Д.: Теперь «Берлин»¹⁶⁸.

¹⁶⁸ Теперь «Берлин». – В 1958 г. отель и ресторан «Савой» (на углу Рождественки и Пушечной улицы) были переименован в «Берлин». С 1988 г. снова «Савой».

И. Г.: Ну вот. Туда он приглашает артистов, человек, по-моему, пятнадцать, и меня с женой. Жена не хотела ехать... Нет, она поехала. В машине мы отправили... значит, моя жена и Лидия Николаевна Назарова поехали в «Савой» на моей машине, а мы с Демьяном пошли пешком из «Мюзик-холла» (он находился на площади Маяковского) в «Савой», который у Кузнецкого моста. Пришли – там уже собрались артисты. Ну, был ресторан уже закрыт, был такой банкет, Демьян устраивал. Просидел я там часов до двух ночи. Демьян выступил, что вот... ну, там с тостами, что вот «Гронский мой лучший друг, что он меня спас» и прочее, и прочее, и прочее. Я ответил Демьяну. Прошло некоторое время. Я говорю: «Демьян, я могу поехать домой? Ты не наглупишь?» Он говорит: «Можешь ехать совершенно спокойно. Всё в порядке. Ничего не будет».

(Слышен детский плач.)

В. А.: Это у вас маленький плачет?

И. Г.: Маленький.

В. А.: Второй?

И. Г.: Второй. Он болен, к сожалению.

В. А.: А что с ним?

И. Г.: Да вот, кроме фурункула здесь (*показывает*), у него была температура. Простуда просто. Простая простуда. (*Продолжает рассказывать.*) И я уехал домой. На другой день Демьян ко мне пришел. Уже мы с ним беседовали по другим... литературы... Это был 32-й или 33-й год. Но это легко можно будет узнать, когда была генеральная репетиция, когда была премьерамюзик-холльная, это узнать нетрудно¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Это был 32-й или 33-й год. Но это легко можно будет узнать, когда была генеральная репетиция, когда была премьерамюзик-холльная, это узнать нетрудно. – 16 апреля 1932 г. Демьян Бедный в письме к Сталину, жалуясь на намечающийся запрет спектакля по его пьесе, попросил организовать в Мюзик-холле закрытый показ, на котором мог бы присутствовать и сам адресат. 17 апреля Политбюро образовало выездную комиссию из пяти человек: К. Е. Ворошилова, А. С. Бубнова, А. С. Енукидзе, А. П. Смирнова и В. В. Шмидта, которой поручалось посмотреть спектакль и «дать свою оценку» (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП (б)-ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / составители Андрей Артизов и Олег Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 172). Спектакль состоялся 18 апреля. А на следующий день Политбюро опросом постановило «принять предложение комиссии пяти о разрешении к постановке пьесы Д. Бедного “Как 14-я дивизия в рай шла”» (Там же. С. 754).

Затем идут встречи и после того, как я уже ушел из «Известий» в 34-м году... Кстати, меня сменил там Бухарин в 34-м году, и отношения у Бухарина с Демьяном и у Демьяна с Бухариным были, вообще говоря, не шибко хорошие.

В. Д.: Понятно.

И. Г.: Но подробности как-то у меня... мне как-то не запомнились, по крайней мере: в чем там дело, на каких, что называется, препятствиях они спотыкались – я не знаю, просто не интересовался, да и был тяжело болен, мне не до этого было. Но с Демьяном встречался, чаще у него дома. Иногда гуляли мы. На дачу к нему вместе ездили, там бродили с ним. И вот как-то Демьян, году, вероятно, 37-м, в конце, или в 38-м, в самом начале, звонит мне по телефону и просит немедленно приехать.

В. Д.: Простите, а «Дивизия...» эта самая так была разрешена и шла?

И. Г.: Да. Разрешена, и шла. (*Продолжает.*) Просит приехать...

В. Д. (*сам себе*): Прошло несколько лет.

И. Г.: ...немедленно. Ну, я вызвал машину, тут же поехал, это несколько минут, приехал к нему... А там так: входишь...

В. Д.: Это уже на Рождественку приехали?

И. Г.: Да. На Рождественский. На Рождественском бульваре. Входишь – две-три ступени вверх, тут вешалка. Я снял пальто. Там, кажется, еще несколько ступенек было, по-моему, две и налево столовая, так направо большой такой зал.

В. Д.: И лестница вверх.

И. Г.: И тут лестница идет на второй этаж.

В. Д.: Деревянная.

И. Г.: Да-да. Ну вот. Слышу голос Демьяна в столовой. Я захожу – он ругается с тещей, с матерью Лидии Николаевны, причем употребляет довольно крепкие выражения, нецензурного порядка. Я упрекнул Демьяна. Что-то стала мне говорить его теща про Демьяна. Я говорю: «Знаете что, убирайтесь на кухню! Вам тут нечего делать. Демьяна я знаю лучше вас». И она быстро ушла. Демьян мне жалуется на Лидию Николаевну, говорит вещи жуткие и глубоко нецензурные.

” В это время входит, буквально влетает, Лидия Николаевна, говорит: «Иван Михайлович, Демьян враг, троцкист и так дальше». Я говорю: «Лидия Николаевна, ведь вы с Демьяном недавно вообще знакомы. А я Демьяна знаю много лет. И вы мне можете об этом не говорить. Какой он, к чертям, враг?» Ну, Демьян осыпает ее бранью.

В. Д.: А он еще... уже был исключен из партии?

И. Г.: Нет! Еще нет. Нецензурное объяснение.

В. Д.: А он не пьян был?

И. Г.: Нет. Он бросался к Лидии Николаевне. Я беру... швырнул его в кресло.

В. А.: Его или ее?

И. Г.: Его.

В. Д.: Вы его?

И. Г.: Да. У меня, знаете, силушки-то слава богу, а лапы, что называется... я его сгреб, несмотря на его тучность, бросил в кресло, говорю: «Лидия Николаевна, уходите». – «Иван Михайлович, я вас очень прошу зайти ко мне». – «Ну, хорошо, зайду». Ну, когда она ушла, я говорю: «Дурак, что ты делаешь? Ты же Демьян Бедный. Неужели ты не понимаешь, что своим поведением ты позоришь и себя, и партию». Он как-то сразу скис. «Давайте, – говорит, – поедем ко мне на дачу». Я говорю: «Хорошо. Ладно. Я позвоню домой, скажу и поедем. Но я раньше зайду к Лидии Николаевне». Я захожу к Лидии Николаевне. В этом большом зале посреди был столик, вот мы за этим столиком вели разговор. Она говорит: «Что делать? Что делать?»

В. Д.: С ней разговор у вас или с ним?

И. Г.: Нет, с ней. С Лидией Николаевной. А Демьян остался в столовой. А я вот в эту большую комнату, посреди такой стол стоял, меньше, круглый, так вот сидела Лидия Николаевна, так я. Она спрашивает, что делать. Я говорю: «Лидия Николаевна, надо разводиться. Расходитесь немедленно. При такой обстановке, при таких отношениях ни вы не сможете работать, ни Демьян». И она со мной согласилась. Ну, я с ней поговорил недолго. Позвонил по телефону жене, что я еду к Демьяну на дачу, чтоб она меня не ждала, не беспокоилась. И мы с Демьяном уехали к нему на дачу.

В. Д.: Это на бывшую дачу Каменева?

И. Г.: Да. Там мы с ним пообедали, немножко выпили. Он пил коньяк. Он был болен диабетом. Причем мы его посылали за границу лечиться от диабета. Вместе с Верой Руфовой он туда ездил¹⁷⁰. Ну вот. Вот он пил коньяк (он водки не пил), пили коньяк, не так уж много, он мне говорил много всяких вещей, в частности, что он... Играем мы с ним на бильярде... Он говорит: «Ну что вот вы поддерживаете всяких там бывших людей». Я говорю: «Кого ты имеешь в виду?» – «Ну, хотя бы Толстого Алексея, возитесь с ним, граф. Вам нужны аристократы... Я больше чем граф. Я сын великого князя Константина Константиновича...»¹⁷¹

¹⁷⁰ ...мы его посылали за границу лечиться от диабета. Вместе с Верой Руфовой он туда ездил. – По инициативе И. В. Сталина постановлением Политбюро ЦК Демьян Бедный был отправлен на лечение в Германию (Франкфурт-на-Майне, Баден-Баден) инкогнито на два месяца (июль – сентябрь 1928), как уточнил тот же Сталин, «с женой и одним сопровождающим, знающим немецкий язык» (Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. С. 129). Знаток немецкого языка оказался охранником от ГПУ (Там же. С. 130).

¹⁷¹ Великий князь Константин Константинович (литературный псевдоним К. Р.; 1856–1915) – внук Николая I, генерал от инфантерии (1807), президент Санкт-Петербургской Императорской академии наук (1889), поэт, переводчик и драматург.

В. А.: Я как раз хотела спросить: это сплетни или нет?

И. Г.: ...Сын великого князя Константина Константиновича. Ну, я расхохотался, рассмеялся, говорю: «Демьян, брось ты выдумывать». «Я, – говорит, – не выдумываю. Ведь вот когда хоронили воспитателя его детей, то гроб выносили трое его сыновей и я». (То есть Демьян Бедный.) Значит, трое законных и он, четвертый, незаконный сын.

В. Д.: Константин Константинович?

И. Г.: Да-да.

Великий князь Константин Константинович. 1903. Источник: wikipedia.org

В. Д.: Это, значит, двоюродный брат Александра III?

И. Г.: Да. К. Р. – поэт. Ну вот. И он мне начал приводить факты. Что он был отдан на воспитание... имевших отношение ко двору, каким-то простым людям, причем и фамилию ему дали Придворов, и он там воспитывался. Потом он учился. И когда стал вопрос о его продолжении учения...

В. Д.: Учился где? В лицее?

И. Г.: Нет, он учился как простой человек, в средней школе.

В. Д.: А не в лицее цесаревича?..

И. Г.: Не-е-ет! Он виделся, уже взрослый, виделся со своим отцом, Константином Константиновичем, и Константин Константинович настаивал на том, чтоб он пошел в военное училище¹⁷². Дескать, вот ты выйдешь из военного училища в гвардию, получишь, значит, такой-то чин, потом в Академию Генштаба, ктаким-то годам ты будешь полковником, то есть полным дворянином.

¹⁷² ...Константин Константинович настаивал на том, чтоб он пошел в военное училище.– После четырехлетней сельской школы в 1896 г. Ефим Придворов поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу, которую окончил через четыре года. Экзамен на аттестат зрелости он сдал экстерном.

А Демьян хотел идти в университет. И вот это была первая, по его словам, стычка с отцом, то есть с великим князем Константином Константиновичем.

В. А.: То есть как «первая»? Он же с ним не встречался?

И. Г.: Встречался.

В. А.: И до этого?

И. Г.: Да.

В. Д.: А мать он знал?

И. Г.: Минутку. Доберемся до всего.

В. Д.: Хорошо.

И. Г.: Первая пока серьезная размолвка: он не послушал отца и пошел в университет, а не в военное училище. И дальше. Когда еще он был ребенком... Он говорит: «Я смутно помню, что меня одевали в костюмчик военный, с погонами полковника, и привозили меня в какой-то, – говорит, – очень богатый дом. Лестница коврами устлана, зеркала... И выходила, – говорит, – женщина, очень красивая, в черном платье, очень печальная, сажала меня на колени, плакала, целовала. И я не знал, что это за женщина». Я говорю: «Ну, а теперь ты знаешь?» – «Да, – говорит, – знаю. Это была графиня Клейнмихель». Таким образом, матерью Демьян своей назвал графиню Клейнмихель¹⁷³, а отцом великого князя Константин Константиновича. Он внебрачный сын вот этих двух персонажей¹⁷⁴.

¹⁷³ Графиня Клейнмихель Мария Эдуардовна (при рождении графиня Келлер; 1846–1931) – фрейлина императрицы Марии Александровны (супруги Александра II и матери Александра III), с 1871 г. жена графа Николая Петровича Клейнмихеля (1836–1878); хозяйка великосветского салона в Петербурге, мемуаристка. Родила двух дочерей: Ольгу (1874–1946) и Марию (1878–1916). Располагала дачей на Каменном острове и особняком на Сергиевской улице, 33–37. Эмигрировала в апреле 1919 г. Выпустила воспоминания «Из потонувшего мира» (Берлин: Глагол, 1923. – 304 с.), в сокращении переизданные в СССР (Пг.; М.: Петроград, 1923. – 86 с.). Умерла в Париже.

¹⁷⁴ Он внебрачный сын вот этих двух персонажей.– Этот же рассказ Демьяна Бедного о своем происхождении в кратком изложении Гронского был записан 21 сентября 1959 г. сотрудником ЦГАЛИ В. П. Нечаевым (Нечаев Вячеслав. Ненаписанные воспоминания // Минувшее: ист. альманах. 16 / гл. ред. Владимир Аллой. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 106).

В. А.: А почему его надо было отдавать? Она могла его при себе сохранить, раз она была замужем¹⁷⁵, и никому не было известно, что это сын Константина Константиновича.

¹⁷⁵ Она могла его при себе сохранить, раз она была замужем...– К 1883 г., когда родился Ефим Придворов, графиня Клейнмихель уже вдовствовала пять лет.

И. Г.: Этого уж я не знаю, почему... Не знаю, почему. Графиня Клейнмихель, по-моему, была замужем в это время.

В. А.: Вот я и говорю.

И. Г.: Она могла выдать за своего ребенка.

В. А.: Вот в том-то и дело. За ребенка своего мужа.

И. Г.: Да-да-да. Но почему-то вот этого не произошло. Поэтому, понимаете, у меня сомнения до сих пор коренятся от этих рассказов Демьяна Бедного.

В. А.: Это он трезвый рассказывал?

И. Г.: Ну, после двух-трех рюмок коньяку. Так что можно считать, трезвым совершенно. Он не был пьян в это время.

Графиня М. Клеймихель (Келлер). Источник: wikipedia.org

В. Д.: А семья, в которой он рос... он, так сказать, он... постоянно... долго вырос в простой семье? И он знал семью?

И. Г.: Не знаю, бывал он там, не знаю. Он еще мне говорил, что... Я, говорит, не нуждался в деньгах. Я получал от отца, то есть от великого князя, чуть ли не две тысячи рублей в месяц на расходы. Теперь. В какой-то мере, подтверждают это правдисты. Например, фактор «Правды» Владимиров мне рассказывал такую вещь, что Демьян Бедный был белоподкладочником¹⁷⁶, студентом. Студенты-белоподкладочники...

¹⁷⁶ ...Демьян Бедный был белоподкладочником... – Белоподкладочники – богатые студенты, придерживавшиеся обычая носить сюртук на белой шелковой подкладке в отличие от разночинцев, довольствовавшихся практичной черной саржевой подкладкой. Сам Демьян Бедный вспоминал, что студенты приняли его «не очень радушно как красноподкладочника», намекая на недавний армейский мундир. Но красной шелковой подкладкой обычно подшивались мундиры гвардейских офицеров, а он офицером не был и в гвардии не служил. Однако впоследствии говорил в шутку своему бывшему однокурснику, археографу Александру Игнатьевичу Андрееву: «...вы не ошиблись, подкладка-то действительно оказалась красной» (Шилов Ф. Записки старого книжника / ред. и предисл. Вл. Лидина. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1959. С. 145).

В. А.: Первая категория.

И. Г.: ...это аристократия студенческая, понимаете? Ну вот. Это одно. Другое. Что когда кого-либо сажали из политических... Ну, «Правда» была окружена, что называется, революционерами, и очень часто их сажали в тюрьмы, арестовывали, то говорили: «Обратитесь к Демьяну. Он связи имеет и может добиться освобождения». И никогда никто из революционеров не обращался по этому поводу к Демьяну Бедному.

Надо вам сказать, что в партиях революционных, и у большевиков, и у других партий, была такая традиция, закон неписаный: если арестован – не подавай никаких прошений о помиловании, приговорен к смертной казни через повешение – не подавай заявление о помиловании. Иди на виселицу. Иди на расстрел.

Не проси царское правительство о помиловании. Если кто-либо подавал прошение – его вышибали, презирали, бойкотировали. Понимаете? И так как Демьян... вот тогда уже, так сказать, в старой «Правде», ходили слухи о том, что Демьян сын великого князя, поэтому к нему не обращались с подобного рода просьбами. Это первое. Второе. Как-то раз Демьян был арестован. Арестован. Притащили его в часть. Ну, в нашу милицию, по-теперешнему. Тогда участок, полицейская часть. Он там просидел два дня – и он был освобожден. Какой-то чин высокий приехал, и он был освобожден немедленно. И когда на даче у Демьяна собирались революционеры, большевики, шпики ходили вокруг дачи, но на дачу никто не заглядывал. А дело, видите ли, в том, что не полагалось устраивать обыски, а тем паче аресты членов императорской фамилии. Когда, например, Дмитрий Павлович и Феликс Юсупов убили Распутина, то ведь Юсупова сослали... то есть предложили ему поехать в имение, уехать из Петрограда. Только. Ведь его не вызывали никуда ни жандармы, ни полицейские...¹⁷⁷

¹⁷⁷ Великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942), внук Александра II, двоюродный брат Николая II. Князь Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967), муж племянницы Николая II Ирины Александровны. После убийства Григория Ефимовича Распутина (в ночь на 17 декабря 1916) Дмитрия Павловича царь отправил в Персию на турецкий фронт под начало генерала Баратова. Сопроводять великого князя должны были генерал Лейминг и адъютант его величества граф Кутайсов. Феликс Юсупов был сослан пожизненно в родовое имение Ракитное в одноименной слободе в шестидесяти верстах (64 км) от Белгорода. Сопроводять его назначили офицера-наставника пажеского корпуса капитана Зенникова и агента охранки Игнатьева.

В. Д.: Пуришкевича вызывали¹⁷⁸.

И. Г.: ...ни охранка – никто не вызывал его. Никто не вызывал его. Никто не вызывал. Ему предложили поехать в имение. И он уехал в свое имение в ссылку.

В. Д.: В Архангельское, да?

И. Г.: Нет, в Орловскую губернию. По-моему, не в Архангельское, по-моему, в Орловскую губернию¹⁷⁹.

¹⁷⁹ *Ему предложили поехать в имение. <...>по-моему, в Орловскую губернию.* – При образовании Белгородской губернии (1727) Ракитная слобода была отнесена к ней. Но вскоре отошла к Курской губернии. В советское время возвращена Белгородчине.

В. Д.: А, ну, может быть. Там тоже имение было?

И. Г.: Теперь. Дмитрия Павловича, конечно, не могли и пальцем тронуть. Кстати, я о всей этой операции убийства Распутина знаю от Сухотиных. Их было два брата, оба лейб-гусары¹⁸⁰. Один, Павел Сухотин, писатель, как вы знаете.

¹⁸⁰ *...о всей этой операции убийства Распутина знаю от Сухотиных. Их было два брата, оба лейб-гусары.* – Прямо участвовал в убийстве Сергей Михайлович Сухотин (1887–1926). В начале Первой мировой войны он служил в Лейб-гвардии 1-м стрелковом полку, был ранен и контужен. На излечении находился в Петрограде в военном госпитале З. Н. Юсуповой, матери Феликса Юсупова-младшего. В начале 1916 г. поступил в резерв чинов Главного управления Генерального штаба. К «операции убийства» привлечен Феликсом Юсуповым. Офицером из его братьев был Михаил Михайлович Сухотин (1884–1921). Писатель (поэт, прозаик, драматург, переводчик) Павел Сергеевич Сухотин (1884–1935) в близком родстве с ними не был.

В. А.: Вот который в ООН работает?

В. Д.: Его нет.

И. Г.: Тот умер. Паша Сухотин – писатель, мой приятель. Я с ним много возился. А второй Сухотин, его родной брат, тоже лейб-гусар, адъютант великого князя Дмитрия Павловича, принимавший участие в убийстве Распутина. Оба они пьяницы. Вот адъютант пил больше. Паша пил меньше. Но пили оба здорово.

” С Павлом я встречался много и часто, а с тем я встречался раза два или три, и он мне рассказывал, как убивали Распутина, так что я из первоисточника знаю всю эту штуку. Ну, это между прочим.

В. Д.: Может, это, правда, имеет смысл записать?

И. Г.: Так вот. Да нет, тут не стоит распространяться об этом шибко много. Так вот, видите ли, Демьяна не арестовывали. Выпустили и его не трогали. И на дачу, даже когда уже знала охранка, что там революционеры, на дачу не заглядывали. Понимаете? Теперь, когда...

В. Д.: А как, с его слов, он прибил к большевикам? Как он из Придворовых, белоподкладочников, пристал к «Правде» и к большевикам?

И. Г.: Ну, дело, видите ли, в том, что тут большую роль сыграла Вера Руфовна. Она была курсисткой, прогрессивно настроенной женщиной и она его, собственно говоря, утащила в революцию.

В. А.: Она еврейка?

И. Г.: Еврейка. Теперь дальше. Она сыграла такую же роль, какую Мария Федоровна сыграла с Горьким, в отношении с Горьким. Мария Федоровна Андреева, будучи членом партии большевиков, втащила в партию Горького или способствовала...¹⁸¹

¹⁸¹ *Андреева М. Ф.* (1868–1953) – актриса, политическая и общественная деятельница; жена А. М. Горького (1904–1921). В 1899 г. примкнула к социал-демократам, в 1904 вступила в РСДРП, стала успешным финансовым агентом большевиков. Под ее влиянием в 1894–1905 гг. Горький сблизился с социал-демократической партией и вступил в нее. Возглавляя с 1918 г. Театральный отдел Петросвета, Андреева инициировала создание Большого драматического театра в Петрограде, где и завершила артистическую карьеру. Заведовала художественно-промышленным отделом советского торгпредства в Берлине (1926–1928), распродала реквизированное в СССР частное и церковное имущество, сокровища Эрмитажа и других музеев, чтобы получить твердую валюту для государства. В течение полутора десятилетий возглавляла Московский Дом ученых (1933–1948).

В. Д.: Горький не был в партии большевиков, он приблизился...

И. Г.: Нет, Горький был членом партии большевиков.

В. Д.: В какие же годы?

И. Г.: Примерно с 4-го года¹⁸².

¹⁸² *...Горький был членом партии большевиков... Примерно с 4-го года.* – Мемуарный очерк «В. И. Ленин» (1930) А. М. Горький начинает со знакомства со своим персонажем на Лондонском, V съезде РСДРП (30 апреля – 19 мая 1907), где сам присутствовал в качестве почетного гостя с совещательным голосом. Но книгоиздатель К. П. Пятницкий, тесно сотрудничавший с Горьким, запомнил встречу Ленина и Горького 27 ноября 1905 г. в Петербурге на заседании ЦК РСДРП, обсуждавшем вопрос о вооруженном восстании и о газете большевистского направления «Новая жизнь», основанной Горьким в октябре.

В. Д.: Ну ладно, сейчас Горького оставим пока. Тут давайте завершим...

И. Г.: Больше того, он был связан с боевой организацией¹⁸³. Больше того, он выполнял прямые поручения ЦК.

¹⁸³ *...он был связан с боевой организацией.* – Во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве квартира Андреевой и Горького на Воздвиженке была штабом боевиков, где договаривались о согласованных действиях и снабжали оружием.

В. Д.: Это-то да, но он мог выполнять поручения...

И. Г.: Нет, был членом партии, был он, был. Он потом как-то так, автоматически, выбыл. Потом. Но он был членом партии

большевиков, самым настоящим, так сказать, и организационно оформленным, всё чин чинком, с партийным... имел партийный билет и так дальше. Ну вот. Вера Руфовна его... способствовала его эволюции, Демьяна Бедного, и способствовала вступлению в партию большевиков. Он вступил в партию большевиков, Демьян, в 1912-м году. Так вот...

В. Д.: Значит, ему было двадцать девять лет.

И. Г.: Да. Так вот, этот скандал, который разыгрался на Рождественском бульваре, меня не на шутку встревожил. На другой день я... значит, мы были на даче... потом на другой день я к нему приехал, он мне позвонил. Я беседовал с ним в присутствии его сыновей, настаивал на том, чтоб Демьян Бедный разошелся с Лидией Николаевной. И он мне дал слово (сыновья были со мной согласны, сыновья Демьяна), он мне дал слово, что он с Лидией Николаевной разведется. Говорил я с Лидией Николаевной. И они ходили в ЗАГС, но ЗАГС был закрыт. И они развода не оформили.

После этой вот второй беседы и после, как я узнал, что Демьян не разошелся с Лидией Николаевной, я вторично с ним говорил. Я говорю: «Пойми, Демьян, что твои скандалы, пьянство, причем скандалы в общественных местах (в Кружке артистов на Пименовском)¹⁸⁴, что всё это порочит и тебя, и партию и что дело может кончиться очень плохо для тебя. Поэтому немедленно расходишься с Лидией Николаевной и возвращайся к Вере Руфовне. Собери всю семью и резко измени весь образ жизни. И это тебя спасет».

¹⁸⁴ Кружок артистов на Пименовском – полуподвальный Клуб театральных работников Москвы в Старопименовском переулке, открытый в феврале 1930 г. и продержавшийся по этому адресу до 1939 г. (ныне ЦДРИ).

Он со мной соглашался. Но ничего не сделал. Ничего. Я позвонил... И <он> вновь стал толковать о самоубийстве и о прочем. Я не верил в самоубийство, но все-таки какое-то чувство опасности, по-видимому, возникало. Я позвонил Сталину. У меня на квартире была вертушка кремлевская, оставалась еще. Я говорю, что...

В. Д.: Что, еще в 37-м году была вертушка?

И. Г.: Нет, у меня уже в 37-м году ее срезали, после того, как я со Сталиным поругался за Тухачевского – арестовали Тухачевского, я позвонил Сталину и с ним поругался¹⁸⁵. Через два дня ко мне пришли и вертушку у меня срезали, так что я звонил Сталину уже не по вертушке, а по городскому телефону. Но меня сразу соединили. Я рассказал ему всю эту историю с Демьяном Бедным. Он начал очень резко говорить о Демьяне Бедном, что вообще надо прекратить эти безобразия. Чуть ли не до предложения ареста. Я напомнил ему его отзыв о Демьяне 29-го года. «Да, но с тех пор он переродился». Я говорю: «Я считаю, что с Демьяном надо поступить так, как поступили в 32-м году, то есть с ним по душам должны поговорить руководители партии и настоять на изменении образа жизни Демьяна». Сталин вновь заговорил о том, что теперь совершенно другое время и другой Демьян, что он разложился, что за моральным разложением следует политическое разложение, поэтому из этого надо исходить и прочее, и прочее. Я возражал. Довольно резко.

¹⁸⁵ ...арестовали Тухачевского, я позвонил Сталину и с ним поругался. – Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937), маршал Советского Союза (1935), первый заместитель наркома обороны (апрель 1936 – 10 мая 1937), был арестован 22 мая 1937 г.

Я вообще не стеснялся в выражениях в разговорах со Сталиным, у меня были с ним очень близкие отношения. И сам он меня много раз просил говорить ему правду, не стесняясь и не выбирая выражения. Поэтому я с ним говорил резко.

Он говорит: «Ну хорошо. Вы правы, арестовывать его не следует и нельзя: слишком большой авторитет в массах. Но прочистить, проработать его надо. Напишите заявление в КПК». Ну, я начал отказываться. Он говорит: «Нет. Это поручение Центрального Комитета. Извольте написать». Я крепя сердце написал заявление в ЦК (*поправка*) в КПК, Комитет партийного контроля. Причем любопытно: буквально на другой день или через день мне позвонил Шкирятов...¹⁸⁶

¹⁸⁶ Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) – член РСДРП с 1906 г., советский партийный и государственный деятель, секретарь Партколлегии ЦК ВКП (б) (1934–1939), член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1934–1939).

В. Д.: Возглавлявший КПК.

И. Г.: Да, партколлегия. ...И просил приехать в КПК. Я приехал в КПК. Там в приемной я застал перед кабинетом Шкирятова какого-то человека. Это был Сергеев, с которым Лидия Николаевна якобы жила. Так мне Демьян говорил. Да, кажется, и она не отрицала. Ну вот. Он сидел в приемной. Я зашел к Шкирятову. Там был Шкирятов и Караваев, председатель Московской контрольной комиссии¹⁸⁷, и Демьян Бедный – три человека, я был четвертым. Поздоровался со всеми. Шкирятов говорит: «Ну вот, без тебя Демьян признал свое морально-бытовое разложение, так что будем считать этот вопрос исчерпанным. Остаются вопросы идеологические и политические. Ну, тут... это область твоя – тебе и карты в руки». Я понял, что Сталин... собственно, он меня просил как можно резко выступать на КПК. (Я перед тем, как поехать в КПК ему позвонил.) Я понял, что Сталин проработку Демьяна возложил на меня. Ну, я Демьяну напомнил некоторые его незначительные колебания в разных вопросах и говорю, что «ты великолепно дрался с оппозициями, занимал, в общем, правильную партийную позицию, ну, и сейчас тебе надо вернуться... или с головой погрузиться в работу, партийно-литературную работу». И Демьян (он вообще был груб, бестактен, особенно когда нервничал), он начал бросать реплики по моему адресу. А я был большим мастером отвечать на реплики. Я в начале отвечал вежливо, так, дружески. Он закусил удила. Ну, тогда я отмахнулся, ответил резко. Шкирятов вдруг на него накинулся, что мы Гронского знаем, орел большевизма и прочее, и прочее. «Ты, Демьян, тут не разорься». Словом, началась руготня. Я молчал, а ругались, собственно, Шкирятов и Демьян. Я Шкирятову пишу записку: «Надо прекратить заседание. Толку не получится. Руготня сплошная». Он говорит: «Да. Ну, хорошо, вопрос совершенно ясен, и надо прекратить разговоры». Словом, заседание было закрыто. Никаких решений принято не было. Это было, если не ошибаюсь, в марте-апреле 38-го года. Ну, с Демьяном мы тут поругались уже, и, естественно, я думаю, что с Демьяном у меня отношения порваны. Я позвонил Сталину, рассказал ему о заседании КПК, говорю, что с Демьяном фактически отношения у меня порваны, поэтому я за Демьяна перед партией не отвечаю. Он говорит: «А может быть, надо как-то все-таки утрясти отношения?» Я говорю: «Нет. Я, во всяком случае, к Демьяну не пойду». Ну, я с Верой Руфовной в это

время встречался, бывал у них дома, и как-то раз мне Демьян позвонил, что, дескать, надо встретиться, поговорить. Я говорю, что мы встретимся после того, как вы разойдетесь с Лидией Николаевной. Когда вы с Лидией Николаевной отношения порвете и оформите разрыв официально, то есть с ней разведетесь, – тогда, говорю, я к вам приеду, и мы будем разговаривать. А пока вы с Лидией Николаевной продолжаете жить, то я считаю встречи и разговоры бесполезными. Это был мой последний разговор с Демьяном Бедным.

¹⁸⁷ *Караев Петр Николаевич* (1884–1952) – член РСДРП с 1904 г., секретарь Партийной коллегии Московской городской контрольной комиссии ВКП (б) (с 1928), член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1934–1939).

В. Д.: По телефону?

И. Г.: По телефону, да. В ночь на 1 июля я был арестован.

В. А.: После разговора о Тухачевском, да?

И. Г.: Разговор о Тухачевском был в 38-м году.

В. Д.: В 37-м.

И. Г.: В 37-м, может, даже раньше еще.

В. А.: А это был?

И. Г.: Это был 38-й год. Нет, это...

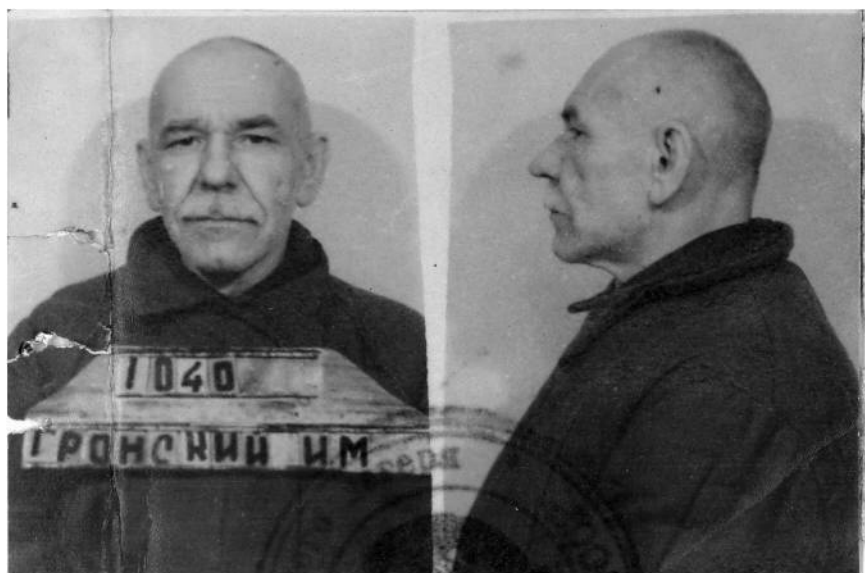

Со Сталиным я столько раз спорил, и резко, и всё прочее, так что все эти разговоры, все эти споры не имели никакого отношения к аресту моему, никакого. Не этим арест был вызван.

В. А.: Он же не прощал, по-моему...

И. Г.: Мне он прощал всё. Он сам просил говорить, и говорить резко, не стесняясь, и всю правду. Я вам уже говорил, что аресты близких Сталину людей были вызваны другими соображениями: он удалял людей, которые его хорошо знали, близких ему людей. И в их число я попал. Вот и всё. Так что тут ничего особенного нет. Ларчик открывался, говорят, просто. Ну вот. После моего ареста Демьян Бедный на парторганизации Союза писателей был исключен из партии, если не ошибаюсь, 13 июля...¹⁸⁸

¹⁸⁸ *...Демьян Бедный на парторганизации Союза писателей был исключен из партии, если не ошибаюсь, 13 июля...* – Из партии Демьян Бедный был исключен решением Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) 11 июля 1938 г. В очерке «Об отце» Дмитрий Придворов называет дату, припомнившуюся Гронскому: 13 июля 1938 г. (Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 222).

И. Гронский после ареста. 1938 (?). Источник: openlist.wiki

В. Д.: 38-го года?

И. Г.: Да, то есть через две – через три недели после моего ареста. Он был исключен из партии. В 60-х годах мне позвонили из КПК с просьбой помочь им в реабилитации Демьяна Бедного. Я говорю: «Подождите, вы что, либо шутите, либо хотите меня разыграть. Демьян же не был арестован». – «Верно, не был. Но он был исключен из партии. И сейчас стал вопрос о восстановлении Демьяна в партии. А вы всю эту историю знаете. Вот мы и просим вас приехать к нам и поговорить». Я к ним приехал. Мне дали дело Демьяна Бедного, и все ушли из комнаты. Я всё это прочитал, написал им заявление, и Демьян Бедный был восстановлен в партии.

В. Д.: Посмертно?

И. Г.: Посмертно. Вот и всё. В восстановлении его в партии принимала участие и Стасова. Так что я и Елена Дмитриевна добивались его реабилитации и восстановления в партии.

В. А.: Вера Руфовна, вы говорите, жива, а Лидия?..

И. Г.: Нет, она умерла.

В. А.: Она умерла?

И. Г.: Она умерла.

В. А.: А Лидия Николаевна жива?

И. Г.: Лидия Николаевна жива.

В. Д.: А у вас есть ее телефон, что-нибудь?

И. Г.: Нет, я с ней не связан. Она живет, по-моему, в прошлой квартире Демьяна Бедного. Ее фамилия Придворова, Лидия Николаевна. Поэтому легко телефон можно узнать, встретиться и поговорить.

В. А.: Он жил на улице Горького под конец, по-моему.

И. Г.: Я думаю, что она и сейчас там живет.

В. Д.: Особняк его на Рождественском – это Библиотека Литературного музея¹⁸⁹.

¹⁸⁹ *Особняк... на Рождественском – это Библиотека Литературного музея.* – Библиотека (книжные фонды) Литературного музея находилась на Рождественском бульваре до передачи особняка Церкви. С 2015 г. Библиотека располагается в Шелапутинском переулке, за Земляным валом.

И. Г.: Да. Оттуда выселили... После смерти Демьяна выселили Лидию... Николаевну... нет... его... Он переехал...

В. А.: Он переехал на улицу Горького¹⁹⁰.

¹⁹⁰ *Он переехал на улицу Горького.* – Из особняка на Рождественском бульваре Демьян Бедный уехал в 1941 г. в эвакуацию в Казань. А когда вернулся, по семейным обстоятельствам жить там не мог, и его поселили в гостинице «Москва». Когда же началось заселение элитного дома на улице Горького, напротив Моссовета, Демьян Бедный въехал туда наряду с Вячеславом Шишковым и Ильей Эренбургом.

И. Г.: ...на улицу Горького, и, по-видимому, Лидия Николаевна живет там. Вот так.

В. А.: А детей от нее у него нету?

И. Г.: Нет.

В. Д.: Он говорил, когда переехал туда... его спрашивали: «Где вы теперь живете?» – «Под юбкой»¹⁹¹.

¹⁹¹ *...его спрашивали: «Где вы теперь живете?» – «Под юбкой»... Потому что там на углу как раз грубо сделана скульптуракакой-то колхозницы, что ли... – И так, с 1944 г. Демьян Бедный жил в новом доме на улице Горького (теперь Тверская), 8. На этом доме с книжным магазином «Москва» висит соответствующая мемориальная доска. А наискось, на другой стороне улицы, на башенке дома 17 (угол Тверского бульвара) до 1958 г. балансировала статуя девушки с серпом и молотом (моделью для скульптора Георгия Мотовилова послужила балерина Ольга Лепешинская). Отсюда и обиходное прозвище дома.*

И. Г.: Где?

В. Д.: «Под юбкой». Потому что там на углу как раз грубо сделана скульптуракакой-то колхозницы, что ли...

В. А.: А! Да-да-да-да.

В. Д.: ...наверху. И он как раз там, на одном из верхних этажей получил квартиру.

И. Г.: Ну, вот о Демьяне Бедном.

О характере Сталина

В. Д.: Так. Значит, о Демьяне Бедном мы как раз заканчиваем, но хотелось спросить вас... к тому, что вы говорили. Вы как считаете, что ваши разговоры о Демьяне (о Тухачевском вы уже сказали), а о Демьяне Бедном не имели прямого отношение к вашему аресту?

И. Г.: Нет.

В. Д.: Нет?

И. Г.: Никакого.

В. Д.: А почему у вас такие основания, в чем же? В знании Сталина?

И. Г.: Да, конечно.

В. Д.: Какие же вы его черты в данном случае счита... мстительность?

И. Г.: Видите ли, это вопрос очень сложный, и едва ли стоит нам с вами толковать о Сталине. Я, во всяком случае, избегаю разговоров о Сталине.

В. Д.: Правильно.

И. Г.: Я Сталина считаю человеком бесспорно выдающимся, более того, великим. Он велик и в положительном, и в отрицательном. Человек, который очень много сделал для революции и много принес вреда революции.

В. А.: А чего больше?

И. Г.: Трудно сказать. Думаю, что больше положительного, чем отрицательного. Думаю, так. Хотя и то, и другое огромно. Это самый сложный характер из всех руководящих деятелей революции, самый сложный. И раскрыть характер Сталина не по плечу современным нашим литераторам. Я, во всяком случае, не вижу среди литераторов (их теперь очень много расплодилось) человека, который мог бы поднять эту тему. Нужен гений либо Шекспира, либо Бальзака, либо Льва Николаевича Толстого. Вот этим людям, пожалуй, он был по плечу. Но у нас нет ни Шекспира, ни Бальзака, ни Льва Николаевича Толстого. Будем ждать, когда они появятся. *(Усмехается.)* Тогда, вероятно, будут открыты и архивы, и тогда, вероятно, людям будет легче писать о деятелях революции.

В. А.: Какие архивы? Когда ваш, например, архив весь погиб. О каких архивах?..

И. Г.: Но архив Сталина сохранился.

В. Д. и В. А.: Неизвестно.

И. Г.: Сохранился. Но он еще пока не разобран, не приведен в порядок. Но сохранился. Вообще говоря, в архивах...

Видите ли, всех документов уничтожить нельзя, учтите.

Ведь вот, например, мы знаем, что Павел I не сын Петра III¹⁹². На этот счет есть, так сказать, в литературе упоминания, слухи, домыслы, предположения. Но ведь есть документы. Остались документы, которые знала и Екатерина, и которые знали Романовы, все цари знали, и они сохранились до наших дней¹⁹³.

¹⁹² ...мы знаем, что Павел I не сын Петра III. – Эти слухи подпитывались тем, что Павел Петрович родился только после девяти лет замужества его родителей. В отцовстве Павла подозревался первый фаворит великой княгини Екатерины Алексеевны Сергей Васильевич Салтыков (1722–1784).

¹⁹³ Но ведь есть документы. Остались документы, которые знала и Екатерина, и которые знали Романовы, все цари знали, и они сохранились до наших дней. Никаких документов как раз и нет.

В. Д.: Ну, Сталин вычищал документы строже, чем...

И. Г.: Всех документов уничтожить нельзя.

В. А.: Значит, Романовы, собственно говоря, не цари были?

И. Г.: Нет. Дважды. Дважды прекращался род Романовых. Во-первых, на Петре.

В. Д.: А потом на Петре III.

И. Г.: Как-то на одной из выпивок Петр обращается к графу Ягужинскому или Добужинскому: «Скажи, не ты ли мой отец?» Тот говорит: «Ну, государь, ваша матушка имела столько любовников, что я не знаю, от кого вы»¹⁹⁴. Но ясно одно: что Петр не сын Алексея Михайловича.

¹⁹⁴ Граф Ягужинский Павел Иванович (1863–1736) – дипломат, сподвижник Петра I, первый в русской истории генерал-прокурор (1722–1726, 1730–1735). Выходец из Литвы, приехал вместе с семьей в Россию только в 1787 г., когда малолетнему царю Петру было уже 15 лет. Возможно, что Ягужинский о чем-то был наслышан и готов был это повторить. Но мог ли Петр обращаться со столь деликатным вопросом к человеку, который заведомо ничего достоверного знать не мог? Художник Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957), видимо, попросту сорвался с языка.

В. Д.: Ну, оставим древнюю историю, она нам не...

И. Г.: Понимаете, это ясно. Толстой, Алексей, который работал над «Петром», утверждает, что Петр – сын Никона¹⁹⁵. По другим материалам, документам, что он... там... других людей сын. Во всяком случае, род Романовых кончился на Петре.

¹⁹⁵ Толстой, Алексей, который работал над «Петром», утверждает, что Петр – сын Никона. – В беседе с коллективом редакции журнала «Смена» (стенограмма напечатана в «Смене»: 1933. № 9, май. С. 12–13) Алексей Толстой говорил: «Я уверен, что Петр не сын Алексея Михайловича, а патриарха Никона. Никон был из крестьянской семьи, мордвин. В 20 лет он уже был священником, потом монахом, епископом и быстро дошел по этой лестнице до патриарха. Он был честолюбив, умен, волевой, сильный тип. Дед Петра, царь Михаил Федорович, был дегенерат, царь Алексей Михайлович – человек неглупый, но нерешительный, вялый, половинчатый. Ни внутреннего, ни внешнего сходства с Петром у него нет. У меня есть маска Петра, найденная художником Бенуа в кладовых Эрмитажа в 1911 году. Маска снята в 1718 году Растрелли с живого Петра. В ней есть черты сходства с портретом Никона. Петр действительно был знающим корабельным мастером, кузнецом, столяром и отличным резчиком. Он любил труд, мастерство и требовал этого от людей» (Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 13. Статьи 1910 – 1941 гг. / под ред. А. С. Мясникова, А. Н. Тихонова, Л. И. Толстой; коммент. Ю. А. Крестинского. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949. С. 496). Ничего, кроме художнической фантазии, в этом сообщении не было.

В. Д.: На Петре III.

И. Г.: Второй раз он кончился на Павле. То, что Павел I не сын Петра III, ясно совершенно. Ну, что дальше происходило, это надо на том свете *(усмехаясь)* побеседовать с матушками царей...

В. Д.: Ну, не будем на историю отвлекаться. А так мы вроде сейчас закончили о Демьяне Бедном. Мне только хотелось вас спросить: что же... вот вы сейчас сформулировали в общей форме о Сталине... Это ваша позиция была тогда и сейчас?

И. Г.: Видите ли, дело в чем. Я знаком со Сталиным с апреля 17-го года. Я с ним познакомился в «Правде» в 1917-м году. Меня познакомил Вячеслав Михайлович Молотов с ним. И вот с 17-го года по день ареста – 38-й год – я был так или иначе связан со Сталиным. Дело в том, что я вел партийную работу, был секретарем губернского комитета, был замучрастпредом МК, принимал участие в борьбе со всеми оппозициями, причем очень активно. А будучи редактором «Известий», председателем Оргкомитета <Союза> писателей, я постоянно общался со Сталиным. Или мы созванивались с ним по вертушке, или встречались на Политбюро. Я к нему ходил без всяких докладов, когда мне нужно было. Он мне часто звонил: не можете

ли вы ко мне приехать? Я к нему приезжал, беседовали мы с ним.

Так что Сталина я знал очень хорошо. Это, повторяю, человек бесспорно выдающийся. Он заболел.

В. Д.: Заболел? Это в основе было?

И. Г.: Да. Заболел. И вот отрицательные черты его характера возобладали над положительными в период болезни. Тут уж...

В. Д.: Он заболел уже в конце 20-х годов?

И. Г.: Нет, в 30-х годах. Я впервые заметил заболевание в 33-м¹⁹⁶, по мнению Поскрёбышева, его помощника, в 34-м, тут мы с Сашкой немножко расходимся, с Поскрёбышевым. Это мой приятель тоже, между прочим. Ну вот. И болезнь, она, собственно говоря, сыграла роль роковую: и для самого Сталина, и для партии, и для народа. Принято сейчас, вообще говоря, лягать Сталина, поносить, что...

¹⁹⁶ Летом 1974 г. журналист «Литературной газеты» Константин Михайлович Черный расспрашивал И. М. Гронского о Первом Всесоюзном съезде советских писателей для публикации к 40-летию этого съезда. И пересказал в редакции эпизод, который для Гронского обозначил начало болезни Сталина. На заседание Политбюро был вынесен отчет А. Б. Халатова о работе возглавляемого им Объединения государственных журнально-издательских центров, куда входили 27 издательских центров (Госиздат, «Земля и фабрика», «Московский рабочий», «Молодая гвардия», «Советская энциклопедия», «Безбожник» и др.). Сталин сидел за столом, как учитель в классе, а члены Политбюро – лицом к нему, как ученики, по двое за своими столами. Для доклада Халатов в шапку, которую не снимал, опираясь на палку, сбоку подошел к столу Сталина. Сталин отшатнулся и резко спросил: – Па-чему в шапке? Халатов стал объяснять, что, дескать, он так привык. – Па-чему в шапке?! – раздраженно повторил Сталин, порывисто встал и вышел вон из комнаты. Соратники молча сидели на своих местах. После длительной паузы дверь открылась, Сталин вернулся, сел и поднял руку. Молотов предоставил ему слово. – В свое время, – сказал Сталин, – мы объединили наши издательства под общим руководством, которое слишком явно причисляет их под одну гребенку, сковывает их инициативу. Я предлагаю предоставить им самостоятельность. – Кто за это предложение? – спросил Молотов, огляделся и объявил: – Принято единогласно. Халатов, вошедший в комнату крупным руководителем, вышел никем. Впоследствии ему подыскали должность в Наркомате путей сообщения.

В. Д.: Сейчас-то уже...

И. Г.: ...пустышка, палач, то, другое, пятое, десятое. Я не отношусь к людям, которые, понимаете, исходят из конъюнктурных мнений и модных всяких характеристик. Я пытаюсь понять характер человека, его место в истории или, скажем, в истории литературы и в истории искусства, в чем-либо другом.

Если согласиться с критиками Сталина, что это, вообще говоря, пустышка, палач и всё прочее, что у него ничего другого за душой нет, то как вы объясните в этом случае, что вот этому самому человеку удалось в период войны так сплотить всю страну, подчинить себе вся и всё и всех и, больше того, организовать на своей стороне, на стороне Советского Союза, пятьдесят шесть государств, в том числе Англию, Соединенные Штаты, Францию, и всех прочих? Причем: Черчилль боялся Сталина, Рузвельт боялся Сталина. Вот как удалось ему управлять чуть ли не всем миром?

В. Д.: Но... будучи больным?..

И. Г.: Видите ли, дело в чем...

В. Д.: Как вы считаете?

И. Г.: Шизофрения – это особая болезнь.

В. Д.: Да. Есть гениальные математики-шизофреники.

И. Г.: Я знаю, я знал нескольких шизофреников. Я бы вот вас пригласил, скажем, ну, вот товарищеская такая встреча, посадил бы пару шизофреников, о которых я знаю, что они шизофреники, от таких людей, как Минор, как Крамер, как Россолимо, крупнейшие невропатологи, как Фёрстер¹⁹⁷, и пригласил бы вас. И вот мы сидели бы, скажем, ну, выпивали коньяк или пили чай или кофе, беседовали бы по всяким вопросам и так дальше. И когда бы люди все ушли, я б вас спросил, заметили ли вы что-нибудь ненормальное в поведении вот этих людей. Я убежден, вы бы мне сказали: «Какие обаятельные люди, какие умные, какие разносторонне образованные люди».

¹⁹⁷ Перечислены светила невропатологии. *Минор Лазарь Соломонович* (1855–1942) – доктор медицины (1882), директор клиники нервных болезней при Московских высших женских курсах (1910–1932), один из основателей Московского общества невропатологов и психиатров (с 1927). *Крамер Василий Васильевич* (1876–1935) – один из создателей советской нейрохирургической школы, ассистент Л. С. Минора на кафедре неврологии Московских высших женских курсов (1910–1924), лечащий врач В. И. Ленина (с мая 1922 по январь 1924), профессор (1920). В 1929 г. совместно с Н. Н. Бурденко основал при Государственном рентгеновском институте нейрохирургическую клинику, преобразованную в 1934 г. в Центральный нейрохирургический институт, и стал в нем директором по науке (1934–1935). *Россолимо Григорий Иванович* (1860–1928) – однокурсник в Московском университете и близкий друг А. П. Чехова; доктор медицины (1887), заведующий клиникой нервных болезней при клинике внутренних болезней А. А. Остроумова (1890–1911), преподаватель Московского университета (до 1911). В 1917 г. вернулся в университет и принял кафедру нервных болезней, возглавил Неврологический институт им. А. Я. Кожевникова и клинику нервных болезней. *Фёрстер Отфрид* (1873–1941) – один из зачинателей немецкой и мировой нейрохирургии, создатель Неврологического исследовательского института в Бреслау (ныне Вроцлав), по сути главный лечащий врач В. И. Ленина (с декабря 1922 по январь 1924).

В. Д.: Шизофреники есть всякие. Вот, в частности, я...

И. Г.: Шизофреник одновременно и нормальный, и не нормальный. У Сталина была паранойя. Собственно, она сопровождается маниями: манией преследования, манией величия. Ну, мания преследования выразилась, скажем, в репрессиях. Мания величия... собственно, он и так был велик, без всякой мании... по-настоящему велик. И, допустим, он преувеличил свое историческое значение, значение в истории революции, вообще в мировой истории (допустим на минуту), но за его спиной была великая держава, колоссальная сила власти и колоссальные вооруженные силы. И весь мир трепетал перед Сталиным, перед Советским Союзом. И он доказал своей деятельностью, что мир-то правильно трепетал, его заставляли трепетать. Гитлеровская машина, которая покорила Европу, и все считали часы, когда, собственно говоря, погибнет Советский Союз: и Черчилль, и Рузвельт, и все, военные, невоенные люди, – все считали, что вообще Советский Союз обречен, что бороться с немецкой армией Советский Союз не в состоянии... Да и никто не в состоянии. Нет такой силы,

которая могла бы сокрушить немецкую фашистскую армию. И вдруг фашистская армия и всё мобилизованное, поставленное на службу фашизму государство, несмотря, так сказать, на всю поддержку их, вся эта махина колоссальная была разгромлена, и сам Гитлер покончил жизнь самоубийством. Как вы думаете, это не внушало соответствующие отзывы и политическим деятелям, и умудренным государствам уже, и кому угодно. И этого Сталин добился.

Я считаю, что сочетание двух гениев в этой войне дали победу Советскому Союзу: гениальный военный стратег Жуков и гениальный политический стратег и организатор Сталин – вот это такое редкостное сочетание создало такое руководство военное, государственное, хозяйственное и всякое иное, дипломатическое и так дальше... которое позволило нам победить.

В. Д.: Вы что считаете Жукова гениальным военным стратегом?

И. Г.: Безусловно. Это Суворов нашего времени. Я с Жуковым проговорил одну ночь. Мы с ним сидели у Зины Гавриловны Орджоникидзе (вдова Серго), нам дали бутылку коньяку, все они были в другом месте, в столовой, а мы с ним сидели вдвоем и продолжали разговаривать...

(Провал в записи.)

И. Г.:... Дело, видите ли, в том, что Александр¹⁹⁸, собственно говоря, не был сколько-нибудь талантливым военным человеком, судя по литературе, Кутузова...

¹⁹⁸ Александр I (1777–1825) – российский император (с 1801), доверивший в ходе Отечественной войны 1812 г. Русскую армию М. И. Кутузову.

В. Д.: А вы считаете, что Сталин был военным человеком?

И. Г.: Посредственным. Он не был военным человеком, но он, повторяю, еще... я не знаю, обратили ли вы внимание, я подчеркиваю всё время: политический стратег.

В. Д.: Но тогда «генералиссимус» есть элемент мании величия.

И. Г.: А мне неважно: он полковник или генералиссимус.

В. Д.: Вы говорили о мании величия.

И. Г.: Мания... мания величия. Ну, хорошо, присвоил себе генералиссимуса, черт с ним...

В. А.: Вы один момент упустили: что такое фашизм. Ведь фашизм ненавидели все. Фашизм сам себя убивал тоже. Не только, понимаете, потому, что Сталин был гениальный человек, а фашизм сам себя...

И. Г.: Нет! Нет! Имейте в виду, что Гитлеру удалось сплотить всю нацию, вот в чем суть-то. Понимаете? Люди... Я вот многих спрашивал, из вояк наших, как немцы умирали. Ведь так... почти фанатически люди шли. Гитлер для них был чуть ли не богом. Понимаете? Гитлеру удалось сплотить всю нацию и подчинить себе всё и вся. Удалось. Опираясь на генералитет и так дальше... Ну вот. Так что фашизм сам себя не изжил и сам себя не угробил. Достаточно вам сказать, что даже при взятии Берлина, когда уже всё было проиграно, всё, немецкие войска сражались так, как дай бог каждому войску сражаться. Понимаете? Любая армия сдалась бы сразу, а немцы держались до последнего.

В. А.: Потому что им не на что было рассчитывать.

И. Г.: Нет. Нет. Нет. Так легко вы от фашизма не отмахнетесь. Нельзя.

В. Д.: Тоже, между прочим, участник Великой Отечественной войны.

И. Г.: Да, я понимаю. Нет-нет-нет. Фашизм есть явление очень серьезное. Это диктатура монополистического капитала, это крайнее течение в империализме, авантюрное, если хотите, но это, понимаете... банда, которая сумела сплотить народ. Демагогией, подачками. Ведь, между прочим, Гитлер сыграл на националистических и шовинистических настроениях немцев. Я был в Германии и знаю настроение немцев. Поскребите немца, и вы увидите, понимаете ли, националиста или шовиниста. Вот дело в чем.

Так вот об Александре. Дело, видите ли, в том, что, скажем, если вы возьмете мировую литературу об Отечественной войне 12-го года, то вы там почти не встретите Кутузова. Очень любопытно. Кутузова недооценивали, и, может быть, в этом виноват Александр, который отзывался о Кутузове плохо, ну, в кругу, в придворном. Из придворных кругов это шло в дипломатию – по каналам дипломатическим это растекалось, и это, собственно, создавало общественное мнение в правящих кругах. Даже сейчас в военной литературе вы встретите такие пренебрежительные отзывы о Кутузове. Я считаю Кутузова гениальнейшим из полководцев. Почему? Вы смотрите действия Кутузова. Наполеон. Он делает в войне 12-го года две величайших ошибки, непростительных, и как государственный деятель, и как деятель военный, стратег. Войдя в Россию, он не трогает помещиков, он даже их защищает. Русская прогрессивная интеллигенция, в том числе и дворянская, русские мужики ждали, что вот придет представитель французской революции и принесет освобождение крестьян от крепостной зависимости. Наполеон не только не нес освобождение, а нес наоборот – порабощение России иноземными войсками и иноземными помещиками, и это поставило против Наполеона всю нацию, от дворянина столбового до бедняка-крестьянина, то есть он против себя сам вызвал ненависть всей нации.

В. Д.: То же сделал и Гитлер.

И. Г.: Повторил, правильно вы говорите, и Гитлер: что славяне, русские будут рабами немцев, что мы сотрем с лица земли Петроград, Москву и прочее, и так далее.

В. А.: Вот фашист и погиб тут.

И. Г.: Да. И тем самым Гитлер, как и Наполеон, поставил против себя всю нацию, всю Россию. Следовательно, Гитлер повторил ошибку Наполеона, величайшую ошибку, непростительную ошибку.

Теперь рассмотрите Наполеона – военного стратега. Ну, есть определенное правило, что продвижение войск имеет какие-то оптимальные показатели. Вот вы наступаете. Вы, естественно, несете потери и в людских силах, и в материальных средствах, в вооружении. Вы отрываетесь от баз, вы отрываетесь от резервов, вы не успеваете освоить коммуникации. Следовательно, для того, чтоб не оторваться, вы должны продвинуться на какое-то оптимальное расстояние. Затем пополнить потери и в людских силах, и в вооружении, подтянуть базы, перебазировать, подтянуть резервы и только потом уже наступать. Что делает Наполеон? Взять Москву – и тут мы закончим поход. Александр капитулирует, Александр пойдет на мир. Тогда вся Европа плюс Россия. И он... осуществляется его мечта – завоевать Восток: Индию, весь Восток. И тогда он владыка всего мира. И вот он идет на Москву. Берет Смоленск. Его предупреждают маршалы – Ней, Мюрат, другие: «Государь, дальше идти нельзя. Надо остановиться: мы отрываемся от баз, мы отрываемся от резервов, коммуникации у нас не освоены. Дальше наступать нельзя». Нет, наступать! Только наступать. Только наступать. Кутузов прекрасно понимал, что он не имеет права жертвовать людьми и материальными средствами. Он отступал. Кутузов понимал, что Бородинское сражение ему не нужно, ни к чему оно, что он должен Москву сдать. Это Кутузов прекрасно понимал. Все генералы этого не понимали. И Кутузов принимает на себя ответственность за сдачу Москвы. Он сдает Москву. Сдает. Почему сдает? Взят Москву, Наполеон мира не получит, это первое. Дальше он продвигаться не может – это второе. Остановка деморализует войска, они будут разлагаться – это третье. И через некоторое время Наполеон либо сам уйдет, либо под нажимом уйдет из Москвы. Но вот спрашивают, а почему же Кутузов, победив на Бородинском поле, не пошел в наступление?¹⁹⁹ Вот тут сказался гений Кутузова-полководца и гений Кутузова-политика. Представьте себе на одну минуту. (Причем Александр был раздражен всем этим, не понял абсолютно ничего в стратегии Кутузова.) Представьте себе на одну минуту. Вот я сейчас рассуждаю над картой, рассуждаю как военный, рассуждаю, поставив себя на место Кутузова, без всяких на то оснований, кстати сказать, добавлю. Вот я выигрываю Бородинское сражение. Армия Наполеона истощена, мощь ее подорвана. Я имею все основания для наступления. Гнать Наполеона могу я? Могу! Но что получится в этом случае? Наполеон, имея в тылу сочувствующую ему, симпатизирующую ему Польшу и ненавидящую Россию, имея в тылу вассальные государства, в которых власть он еще держит через своих ставленников, отступая, Наполеон будет обрабатывать силами – и людскими, и материальными. А Кутузов, наступая, будет терять силы, и людские, и материальные. Наполеон будет усиливаться, а Кутузов будет ослабевать с каждым шагом вперед. И на каком-то этапе, то ли в Смоленске, то ли на Березине, Наполеон будет настолько силен, а Кутузов настолько истощен, что Наполеон легко столкнет его, вновь возьмет Москву – и уже тут с позором Россия должна будет подписать мир, потому что сил для борьбы у нее уже не оставалось, не было. Вот это Кутузов понимал. И когда достаточно разложившаяся французская армия, полностью деморализованная, предстала перед Наполеоном во всей своей красе (Наполеон – человек умный), он понял, что надо уходить. Он пытался уйти одной дорогой. Кутузов его столкнул на старую дорогу. И, отступая, армия Наполеона таяла, на что рассчитывал и что учитывал Кутузов, и она к границе подошла не армией, а бегущей небольшой толпой, потеряв и силу, и престиж, и моральную прочность, – потеряв всё. И вот это «потеряв всё» подняло всю Европу против Наполеона. И Кутузов тут выступает уже как государственный деятель. Дальше не надо идти, не надо идти. К чему терять людей? Дело сделано, Наполеон уже не поднимется, покоренные им державы оформятся, выйдут из-под Наполеона, противоречия между ними останутся, и Россия может разыгрывать эти противоречия в своих интересах.

¹⁹⁹ ...почему же Кутузов, победив на Бородинском поле, не пошел в наступление? Традиционно победителем сражения признается тот из противников, который занял поле боя, а не тот, который его уступил. Победной для русской армии битву при Бородине можно условно трактовать только по итогам всей военной кампании 1812 г.

Ну, Александр настаивал идти вперед. Париж его привлекал. Он хотел въехать в Париж так, с помпой. Кутузов был против этого. Ну, въехал он с помпой в Париж. Что это дало? Ничего. Понимаете? Вот вам, как я оцениваю гений Кутузова. Я его ставлю очень высоко.

Теперь посмотрите, что проделывает Жуков. Вот в мемуарах пишут немецкие вояки, генералы: «Мы были разгромлены, в панике бежали – и русские вдруг остановились. Они же могли нас преследовать, висеть на плечах. А они остановились и стоят». Жуков рассчитал, учел ошибку Наполеона. Удар – оптимальное продвижение четыреста-шестьсот километров. Встал. Перебазирование, подтягивание резервов, смена частей, освоение коммуникаций. Второй удар – опять оптимальное продвижение. Стоп. То есть, другими словами, властной рукой он ведет войну. Жестоко. Но всякий полководец вообще жесток, настоящий полководец, не дилетант. И вот властно, железной рукой он ведет войну, ведет к победе армию, вооруженные силы. И как гениально ведет! Ведь, понимаете, это ажур буквально вот все эти... если отбросить мелочи, случайные прорывы, случайные там и прочее, то в целом вырисовывается война как отчетливо продуманный маневр. Все, понимаете, части войны увязываются в одно целое.

Теперь. Смотрите, как Сталин ведет войну: «Мы воюем не с Германией. Мы воюем с немецким фашизмом и несем свободу немецкому народу». Понимаете? Какое отличие политическое от Наполеона и от Гитлера и какое отличие военное от Наполеона и от Гитлера, то есть, другими словами, Жуков и Сталин оказались более гениальными и в военном, и в политическом отношении и Наполеона, и гитлеровской камарильи. Вот в чем суть. Вот в чем суть. И когда вот, понимаете, забудутся все эти преступления Сталина, когда люди будут спокойно, историки, спокойно разбираться и напишут настоящую историю, я думаю, что вот эти простые истины они поймут. Вот почему я не ввязываюсь в хор улюлюкающих.

Понимаете? Я не одобряю культа личности Сталина. Это отвратительное явление. Это преступное явление. Это явление страшное. Понимаете? Но меня ведь интересует не личность Сталина или личность Сталина меня интересует постольку-поскольку. Меня интересует история страны, история революции. Вот в чем дело. И будущее страны и революции. Вот в чем суть-то. Я русский. Я участник Октябрьского вооруженного восстания (*усмехаясь*), кстати, два раза даже ранен был. Я был комиссаром...

В. Д.: Октябрьского восстания?..

И. Г.: Семнадцатого года. Я был комиссаром дивизии, комиссар военно- революционного комитета.

Ну вот. Вот вам мое понимание Отечественной войны и той, и другой: и 12-го года, и нашей, и Кутузова, и Жукова, и Александра I, и Сталина. Конечно, Александр I обаятельный человек, обаятельный человек...

В. Д.: «Властитель слабый и лукавый...»²⁰⁰

И. Г.:... Причем Наполеон о нем говорит: «Имейте в виду, что это хитрый византиец, очень умный и очень хитрый византиец, так что будьте с ним осторожны»²⁰¹. Наполеон понимал, что это дипломат, что это человек хитрый и прочее, и тому подобное. Но это не гений. Понимаете? Это человек, бесспорно, умный, бесспорно, образованный. Глупым его не назовешь. Но он не понимал, как вести войну и как можно ее выиграть. И в отличие от Александра Кутузов это понимал всё, до конца и в деталях. Вот в чем величие Кутузова. Я перед Кутузовым буквально преклоняюсь. Я перечитал уйму книг, и наших, и изданных за границей. И считаю, правильно то, что мы учредили орден Кутузова. И в этом опять мудрость Сталина сказалась.

²⁰¹ ...Наполеон о нем говорит: «Имейте в виду, что это хитрый византиец, очень умный и очень хитрый византиец, так что будьте с ним осторожны» – На острове Святой Елены Наполеон дал итоговую характеристику Александра I: «Александр умен, приятен, образован. Но ему нельзя доверять. Он неискренен. Это – истинный византиец, тонкий притворщик, хитрец» (Популярный источник: Чулков Георгий. Императоры. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 158).

Вы смотрите, он не постеснялся возвеличить Суворова, возвеличить Кутузова, возвеличить Ушакова, Богдана Хмельницкого, других, Александра Невского даже²⁰². Надо было понимать...

²⁰² ...правильно то, что мы учредили орден Кутузова. И в этом опять мудрость Сталина сказалась. ...он не постеснялся возвеличить Суворова, возвеличить Кутузова, возвеличить Ушакова, Богдана Хмельницкого, других, Александра Невского даже. – Орден Суворова первой, второй и третьей степени, орден Кутузова первой и второй степени и орден Александра Невского были учреждены Указом Президиума Верховного Совета СССР 29 июля 1942 г., орден Богдана Хмельницкого первой, второй и третьей степени – 10 октября 1943 г., орден Ушакова первой и второй степени – 3 марта 1944 г. Одновременно с орденом Ушакова была учреждена и медаль Ушакова.

В. А.: Он нацию поднимал.

И. Г.: Понимаете, как он маневрировал, политически маневрировал. Ведь, понимаете, это... пустышка так не мог маневрировать. Такие маневры, такие ходы по плечу только гению, знаете ли. Так что, вы уж на меня не обижайтесь, что я не присоединяюсь ко всем, понимаете, улюлюкающим и использующим преступления Сталина в период культа личности.

В. А.: Вы просто герой, я вам скажу: вы так пострадали и так его любите. (Усмехается.)

И. Г.: Политик должен обладать горячим сердцем и холодным рассудком. Я не помню, кто сказал: «Политик, прежде чем рассуждать или решать, должен запрятать под черепную коробку тонну льда». Понимаете? Сердце может быть горячим, но рассудок холодным. Политик ведь живет не сердцем – рассудком. Учтите это. Учтите это.

В. А.: Ну, вы молодец!

И. Г.: Вот так.

В. Д.: Так, ну, спасибо.

Как Маяковского редактировали в «Известиях»*

²⁰³ Как Маяковского редактировали в «Известиях». – Напомним: итогом изучения В. А. Арутчевой публикаций Маяковского в «Известиях» стала статья «Почтенный сотрудник "Известий"» (Вопросы литературы. 1990. Ноябрь – декабрь. С. 99–131). То же. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 50. 1991. № 6, ноябрь – декабрь. С. 539–550.

<...>

В. А.: Вы знаете что, вот я хотела... Я сделала список того... тех десяти стихотворений...

И. Г.: Маяковского?

В. А.: Маяковского. ...На которых есть ваши, так сказать, визы...

И. Г.: Дело в том, что я хотел... Это только визы? Там же есть замечания еще...

В. А.: А замечания...

И. Г.: Мало замечаний...

В. А.: А замечаний... Я когда с вами говорила по поводу всего этого... и вы со мной согласились, что действительно вы внесли такие исправления. Я это установила на основании вашего почерка, на основании цвета карандаша, потому что вы сами знаете: все пометки, они разноцветные на этих рукописях. <...> Вот, например, вот первое: «Ужасающая фамильярность»²⁰⁴. Вот объясните мне одну вещь. Вы, когда работали, видно, помощником у Степанова-Скворцова...

²⁰⁴ «Ужасающая фамильярность» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 27 августа 1926 г. С. 3.

И. Г.: Заместителем.

В. А.: Заместителем.

И. Г.: Помощников тогда еще не было.

В. А.: Потому что вы принимали, вот ваша пометка, да? «И. Г.», а Степанов-Скворцов написал: «Можно». Значит, пустить.

И. Г.: Дело в том, что я иногда показывал...

В. А.: А это исправление Степанова-Скворцова...

В. Д.: Вы подтверждаете всюду свою руку?

И. Г.: Да.

В. А.: Чего тут подтверждать? «И. Г.» – тут уж сомнений нету.

И. Г. (*рассматривает*): Ну, вот, значит, так... это тут...

В. А.: Сомнений нету.

И. Г.: Sic! (корпус)²⁰⁵.

²⁰⁵ Sic (корпус) – Так! (в пер. с латыни) в скобках.

В. А.: Sic! (корпус). Тут ваша и, по-моему, зингеровская рука вот тут.

И. Г.: Тут? Это Зингер²⁰⁶, да. Так.

²⁰⁶ Зингер Макс Эммануилович (1899–1960) – писатель-очеркист, литературный редактор и секретарь редакции «Известий» (1922–1934). Один из газетчиков, сопровождавших публикацию стихов Маяковского. О своей работе в редакции рассказал в очерке «Люди и события» (С мандатом «Известий». С. 81–123).

В. А.: Теперь следующее стихотворение. Ну, тут особых... тут исправил Степанов-Скворцов...

И. Г.: Скворцов-Степанов, он пишет: «Можно», да?

В. А.: «Можно», да. Вот, пожалуйста, еще, «Канцелярские привычки»²⁰⁷, опять вы вместе со Степановым-Скворцовым.

²⁰⁷ «Канцелярские привычки» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 29 августа 1926 г. С. 3.

И. Г. (*читает*): Скворцов-Степанов... так...

В. А.: Почему Скворцов-Степанов? В газете всегда был Степанов-Скворцов, а теперь Скворцов-Степанов. Он подписывался Степанов-Скворцов...²⁰⁸ Вот, пожалуйста, «И. Г.», опять-таки пишет...

²⁰⁸ В газете всегда был Степанов-Скворцов, а теперь Скворцов-Степанов. Он подписывался Степанов-Скворцов... Действительно, каждый номер «Известий» он подписывал как Степанов-Скворцов. Так и Маяковский называет его в эпиграмме. А впоследствии его фамилию (Скворцов) и псевдоним (Степанов) соединили в обратном порядке.

И. Г.: «Канцелярские привычки»...

В. А.: «Канцелярские привычки»... Я вам оставляю... листать не нужно...

И. Г.: Ах, так-так-так, хорошо.

В. А.: И дата тут есть. «Пустить», – пишет Степанов-Скворцов.

И. Г.: «Канцелярские привычки» тут нет...

В. А.: Как нет?

И. Г.: Нет. «Беспризорщина»²⁰⁹.

²⁰⁹ «Беспризорщина» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 4 сентября 1926 г. С. 2.

В. А.: Нет? Как нет?! Неужели я пропустила «Канцелярские привычки»?

И. Г.: Пропустили.

В. А.: Ну, давайте сюда впишем. Значит, одиннадцатый...²¹⁰

²¹⁰ Значит, одиннадцатый... – 11-й номер в списке стихотворений Маяковского, отобранных В. А. Аругчевой.

И. Г.: Так, хорошо, впишем.

В. А.: Как странно, я могла... Вписывайте. «Канцелярские привычки».

И. Г. (*Пишет и проговаривает*): «Канцелярские привычки... привычки... привычки»...

В. А.: И опять это воскресный номер идет.

И. Г.: Так, значит, второе... «...Привычки»... так... «И. Г.» и Скворцова: «Пустить»... Иногда я показывал... «Пустить»... Скворцов.

В. А.: В этой рукописи тоже ничего интересного нет. Вот идет «Беспризорщина».

И. Г.: «Беспризорщина».

В. А.: Вот, я даже пишу: «Видимо, Гронский не понял смысла этих строк и обвел их карандашом». Вот вы обвели... Это вы обвели карандашом.

И. Г.: А кроме...

В. А.: А почему вы? Потому что вот вы писали карандашом тут...

И. Г.: Да-да, да-да, да... Так...

В. А.: Теперь что вы обвели... «Сегодня / расти / деловито и хмуро // столбцы / помогающих цифр!»²¹¹ Видите, вас, наверное, смутило слово «расти», потому что слово «расти» здесь... это (между прочем, и в собрании сочинений такая же штука... и много ошибок этих осталось), это повелительное наклонение у Маяковского. Не расти столбцам, а расти столбцы, то есть... «ты расти столбцы». Кстати, Катаня²¹² так оставил тоже во многих стихах ошибки...

²¹¹ Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 171.

²¹² Катанян Василий Абгарович(1902–1980) – автор биографического справочника «Маяковский: Хроника жизни и деятельности» 6-е изд., доп. / отв. ред. А. Е. Парнис. М.: Сов. писатель, 1985. – 648 с.), один из составителей, авторов примечаний и редакторов трех Полных собраний сочинений Маяковского (1934–1939, 1939–1949, 1955–1961). Муж Л. Ю. Брик (с 1937, официально с 1956).

И. Г. (рассматривает дальше): Да. Это Василенко²¹³.

²¹³ Василенко Владимир Мартынович (1892–1960) – поэт, переводчик, журналист, литературный редактор и заведующий секретариатом «Известий». О своей работе в редакции рассказал в очерке «Наш сотрудник – Маяковский» (С мандатом «Известий». С. 71–80). О распределении своих обязанностей с В. М. Василенко М. Э. Зингер писал: «Секретарь Владимир Мартынович Василенко работал до шести вечера, а я с шести и до конца номера, зачастую до утра» (Зингер М. Люди и события // С мандатом «Известий». С. 84).

В. А.: Это Василенко.

И. Г.: Это «Беспризорщина».

В. А.: «Беспризорщина».

И. Г.: Так, третье...

В. А.: Теперь вы уже один тут работаете.

И. Г.: Так, «И. Г.».

В. А.: Вот, пожалуйста. «Беспризорщина»...

И. Г.: Так, «И. Г.», так.

В. А.: Просто это задвинулось, и я ее не вписала.

И. Г.: Так... тут «И. Г.» и Скворцов...

В. А.: Да. Потом опять вот... ну, это Степанов-Скворцов, вас тут нету. Вот теперь с вами опять – «Две Москвы»²¹⁴.

²¹⁴ «Две Москвы» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 12 сентября 1926 г. С. 3.

И. Г.: Тоже Скворцов?

В. А.: Нет, тут один вы. Тут только вы, Степанов-Скворцов тут роли никакой не играет.

И. Г.: Так. Это что, «Две Москвы», да?

В. А.: Тут вы сыграли свою опять-таки роль. <В строчках «Есенины / по кабакам, // как встарь, / друг другу мнут бока»> Вы не пропустили Маяковскому «Есенины», в смысле «хулиганы», и он <заменял слово «Есенины»> словом «хулиганье». Потом. Это цензура, понимаете! Вот как Маяковскому приходилось все-таки с этой цензурой все-таки соглашаться. Например, он написал «никчемный черный Кремль», а против этого были возражения. Вместо «никчемный» сделали «суровый», вместо «черный» сделали «старый». Вот это «старый» – это рука, по-моему, Зингера. Это рука Зингера.

И. Г.: Зингер ничего не исправлял.

В. А.: Нет, он не исправлял самостоятельно, но... Нет-нет, это Маяковский... рука-то Зингера. Значит, Маяковский ему сказал. Это рука не Маяковского. Вот «суровый» – это рука Маяковского, а «старый» – это не рука Маяковского, а рука Зингера.

И. Г.: Следовательно, присутствовал Зингер, когда я принимал это стихотворение, и я указывал Маяковскому... Частью исправлял Маяковский сам, частью исправлял Зингер по его указанию.

В. А.: Я думаю, что это было не так. Я думаю, что Маяковский согласился с вами – исправил «Есенины» и «никчемный», а насчет «черного» вопрос возник немного позже, и он согласился, и тогда вписал уже Зингер...

И. Г.: Без ведома Маяковского мы не правили.

В. А.: Да нет, не без ведома, с ведома.

И. Г.: Потом еще одно учтите: учтите, что в «Известиях» цензуры не было.

В. А.: Это я называю условно «цензура».

И. Г.: Две газеты бесцензурные: «Правда» и «Известия».

В. А.: Это я называю «цензура».

В. Д.: Слово «цензура» вообще: редакционная политическая поправка.

И. Г.: Так, подождите. (Пишет.) Слово «Есенины» заменено словом «хулиганы»?²¹⁵

²¹⁵ ...заменено словом «хулиганы»... – Маяковский заменил слово «Есенины» на: хулиганье.

В. А.: Да. Это уже под вашим воздействием. Между прочим, вот тут Зингер пишет: «Гранки Шубину»²¹⁶ или товарищу Гронскому». Это стихотворение «Хулиган». Но почему-то тут вашей отметки нету.

²¹⁶ Шубин-Виленский Петр Абрамович (1878–1937) – член редколлегии «Известий» (с 1926), сотрудник Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (с 1925), политический помощник Генерального секретаря ИККИ Георгия Димитрова (1935–1937). Арестован 5 октября 1937 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян 25 декабря того же года. Реабилитирован в 1956 г. Отправляясь в отпуск (с 4 сентября по 12 октября 1926), И. И. Степанов-Скворцов сообщил в письме, адресованном в ЦК ВКП (б), президиуму ЦИК и ВЦИК и в отдел печати, что «обязанности главного редактора» во время его отсутствия «будет исправлять член редакционной коллегии тов. П. А. Шубин» (Кочергина И. В. И. А. Бунин: «Мне недавно прислали вырезку...»: (об авторстве фельетона «Выстрел в рот» в газете «Известия» за 1925 г.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2021–2022 / отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2022. С. 43–44). Из писем Шубина Степанову-Скворцову в Крым, заключает И. В. Кочергина, «понятно, что редакторские обязанности в отсутствие главного редактора он делил с И. М. Гронским» (Там же. С. 44).

И. Г.: А без меня... Раз дали без меня, то я буду читать в гранках. Это какой год?

В. А.: А вот я вам написала: «Хулиган», 26-й год, 19 сентября²¹⁷.

²¹⁷ «Хулиган», 26-й год, 19 сентября. – В газете с. 3.

И. Г.: Ага, Шубин еще был в редколлегии, мы были членами редколлегии с ним.

В. А.: Значит, видно, вы вначале не видели, поэтому пишет Зингер, чтоб дали или вам, или Шубину. Так вы и получили это.

И. Г.: Так, правильно.

В. А.: Дальше. Теперь идет «Хулиган» и «В мировом масштабе»²¹⁸, где вы тоже сыграли свою роль небольшую. Вот смотрите, вот что вы сделали. (*Обращаясь к Дувакину*) Виктор Дмитриевич, это интересно, слушайте. У Маяковского написано: «<Не время ль / кончать / с буржуями спор? /> Не время ль / штыком причесать...»²¹⁹, то есть, значит, это хулиган в мировом масштабе... «причесать штыком...»... это...

²¹⁸ «Хулиганы в мировом масштабе» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 26 сентября 1926 г. С. 2.

²¹⁹ Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 189.

И. Г.: Понимаю.

В. А.: ...ну, воюющие государства... А вы... вы всё смягчали, вы... «штыком» вам не понравилось, и вы заменили словом... (это ваша рука, вот ваш карандаш синий, это ваша рука)...

И. Г.: Да-да-да.

В. А.: ...и вы заменили словом «их»: «Не время ль / их причесать...» Вы даже, понимаете, этим самым немножечко испортили, даже множечко испортили текст...

И. Г. (*Читает и записывает*): «Не время ли / их причесать...»

В. А.: Да, вместо «штыком».

И. Г.: «...причесать...» А у Маяковского было написано: «Не время ль штыком причесать?»

В. А.: Да, «штыком причесать», «их» нету – «Не время ль / штыком причесать?».

И. Г.: Я одно слово заменил.

В. А.: Вы знаете, что... вот говорите, цензуры не было, но я там смотрела и читала всякие статьи, и там было про одного студента, который дал пощечину одному польскому какому-то деятелю, и об этом, значит, статья небольшая в «Известиях». Что вы думаете? Это заменяют, заменяют тем, что этому деятелю пришлось испытать неприятный момент. Всё. (*Усмехается*.) Вместо пощечины.

И. Г.: Минутку. Мы немножко остановимся. Вот это замена... Ведь дело в том, что Троцкий говорил о том, что надо прощупать революцию штыком²²⁰. Маяковский, не будучи политиком... «Не время ли / их прощупать штыком?»

²²⁰ ...дело в том, что Троцкий говорил о том, что надо прощупать революцию штыком. – Маяковский написал: «Не время ль / кончать / с буржуями спор? // Не время ль / штыком причесать...» Гронский зачеркивает слово «штыком» и вместо него вписывает: «их». Поле сражения заменено салоном парикмахерской. Оправдывается эта манипуляция стремлением избежать переключки с Л. Д. Троцким. Дескать, это Троцкому единично принадлежит фраза, ориентирующая на войну с Польшей: «Надо прощупать Европу штыками». Но, выступая с политическим отчетом ЦК на IX конференции РКП (б) 22 сентября 1920 г., В. И. Ленин эту задачу признал общепартийной: «Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши. Отсюда вытекала и дальнейшая общая политика. Мы формулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК и представляющей собой закон для партии до нового съезда. Но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать – не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» (Стенограмма выступления В. И. Ленина / подгот. А. Н. Артизовым и Р. А. Усиковым // Исторический архив. 1992. № 1. С. 66). И вот результат: «Насколько нам удалось прощупать штыком готовность Польши к социальной революции? Мы должны сказать, что эта готовность мала» (Там же. С. 17).

В. А.: Нет, «причесать»... «Не время ль / штыком причесать?»

И. Г.: «Не время ли / их причесать штыком?»

В. Д.: «Не время ль / штыком причесать?»

И. Г.: «Не время ли / штыком причесать?» и так дальше.

В. А.: Да.

И. Г.: Теперь. Я выкидываю «штыком», то есть войну между государствами, «их» перевожу... то есть «хулиганов», «не время ль / их причесать», понимаете ли?

В. А.: Да.

И. Г.: То есть международный план превращаю во внутренний план. Понимаете, в чем суть этой маленькой поправки?

В. Д.: Но это меняет стихотворение.

И. Г.: Меняет всё.

В. А.: Это меняется стихотворение.

В. Д.: Ведь это стихотворение о международном хулиганстве.

И. Г.: Да, но хулиган в мировом масштабе...

В. Д.: Да, это международный, это агрессор.

И. Г.: Да, но «их» – уже смягчено, не штыком, не войной, не путем войны. А как – это другой разговор.

В. А.: Другой разговор. Но вот что получается, что у нас выходит собрание сочинений Маяковского и выходит не с текстом Маяковского... и считается, что этот текст окончательный. Другого нету текста... Понимаете? Вот с чем я, собственно говоря, хочу бороться, о чем я пишу.

И. Г.: Так.

В. А.: Понимаете? Окончательные тексты Маяковского – они не окончательные тексты Маяковского, а окончательные тексты редакторов.

И. Г.: Да, правильно.

В. А.: Понимаете, вот?

В. Д.: Маяковского редко редактора исправляли, но все-таки есть.

В. А.: Нередко! Вот я вам говорю, вот эти три...

И. Г.: То, что известно.

В. А.: ...Что сделал Степанов-Скворцов со стихотворением «Не юбилейте!»²²¹, я... прямо бедный Маяковский. Он его не понял, Степанов-Скворцов. И Маяковский переделывал без конца. «Не юбилейте!» в конце концов не в редакции Маяковского. Вот вам, пожалуйста: «Стоящим на посту»²²², «Стоящим на посту»...

²²¹ «Не юбилейте!» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 7 ноября 1926 г. С. 2.

²²² «Стоящим на посту» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 12 ноября 1926 г. С. 5.

В. Д.: Милиции.

В. А.: ...ваша пометка... ну, тут, это, собственно говоря... вот! опять ваша, это я чувствую, что это ваша рука, то есть не ваша рука, а ваше желание. У Маяковского: «В центре – огни, / на окраине – ночи», то есть значит, что вот, видите, в центре всё хорошо, а на окраине плохо. Так вы это заставили переделать: «...чем дальше от центра – / тем глубже ночи»²²³. (Смеется.)

²²³ Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 242.

И. Г.: Да, другой смысл.

В. А.: Другой смысл.

В. Д.: Видите, какая дотошная женщина?

И. Г.: Да. Дело, видите ли, в том... опять объясню... У писателя Ивана Катаева был рассказ «Ленинградское шоссе», рассказ троцкистский, что вот в центре Кремль, тут живут, вообще говоря, привилегированно, хорошо, а вот когда едешь дальше, там машинист, там всё прочее, там живут плохо... и так дальше. Верхи и низы. И вот тут, видите ли...

В. Д.: Переключка.

И. Г.: Верхи и низы – переключка с Троцким, с троцкистами²²⁴.

²²⁴ *Верхи и низы – переключка с Троцким, с троцкистами.* – Если заняться выискиванием троцкизма в противопоставлении верхов и низов, то самым отчаянным троцкистом окажется А. С. Пушкин, автор стихотворения «Деревня» (1819):

*На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.*

В рассказе Ивана Катаева «Ленинградское шоссе» (1933) этого противопоставления не больше, чем в достоверном быту первых пятилеток, и не в противопоставлении верхов и низов суть рассказа, который интересен как раз сплуском низового советского быта.

В. Д.: Вот то, что Маяковский...

И. Г.: И это я исправлял.

В. А.: Вот стихотворение «Еврей»²²⁵.

²²⁵ «Еврей» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 16 ноября 1926 г. С. 4.

И. Г.: Так.

В. А.: Стихотворение «Еврей» тоже вы принимали, и вы пропускали. Теперь какие тут вы внесли ошибки... то есть не ошибки, простите, но просто вы меняли текст Маяковского. Вот у Маяковского написано: «Так врут / рабочих врагов голоса»²²⁶ – «рабочих». А вы думали, что это опечатка и поставили «м»: «Так врут / рабочим врагов голоса»²²⁷. А у Маяковского: не рабочим врут, а врут голоса рабочих врагов. Понимаете? Врагов рабочих. И что из-за этого получилось. Во-первых, у Маяковского, видите, как строка разбита: «Так врут» – одна строка, «рабочих врагов голоса» – на одной. Если бы так: «врут рабочим», то «рабочим» он поставил бы рядом с «врут».

²²⁶ Авторизованная машинописная копия (Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 452).

²²⁷ После правки Гронского (Там же. С. 244).

И. Г.: Да, конечно.

В. А.: Понимаете?

И. Г.: Да-да-да.

В. А.: Тогда была бы пауза. И получилось... Вот печатается теперь так. Понимаете?

И. Г.: Да, тут я мало-мало ошибался.

В. Д. (Арутчевой): Учите...

В. А.: Мы скоро кончаем. Потом вот тут. Вот это: «...и немец, / и русский, / и шайки поляков»²²⁸. Три раза Маяковскому... У него было правильно²²⁹. Тут была опечатка машинистки... Но я сейчас не буду на этом задерживаться, потому что кончается лента. Надо нам с вами дальше. Вот еще, пожалуйста: «О том, / как некоторые / втирают очки // товарищам, / имеющим циковские значки»²³⁰. Ну, это я не знаю, сам ли Маяковский: «Секретарь, недоступнее Сухаревой башни...»²³¹ Тут у Маяковского исправление: «...величественнее Сухаревой башни...»²³². Ну, это, может быть...

²²⁸ После редакционной правки. Там же. С. 245.

²²⁹ У него было правильно. – До правки было: «...и немцем / и русским / и шайкой поляков» (Там же. С. 452).

²³⁰ «О том, / как некоторые / втирают очки // товарищам, / имеющим циковские значки» стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 19 декабря 1926 г. С. 6.

²³¹ Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 453.

²³² Там же.

В. Д.: Это Маяковский.

В. А.: Это Маяковский, я считаю, его собственное исправление. Потом еще исправления. Ну, тут, понимаете, таких редакторских никаких особенных нет... И, по-моему... Вот опять идет... «Наш паровоз, стрелой лети...»²³³. Это принимает Степанов-Скворцов, и опять почему-то и вы, вместе.

²³³ «Наш паровоз, стрелой лети...» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 22 декабря 1926 г. С. 3.

И. Г.: А мы вместе же с ним всё равно делали...

В. А.: Вы его заместитель были?

И. Г.: ...когда он был в редакции. Я был его заместитель, и когда он был в редакции, то мы обычно некоторые вещи визировали оба, оба просматривали. Это закономерная вещь, потому что мы очень были с ним дружны. Он ко мне приходил, я к нему приходил.

В. А.: А вот тут он, например, вот это...

И. Г.: Я знал его отношение к Маяковскому, поэтому я ему передавал стихотворения Маяковского. И он никогда их не задерживал, кроме того случая, когда он разошелся окончательно с Маяковским.

В. А.: Вот тут вот как раз – «Наш паровоз, стрелой лети...» – первый начал исправлять Степанов-Скворцов. Он, видите... Вот тут такая: «Вагоны красные, / как раки сваренные...»²³⁴ И у Маяковского было: «Одни гружёные, / одни товарные...»²³⁵ Наверно, Степанов-Скворцов не очень... думал, что если «одни» гружёные, то другие товарные, что получается «одни-одни», он заменил. Тогда Маяковский, поскольку не спорил, он написал: «все гружёные, / все товарные...»²³⁶. А вот вы, это уже, видимо, согласовав с Маяковским... это вы поставили: «...и все груженные, / и все товарные...»²³⁷ Это уже ваша рука. Ну вот, и на этом, собственно, кончается...

²³⁴ Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 252.

²³⁵ Там же. С. 453.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. С. 252.

В. Д.: А «Не юбилейте!»?

В. А.: «Не юбилейте!» – это без Ивана Михайловича.

В. Д.: Без Ивана Михайловича?

И. Г.: Да.

В. А. (Просматривает): А! вот, нет-нет-нет, извините, тут есть еще «Рождественские пожелания...»²³⁸ «Рождественские пожелания...» Подождите... там была одна... подождите, какое же стихотворение...

²³⁸ «Рождественские пожелания <и подарки>» – стихотворение Маяковского, напечатанное в «Известиях» 25 декабря 1926 г. С. 2.

В. Д.: Какое последнее?

В. А.: Нет-нет, еще одно стихотворение, где... тоже вы ему исправили текст... ой, где-то...

И. Г.: Исправил, да, я помню.

В. А. (Перелистывает): Ага! Это наверное... «Наше новогодие»?²³⁹ Нет.

(В связи с тем, что пленка кончается, на время магнитофон выключен. Запись возобновляется с полуслова.)

В. А.: ...работал Виктор Дмитриевич.

В. Д.: Я знаю. Я никогда в этом не сомневался. Варвара Аветовна вообще у нас...

В. А.: Я очень разобрала это дотошно.

В. Д.: Варвара Аветовна – лучший знаток рукописей Маяковского. (Арутчева продолжает искать.)

В. Д.: Это какой год?

В. А.: Подождите... какое же это стихотворение...

В. Д.: У вас еще одно стихотворение осталось?

В. А.: Да...

(Опять выключается магнитофон на время.)

В. А.: Вот. У Маяковского было: «Чтоб каждой реки / любая вода // миллионом вольт / неслась в провода»²⁴⁰. Где же это у меня калька тут была... Там ваша рука...

²⁴⁰ Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. С. 257, 453.

В. Д.: Это какое стихотворение?

В. А.: Это «Рождественские пожелания и подарки». Ну, в общем... Почему у меня эта калька сейчас куда-то исчезла? Но вы понимаете, что... Это было вашей рукой... Вот. Я даже написала, что «И. Г.», то есть это «Иван Михайлович Гронский» признал, что «неслась» – это результат корректуры. (Гронскому.) Это вашей корректуры. А что было там, я сейчас вам скажу... вот двести пятьдесят пятая страница. У Маяковского... у Маяковского... Сейчас... Вот. «Чтоб каждой реки / любая вода / миллионом вольт / неслась в провода». А машинистка допустила небольшую ошибку. Она написала «миллион», потом «ны» и наверху «о» вставила. Вы, видимо... вам показалось, что это «миллионы», и вы исправили «миллионы вольт» не «неслось», а «несла» в провода. Значит, вместо «миллионом вольт / неслась в провода» печатается «миллионы вольт / несла в провода». Понимаете? Вот. Ну, и на этом кончается, значит, ваша работа с Маяковским.

И. Г.: Это вы мне оставите?

В. А.: Пожалуйста. Это я вам дарю.

И. Г.: Спасибо большое.

В. Д.: Ну, большое спасибо, Иван Михайлович. Мы на будущее, к будущей субботе, когда встретимся, давайте сейчас, так сказать, наметим, что именно будет нашими темами. Я сейчас вас не связываю, но просто, так сказать, кто будет нашим предметом. О Демьяне так хорошо вы дали, много.

И. Г.: Демьяна я исчерпал полностью.

В. Д.: Полностью. Маяковского исчерпали.

И. Г.: Маяковского исчерпали полностью, Демьяна исчерпали полностью...²⁴¹

²⁴¹ ...Демьяна исчерпали полностью... – Дувакин настойчиво выспрашивал Гронского о живых впечатлениях от Демьяна Бедного. Но Лидия Александровна Гронская превзошла мужа, рассказав о первом посещении вместе с ним квартиры поэта в Кремле: «Пришли днем "на обед". Чуть запоздали, семья уже сидела за столом, Демьян из-за большого живота сидел к столу боком и, когда поздоровался со мной за руку, конечно, не поднявшись со стула, хлопнул меня по задку и сказал: "Что же вы такую красавицу от меня прячете?!" Я была ошеломлена» (Гронская Лидия. Наброски по памяти. Воспоминания. С. 66).

В. Д.: Есенина? Воронского?

И. Г.: Есенин, Воронский... что еще?

В. Д.: Ну вот вы подумайте.

И. Г.: Ну, для... это, собственно говоря, интересно людям, которые изучают политику партии в литературе – Сергеев-Ценский.

В. Д.: Ну, он не такой уж писатель крупный.

И. Г.: Да, но там очень важный момент был с Сергеевым-Ценским.

В. Д.: Хорошо.

И. Г.: Сергеев-Ценский, и к этому можно будет привлечь Бунина...

В. Д.: Бунин? Очень хорошо.

И. Г.: Бунин... Бунин...

В. Д.: Переписку с ним?

И. Г.: Сергеев-Ценский... Нет, я как раз касаться (?) буду о другом.

В. А.: Какой Бунин? Иван Бунин?

И. Г.: Иван Алексеевич Бунин. Дело в том, что у меня из-за этого с ним произошло столкновение с Горьким.

В. А.: Из-за Бунина?

И. Г.: Да. Задачей вашей, между прочим... кусочек истории, поэтому о нем надо будет рассказать.

В. Д.: Хорошо. Потом самого Горького.

И. Г.: Почему Бунин не вернулся в Советский Союз.

В. Д.: Вы об этом немножко говорили. Вы говорили уже об этом немножко. Горького самого.

И. Г.: Горького самого... Но Горький настолько, понимаете, большая тема, что надо что-то выбрать...

В. Д.: Нет, берите только... понимаете, мы не можем записать, конечно, абсолютно всё...

И. Г.: Все-то нам и не удастся записать.

В. Д.: Помните, что наша специфика – это прежде всего сами, так сказать, факты, воспоминания, поэтому не нужно вам характеризовать всего Горького, а рассказать, что вы лично помните о самом Горьком и его столкновениях...

И. Г.: Страшно много...

(Беседа обрывается.)